

вДанная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Дженнифер Линн Барнс Инстинкт убийцы

Естественные – 2

Оригинальное название: Jennifer Lynn Barnes «Killer Instinct» 2014

Дженнифер Линн Барнс «Инстинкт убийцы» 2016

Перевод: Дина Техова

Редактор: Анастасия Антонова

Русификация обложки: Ксения Левченко

Переведено специально для группы:

https://vk.com/e_books_vk

Любое копирование без ссылки

на переводчика ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Семнадцатилетняя Кэсси Хоббс обладает даром профилирования людей. Ее талант обеспечил ей место в элитной программе ФБР для подростков с врожденными способностями в расследовании преступлений и участие в некоторых ужасных событиях. После того, как она едва избежала смерти после встречи с неуравновешенным убийцей, одержимым делом ее матери, Кэсси надеется, что она и остальные члены команды смогут придерживаться расследования особо тяжких преступлений издалека.

Но когда жертвы нового жестокого серийного убийцы начинают всплывать, то Естественные оказываются втянутыми в расследование дела, которое слишком близко к их дому: убийца является идеальным подражателем заключенного отца Дина — человека, которого он хотел бы забыть любым способом. Погружаясь все глубже в ход мыслей убийцы, чем когда-либо прежде, смогут ли Естественные перехитрить жестокие игры разума загадочного убийцы, пока этот подражатель не поймал их в свои сети?

С ее фирменным остроумием, блестящей сюжетной линией и поворотами, которые никто не может предугадать, Дженнифер Линн Барнс будет держать читателей на грани и заставлять их оглядываться через плечо, пока они мчатся по страницам этой захватывающей истории.

Дженнифер Линн Барнс

Инстинкт убийцы

Естественные – 2

Глава 1

Большинство похищенных и убитых детей оказываются убиты в течении трех первых часов с момента похищения. Благодаря моей соседке, которая оказалась ходячей энциклопедией по теории вероятности и статистике, я знала точные цифры. Я также знала, что стоит часам расследования перетечь в дни, а дням — в недели, вероятность найти ребенка падает так быстро, что ФБР не может больше оправдывать количество ресурсов, затраченных на поддержание дела активным.

Я знала, что к тому времени, как дело назовут «нераскрытым» и, наконец, передадут нам, мы, скорее всего, будем искать тело, а не маленькую девочку.

Но...

Но ведь Маккензи Макбрайд было всего шесть лет.

Её любимым цветом был фиолетовый.

И она хотела быть «ветеринаром поп-звездой».

Нельзя перестать искать ребенка вроде неё. Нельзя перестать надеяться, даже если захочешь.

— Ты выглядишь как женщина, которой нужно хорошенько повеселиться. Или выпить, — рядом со мной на диван опустился Майкл Таунсенд, вытягивая вперед свою большую ногу.

— Я в порядке, — ответила я.

Майкл фыркнул:

— Уголки твоего рта приподняты. Остальные части твоего лица борются с этим, словно стоит твоим губам сложиться в крохотную улыбочку, ты расплачешься.

Вот вам и первый минус программы «Естественных». Все мы очутились здесь потому, что умеем замечать то, чего не видят другие. Майкл читал выражения лица с легкостью, с которой остальные люди читали слова.

Он склонился ко мне:

— Только скажи, Колорадо, и я абсолютно бескорыстно предоставлю тебе столь необходимое отвлечение.

В последний раз, когда Майкл предложил отвлечь меня, мы провели час, копаясь в барахле, а затем взломали защиту ФБР.

Ну, технически, это Слоан взломала защиту ФБР, но на окончание истории это никак не влияет.

— Никаких отвлечений, — твердо ответила я.

— Уверена? — переспросил Майкл. — Потому что в число отвлечений входит Лия, желе и кровная месть, жаждущая быть свершенной.

Я вовсе не хотела знать, чем наш местный детектор лжи спровоцировала отмщение с помощью желе. Учитывая характер Лии и их с Майклом историю, возможностей было не счесть.

— Ты ведь понимаешь, что втянуть Лию в войну розыгрышей было бы очень плохой идеей, — сказала я.

— Даже не сомневаюсь в этом, — ответил Майкл. — Вот если бы я не был обременен здравым смыслом и необходимостью самосохранения...

Майкл водил машину, словно самый настоящий маньяк и ненавидел, когда люди пытались командовать им. Двамя месяцами ранее, он последовал за мной из дома, прекрасно осознавая, что мною был одержим серийный убийца. А потом в него выстрелили.

Дважды.

Самосохранение не было его сильной стороной.

— Что, если мы ошибаемся насчет этого дела? — спросила я.

Мои мысли вернулись от Майкла к Маккензи, от событий, произошедших шесть недель назад к тому, чем сейчас где-то там занимались агент Бриггс и его команда.

— Мы не ошибаемся, — мягко ответил Майкл.

Пусть зазвонит телефон, — подумала я. — Пусть позвонит Бриггс, чтобы сказать мне, что в этот раз... в этот раз... мои инстинкты не подвели.

Первым, что я сделала, стоило агенту Бриггсу передать нам файл Маккензи Макбрайд, стало профилирование подозреваемого: досрочно освобожденный преступник, исчезнувший примерно в то же время, что и Маккензи. В отличие от способностей Майкла, мои навыки не ограничивались выражениями лица или осанкой. Получив лишь горстку деталей, я могла влезть в голову другого человека и представить, какого было бы стать им, хотеть того, чего хотел он, совершать его поступки.

Поведение. Личность. Окружение.

Подозреваемый в деле Маккензи был не слишком внимательным человеком. Похищение было слишком хорошо спланировано. Что-то здесь не вязалось.

Я просматривала файлы, в поисках кого-то, хоть отдаленно подходящего под составленное мной описание. Молодой. Мужчина. Умный. Аккуратный. Я наполовину упростила, наполовину заставила Лию пройти по показаниям свидетелей, записям допросов и бесед с очевидцами — по каждой записи, связанной с делом, в надежде на то, что она поймает кого-то на лжи. И, наконец, так и случилось. Адвокат семьи Макбрайдов сделал заявление для прессы от имени своих клиентов. Мне оно показалось обыкновенным, но Лие ложь резала слух, как режет слух фальшивое пение человеку с идеальным слухом.

— Никто не в силах осмыслить подобную трагедию.

Адвокат был молод, умен, аккуратен и он, определенно, был мужчиной... А ещё, произнося эти слова, он лгал. В мире был лишь один человек, который все же мог осмыслить произошедшее — человек, не считающий его трагедией.

Человек, похитивший Маккензи.

По словам Майкла, адвокат чувствовал трепет, стоило ему произнести имя маленькой девочки. Я надеялась, что это означало, что у нас всё ещё есть шанс — каким бы крохотным он ни был — что мужчина держал её в живых: живое, дышащее напоминание о том, что он был больше, лучше и умнее, чем ФБР.

— Кэсси! — в комнату ворвался Дин Рэддинг, и моя грудь сжалась.

Дин был тихим и замкнутым. Он почти никогда не повышал голоса.

— Дин?

— Они нашли её, — сказал Дин. — Кэсси, они нашли её в принадлежащем ему доме, именно там, куда указала Слоан. Она жива.

Я подпрыгнула, пульс отдавался грохотом в моих ушах, и я была не уверена — заплачу я, закричу или же меня стошнит. Дин улыбнулся. И это была не полуулыбка. Не усмешка. Он просиял, и его лицо преобразилось. Его шоколадные глаза блеснули под прядями светлых волос, вечно спадающих ему на лицо. На его щеке появилась ямочка, которой я раньше никогда не видела. Я обвила Дина руками. Через миг я выпуталась из его объятий и бросилась к Майклу. Майкл поймал меня и испустил вопль. Дин присел на подлокотник дивана, а я вклинилась между ними, ощущая тепло их тел. Думать я могла лишь о том, что Маккензи сможет вернуться домой.

— Это частная вечеринка, или кто-нибудь может присоединиться?

Мы трое обернулись и увидели Лию, стоящую в дверном проеме. Она была с ног до головы облачена в черное, на шее красовался белый шелковый шарф. Она вздернула бровь, глядя в нашу сторону: крутая, спокойная и совсем немного насмешливая.

— Признайся, Лия, — сказал Майкл. — Ты так же счастлива, как и все мы.

Лия оценивающе взглянула на меня. Посмотрела на Майкла, а затем на Дина.

— Если честно, — сказала она, — я очень сильно сомневаюсь, что прямо сейчас кто-то может быть счастливее Кэсси.

Мне всё лучше удавалось игнорировать маленькие подколки Лии, но эта попала прямо в цель, прямиком в яблочко. Зажатая между Майклом и Дином, я покраснела. Я вовсе не собиралась идти у неё на поводу — я не позволила бы Лие разрушить этот момент.

По лицу Дина скользнуло мрачное выражение, он встал и направился в сторону Лии. Всего на миг мне показалось, что он собирается сказать ей что-то, насчет испорченного момента, но он промолчал. Он просто схватил её и забросил на плечо.

— Эй! — запротестовала Лия.

Дин усмехнулся и бросил её на диван к нам с Майклом, а затем, как ни в чем не бывало, вернулся на свое место на самом краю дивана. Лия нахмурилась, и Майкл потрепал её по щеке.

— Признай, — повторил он. — Ты так же счастлива, как и все мы.

Лия перебросила волосы через плечо и уставилась вперед, отказываясь смотреть в глаза кому-либо из нас.

— Маленькая девочка возвращается домой, — сказала она. — Благодаря нам. Конечно, я также счастлива, как и все вы.

— Учитывая индивидуальные различия в уровнях серотонина, вероятность того, что четверо людей испытывают идентичный уровень счастья в одно и то же время довольно...

— Слоан, — не потрудившись обернуться, перебил её Майкл. — Если не закончишь это предложение, в будущем тебя будет ждать чашка свежемолотого кофе.

— В ближайшем будущем? — с подозрением в голове поинтересовалась Слоан.

Майкл уже довольно долго боролся с её необъятным потреблением кофеина.

Не сказав ни слова я, Майкл и Лия обернулись к Дину. Он уловил наш посыл, поднялся и зашагал к Слоан, а затем проделал с ней тоже, что и с Лией. Когда Дин осторожно водрузил Слоан на меня, я хихикнула и чуть не свалилась на пол, но Лия ухватила меня за воротник.

Мы сделали это, — подумала я, в то время как мы с Майклом, Лией и Слоан толкали друг друга локтями, пытаясь освободить место. Дин наблюдал за нами со своего места, находясь в непосредственной близости от драки. — *Маккензи Макбрайд не превратится в какую-то там статистику. Её не забудут. Маккензи Макбрайд сможет повзрослеть, благодаря нам.*

— Итак, — сказала Лия, с решительным озорным блеском в глазах. — Кто считает, что это стоит отметить?

Глава 2

На дворе стоял конец сентября — то самое время года, когда можно было буквально ощутить последние, вымученные вздохи лета, уступающего путь осени.

После захода солнца, крохотный холодок осел на заднем дворе, но мы пятеро почти не чувствовали его, опьяненные силой и непостижимостью того, что нам удалось сделать. Лия выбрала музыку. Низкий ритм баса заглушил звуки крохотного городка Квантико, штат Вирджиния.

Прежде чем присоединиться к программе «Естественных», я никогда и нигде не чувствовала себя своей, но в этот миг, в эту самую секунду, сегодня ночью, ничего больше не имело значения.

Ни исчезновение моей матери и её предполагаемое убийство.

Ни трупы, которых становилось всё больше с того дня, когда я согласилась работать на ФБР.

В этот миг, в эту самую секунду, сегодня ночью, я была невидимкой, я была полна силы, я была частью чего-то большего.

Лия взяла меня за руку и потянула меня прочь от крыльца, на газон. Она двигалась с идеальной, плавной грацией, словно она родилась, танцуя.

— Хоть раз в жизни, — приказала она, — просто забудь обо всем.

Я не слишком хорошо умела танцевать, но каким-то волшебным образом, мои бедра начали двигаться в такт музыке.

— Слоан, — позвала Лия. — Тащи сюда свою задницу.

Слоан, уже заполучившая обещанную ей чашку кофе, выбежала на лужайку и присоединилась к нам. В скором времени стало понятно, что её версия танцев состояла из моря подпрыгиваний и странных движений пальцами. Усмехнувшись, я перестала подражать чувственным, изящным движениям Лии и переняла манеру Слоан. Прыжок. Движения пальцами. Ещё один прыжок.

Лия взглянула на нас с ужасом и обернулась к мальчикам, в поисках поддержки.

— Нет, — коротко сказал Дин. — Совсем нет, — было довольно темно, так что я не могла различить выражения его лица, глядя через всю лужайку, но я прекрасно могла себе представить, как упрямо сжались его челюсти. — Я не танцую.

В отличие от него, Майкл был вовсе не таким скромным. Он присоединился к нам, заметно прихрамывая, но каким-то образом умудряясь вполне сносно подпрыгивать на одной ноге.

Лия подняла глаза к небу.

— Вы безнадежны, — сказала она нам.

Майкл пожал плечами и принялся шевелить пальцами.

— Это часть моей харизмы.

Лия обвила его шею руками и прижалась к нему, не прекращая танцевать. Он удивленно поднял бровь, но не оттолкнул её. Во всяком случае, он хотя бы выглядел удивленным.

То вместе, то расстаются. Мой желудок резко скрутился. С тех пор, как я узнала их, Лия и Майкл не были вместе. *Но это вовсе не моё дело,* — мне пришлось напомнить себе об этом. *Лия и Майкл могут делать всё, что захотят.*

Майкл заметил, что я смотрю на него. Он пристально взгляделся в моё лицо, словно человек, читающий книгу. Затем он усмехнулся и медленно, нарочно подмигнул мне.

Стоящая рядом со мной Слоан взглянула на Лию, затем на Майкла и на Дина. Затем она вприпрыжку приблизилась ко мне.

— Существует сорокапроцентная вероятность того, что всё кончится тем, что кого-то ударят по лицу, — прошептала она.

— Ну же, Дин, — позвала Лия. — Присоединяйся.

В её словах звучало приглашение и вызов.

Тело Майкла двигалось в такт с Лией, и внезапно я поняла, что Лия не пыталась устроить шоу для меня или для Майкла. Она прижималась к парню лишь для того, чтобы привлечь внимание Дина.

Судя по сердитому выражению его лица, её план сработал.

— Ты ведь знаешь, что хочешь этого, — с издевкой в голосе произнесла Лия, разворачиваясь так, чтобы танцевать, прижавшись к Майклу спиной.

Дин и Лия были первыми, кто присоединился к программе. Четыре года назад их было всего двое. Однажды Лия рассказала мне, что они с Дином были как родные брат с сестрой — и сейчас Дин выглядел точь-в-точь как гиперпекающий старший брат.

Майклу нравилось выводить Дина из себя. Это и без слов понятно. Лия живет только ради того, чтобы вытащить Дина из депрессии. А вот Дин...

Мышцы на подбородке Дина напряглись, стоило Майклу провести рукой по руке Лии. Слоан была абсолютно права. Мы находились в одном неверном движении от драки. А зная Майкла, он, вероятно, счел бы это полезной разминкой.

— Давай же, Дин, — выпалила я, прежде чем Лия успела сказать что-либо провоцирующее. — Тебе и танцевать не нужно. Просто притоптывай в такт музыке.

Мои слова заставили Дина удивленно рассмеяться. Я улыбнулась. Рядом со мной, Майкл отпрянул от Лии, оставляя между их телами пространство.

— Хочешь потанцевать, Колорадо? — Майкл схватил меня за руку и закружил.

Лия прищурилась было, глядя на нас, но быстро опомнилась и обвила руками талию Слоан, пытаясь заставить её двигаться так, чтобы это хоть немного напоминало настоящий танец.

— Что-то ты не выглядишь довольной, — сказал Майкл, когда я снова оказалась рядом с ним.

— Не люблю игры.

— Я не играл с тобой, — возразил Майкл, снова прокручивая меня. — И просто для протокола — с Лией я тоже не играл.

Я посмотрела на него.

— Ты доставал Дина.

Майкл пожал плечами.

— Каждому нужно хобби.

Дин всё ещё стоял на краю лужайки, но я чувствовала на себе его взгляд.

— Уголки твоих губ изгибаются вверх, — Майкл склонил голову, — но на лбу у тебя морщинка.

Я отвела взгляд. Шесть недель назад Майкл рассказал мне о том, как легко ему выяснить, что я чувствую к нему и Дину. И теперь я, как могла, старалась не думать об этом, не позволяя себе чувствовать что-либо ни к одному из них, ведь почувствуй я что-то — что угодно — Майкл узнает об этом. Я всю жизнь прожила без романов. Я не нуждалась в них — не так сильно, как я нуждалась вот в этом: быть частью чего-то большего, заботиться о людях таким образом, которым я думала уже не смогу.

Не только о Майкле и Дине, но о Слоан и даже о Лие. Я вписалась в это место. Я никуда не вписывалась так долго.

Может никогда.

Я не могла испортить всё это.

— Уверен, что мы не можем уговорить тебя потанцевать? — окликнула Дина Лия.

— Абсолютно.

— Ну, в таком случае...

Лия вклинилась между мной и Майклом, а затем я и опомниться не успела, как уже танцевала со Слоан, а Лия вернулась к Майклу. Она взглянула на него из-под густых ресниц и опустила руки ему на грудь.

— Скажи-ка мне, Таунсенд, — сказала она, буквально мурлыкая. — Чувствуешь себя счастливым?

Ничего хорошего это не сулило.

Глава 3

Я труп. У меня почти не осталось карт, ни единого козыря, я находилась всего в миге от провала — и я абсолютно ничего не могла с этим поделать.

— У тебя три карты, тяни ещё две, — ухмыльнулся Майкл.

Умей я читать эмоции, я бы смогла определить, была ли это ухмылка в духе «я отличный игрок и я скормлю тебе с ложечки твое собственное поражение» или же что-то вроде «как глупо, что ты не знаешь, блефую ли я».

К сожалению, мне куда лучше удавалось распознавать личности и мотивацию людей, чем точное значение выражений их лица.

Заметка на будущее, — подумала я. — *Никогда не садись играть в покер с Естественными.*

— Я в игре, — Лия накрутила на палец свои темные, блестящие волосы, собранные в хвост, и пододвинула в центр журнального столика необходимое количество Орео, на которые мы и играли.

Учитывая то, что она мастерски определяла ложь, я решила, что вероятность того, что Майкл блефует, довольно велика.

Вот только я понятия не имела, блефует ли Лия.

Слоан выглянула из-за самой настоящей горы Орео.

— Я пропущу эту игру, — сказала она. — Кроме того, я подумываю над тем, чтобы съесть парочку моих фишек. Давайте договоримся — Орео без глазури будет стоять, как две третьих целой печеньки?

— Просто съешь печенье, — сказала я, печально оглядывая выигранную ею гору — и лишь наполовину забавляясь. — У тебя целая куча запасных.

Прежде чем стать частью «Естественных», Слоан родилась и выросла в Лас Вегасе. Она просчитывала расклад карт, с тех пор, как научилась считать. Она пропустила примерно треть партий, но стоило ей вступить в игру, как она обязательно выигрывала.

— Кое-кто мухлюет, — сказала Лия, указывая на меня пальцем. Я показала ей язык.

И у этого кого-то осталось всего два Орео.

— Я в игре, — со вздохом я опустила печенье в банку для ставок.

Не было смысла оттягивать неизбежное. Играй я с незнакомцами, у меня было бы преимущество. Я взглянула бы на одежду и осанку человека и сразу бы поняла, любил ли он рисковать и стал бы он блефовать по-тихому или же устроил бы целое шоу. К сожалению, я играла вовсе не с незнакомцами, а способность профилировать личность человека совсем не так полезна среди людей, которых я уже знала.

— Что насчет тебя, Рэддинг? Ты в игре или нет? — вызывающе произнес Майкл.

Наверное, Лия ошиблась, — подумала я, прокручивая эту мысль в своей голове. — *Может он и не блефует.*

Я сильно сомневалась, что Майкл бросил бы вызов Дину, не будь он уверен в собственной победе.

— Я в игре, — ответил Дин. — Ва-банк.

Он отправил в банку пять печенек и поднял бровь, глядя на Майкла, точь-в-точь имитируя его выражение лица.

Майкл принял ставку Майкла. Настала моя очередь.

— У меня кончились печеньки, — сказала я.

— Я не против дать тебе печенье в кредит под небольшие проценты, — сказала мне Слоан, а затем вернулась к поеданию глазури с Орео.

— У меня есть идея, — сказала Лия настолько невинным голосом, что я тотчас поняла — быть беде. — Мы ведь можем перейти на следующий уровень.

Она стянула с шеи белый шарф и бросила его мне. Её пальцы играли с краем топа, приподнимая его достаточно для того, чтобы всем стало ясно, что представляет собой «следующий уровень».

— В моем понимании правил покера на раздевание, раздеваться должен только проигравший, — вмешалась Слоан. — Но пока что никто не проиграл, так что...

— Назовем это проявлением солидарности, — сказала Лия, задирая топ ещё выше. — У Кэсси почти кончились фишки. Я просто стараюсь сравнять шансы.

— Лия, — Дин явно был не рад происходящему.

— Ну же, Дин, — сказала Лия, надувая губы. — Расслабься. Мы здесь все друзья.

С этими словами Лия стянула свой топ. Под ним она была одета в бикини. Очевидно, она нарядилась специально для этого случая.

— Твоя ставка, — сказала она мне.

Я не носила купальника под топом, так что я не собиралась его снимать. Медленно, я стянула ремень.

— Слоан? — позвала Лия.

Слоан взглянула на Лию, стремительно краснея.

— Я не стану раздеваться, пока мы не установим обменный курс, — колко сказала она, указывая на её гору фишек.

— Слоан, — сказал Майкл.

— Да?

— Что насчет второй чашки кофе?

Сорок-пять секунд спустя Слоан была на кухне, а на парнях не было футболок. Живот Дина был загорелым, на пару тонов темнее, чем живот Майкла. Кожа Майкла походила на мрамор, не считая шрама от пули — розовой складки на его груди. У Дина тоже был шрам — но он куда более старым и очень тонким, словно бы кто-то провел рваную линию кончиком ножа вниз по его торсу от ключицы до пупка.

— Я раскрываюсь, — сказала Лия.

Один за другим, мы перевернули наши карты.

Триплет.

Флэш.

Фул-хаус из дам и восьмерок. Последние принадлежали Майклу.

Я так и знала, — подумала я. — *Он не блефовал.*

— Твоя очередь, — сказала мне Лия.

Я перевернула карты, обдумывая результат.

— Фул-хаус, — усмехаясь сказала я. — Короли и двойки. Я так понимаю, что выиграла, да?

— Как ты... — возмутился Майкл.

— Хочешь сказать вся эта вечеринка жалости была враньем? — Лия звучала непривычно впечатленной.

— Я не врала, — ответила я. — Я была уверена, что проиграю. Я просто ещё не смотрела на свои карты.

Я поняла, что не знаю, какие карты у меня на руках, Майкл и Лия тоже не смогут этого узнать. Первым начал смеяться Дин.

— Славься Кэсси, — сказал Майкл. — Королева уловок.

Лия обижено надулась.

— Это значит, что ваши футболки достанутся мне? — спросила я, забирая свой ремень и мимоходом прихватывая Орео.

— Думаю, было бы лучше, если бы все остались одетыми. А те, кто успел раздеться — одевайтесь. Прямо сейчас.

Я замерла. Голос был женским и жестким. Всего на миг мои мысли вернулись к первым неделям моего участия в программе, к нашему руководителю, моей наставнице. Специальному агенту Лэйси Лок. Она тренировала меня. Я боготворила её. Я доверяла ей.

— Кто вы? — я заставила себя вернуться к настоящему. Я не могла позволить себе думать об агенте Лок — стоило мне провалиться в эту кроличью нору, вернуться будет сложно.

Вместо этого, я сосредоточилась на раздающей приказу особе. Она была высокой и худой, но вовсе не выглядела хрупкой. Её темные волосы были собраны во французский пучок на затылке, а голову она держала так, что подбородок выдавался немного вперед. Её глаза были серыми, на тон светлее её костюма. Её одежда выглядела дорогой, однако она носила её так, словно она вовсе ничего не стоила.

На её поясе красовался пистолет в кобуре.

Пистолет. На этот раз мне не удалось отстраниться от воспоминаний. *Лок.* Пистолет. Все это нахлынуло на меня с новой силой. *Нож.*

На мое плечо опустилась рука Дина.

— Кэсси, — сквозь футболку я почувствовала тепло его руки. Я услышала, как он произнес моё имя. — Всё в порядке. Я знаю её.

Один выстрел. Второй. Майкл падает.

Лок... Она держит пистолет...

Я сосредоточилась на дыхании и вытряхнула воспоминания из головы. Стреляли не в меня. Раны были не моими. Я была лишь причиной, по которой Майкл оказался там.

Именно меня страшным подобием любви полюбил монстр.

— Кто вы? — повторила я, возвращаясь к настоящему времени. Мой голос был резким и колким. — И что вы делаете в нашем доме?

Женщина в сером взглянула на меня, словно она в точности знала, что творится в моей голове. Словно она знала, о чем я думала всего миг назад.

— Я специальный агент Вероника Стерлинг, — наконец сказала она. — И с этого момента я живу здесь.

Глава 4

— Ну, она не врет, — нарушила молчание Лия. — Она действительно специальный агент и её действительно зовут Вероника Стерлинг и, по какой-то причине, она действительно ошибочно считает, что она будет жить под нашей крышей.

— Я так понимаю, ты Лия? — спросила агент Стерлинг. — Специалист по лжи.

— Могу врать, могу обнаруживать ложь — в этом нет особой разницы, — Лия изящно пожала плечами, однако её взгляд оставался жестким.

— И всё же, — продолжила агент Стерлинг, не обращая внимания ни на то, как Лия пожала плечами, ни на напряженность её взгляда. — Ты каждый день общалась с агентом ФБР, который по совместительству оказался серийным убийцей. Она была одним из ваших руководителей, на протяжении нескольких лет постоянно находилась в этом доме и ты ничего не заподозрила.

Агент Стерлинг говорила сухо — простая констатация фактов.

Лок одурачила нас всех.

— А ты, — сказала агент Стерлинг, переводя взгляд на меня, — должно быть Кассандра Хоббс. Я не думала, что ты из тех, кто играет в покер на раздевание. И меня не волнует то, что ты единственная в этой комнате, не считая меня, всё ещё одета.

Агент Стерлинг многозначительно перевела взгляд с меня на одежду, сваленную в кучу на журнальном столике. Она скрестила руки на груди, в ожидании. Дин потянулся за футболкой и передал Лие её топ. Майкла скрещенные руки не слишком заботили и, он явно не собирался одеваться. Агент Стерлинг уставилась на него, её взгляд замер на шраме на его груди.

— Значит ты — Майкл, — сказала она. — Читаешь эмоции. Проблемы с поведением. Постоянно совершаешь глупости ради девушек.

— Едва ли справедливое мнение, — ответил Майкл. — Я совершаю ещё и гору никак несвязанных с девушками глупостей.

Специальный агент Вероника Стерлинг не улыбнулась. Обернувшись к нам, она закончила представляться:

— Этой программе нужен руководитель. И я здесь, чтобы занять эту должность.

— Она не лжет, — выдавила Лия, — но это не вся история.

Агент Стерлинг не повелась на наживку, так что Лия продолжила:

— С тех пор, как Лок окончательно свихнулась прошло шесть недель. Мы уже начали гадать, вышлет ли ФБР замену, — она окинула взглядом агента Стерлинг. — Где они нашли вас? По объявлению? Впихнем молодого агента-женщину на место другого?

Лия умеет разобраться с шепетильностью.

— Давайте сойдемся на том, что я — единственный человек, достаточно квалифицированный для этой должности, — ответила агент Стерлинг.

Строгий тон её голоса напомнил мне о чем-то. О ком-то. Мой мозг, наконец, усвоил её фамилию, и я вспомнила, где слышала его прежде.

— Агент Стерлинг, — сказала я. — Как директор Стерлинг?

Всего раз в жизни я встречала директора ФБР.

Его вовлекли в расследование, когда серийная убийца Лок и Бриггс выслеживали похитителя дочери Сенатора.

Тогда никто из нас ещё не знал, что Н. О. — или Неизвестным Объектом — была Лок.

— Директор Стерлинг — мой отец.

Голос Агента Стерлинг звучал безразлично — слишком уж безразлично, так что я на миг задумалась, какие проблемы с отцом она могла скрывать. — Он отправил меня сюда для восстановительных работ.

Директор Стерлинг послал на замену Лок собственную дочь. И появилась она именно тогда, когда агент Бриггс уехал из города ради раскрытия дела. Я очень сильно сомневалась в том, что такая синхронность была случайной.

— Бриггс сказал мне, что вы ушли из ФБР, — негромко сказал Дин, адресуя слова агенту Стерлинг. — Я слышал, что вы перевелись в Министерство внутренней безопасности.

— Так и было.

Я попыталась сосредоточиться на выражении лица агента Стерлинг, на тоне её голоса. Они с Дином знали друг друга — это было совершенно понятно не только благодаря словам Дина, но и благодаря тому, как едва заметно смягчилось её лицо, стоило ей взглянуть на него.

Материнский инстинкт? — гадала я.

Это вовсе не вязалось с её нарядом, сверхровной осанкой и с тем, что она предпочитала говорить скорее о нас, чем с нами. Мое первое впечатление об агенте Стерлинг было таково: она была помешанной на контроле, профессионалом и старалась держать людей на расстоянии. А ещё ей либо не нравились все подростки, либо же ей не нравились конкретно мы.

Но судя по тому, как она смотрела на Дина, пусть и всего секунду...

Ты не всегда была такой, — подумала я, проскользывая в её голову. — *Ты не всегда собирала волосы во французские пучки, не всегда заставляла свои слова звучать беспристрастно и независимо. Что случилось с тобой. Что-то заставило тебя войти в этот гиперпрофессиональный режим.*

— Ты хочешь чем-то поделиться с классом, Кассандра?

Какие бы осколки мягкости не скрывались в выражении лица агента Стерлинг, теперь они исчезли. Она заметила, что я профилировала её и призвала меня к ответу. Две вещи указали мне на это. Во-первых, основываясь на том, что именно она сказала, я почувствовала каплю сарказма, скрывающуюся под лишенной чувства юмора наружностью. Когда-то давно она сказала бы эти слова улыбаясь, а не гримасничая.

И, во-вторых...

— Вы — профайлер, — вслух произнесла я.

Она заметила, что я профилировала её и... Я не удержалась от мысли:

Нужен профайлер, чтобы понять меня.

— Почему ты так решила?

— Они прислали вас сюда, чтобы заменить агента Лок, — произносить эти слова — представлять её заменой — всё это ранило больше, чем должно было.

— И? — голос агента Стерлинг был высоким и чистым, но в её глазах читалась жесткость.

Это был самый настоящий вызов, такой же явный, как тот, что Майкл немного раньше бросил Дину.

— Профайлеры рассовывают людей по коробкам, — сказала я, глядя прямо в глаза агента Стерлинг и отказываясь первой отвести взгляд. — Из множества случайных деталей мы составляем большую картину, чтобы понять, с каким человеком мы имеем дело. Я вижу это в манере вашего разговора: Майкл «читает эмоции. Проблемы с поведением». Меня вы не считали «одной из тех, кто играет в покер на раздевание», — я сделала паузу, а когда она не ответила, продолжила. — Вы прочитали наши личные дела и профилировали нас, прежде чем прийти сюда, а значит, вы знаете наверняка, как сильно нас убивает то, что мы не увидели истинной сущности

агента Лок. Или же вы хотели увидеть, как мы поведем себя, услышав это. Или вы просто хотели насыпать соли на наши раны, — я снова замолчала и взглянула на неё, впитывая каждую крохотную деталь: лак на её ногтях, осанку, туфли. — Вы походите скорее на мазохиста, чем на садиста, так что я выберу вариант с нашей реакцией на ваши слова.

В комнате повисла неловкая тишина, и агент Стерлинг воспользовалась этой тишиной, словно оружием.

— Мне не нужна лекция на тему «что значит быть профайлером», — наконец мягко сказала она. — Я — бакалавр криминологии. Я была самой юной выпускницей академии ФБР. Во время работы в ФБР я провела в поле больше времени, чем ты сможешь за всю свою жизнь. А последние пять лет я провела в Министерстве внутренней безопасности, сражаясь с терроризмом на территории страны. Пока я нахожусь в этом доме, ты будешь называть меня «агент Стерлинг» или мэм, а себя не будешь называть профайлером, потому что, как оказалось, ты всего лишь ребенок.

И вот в её голосе вновь скользнула капля чего-то ещё, скрытая под ледяной наружностью. Но, словно человек, глядящий на предмет под толстой коркой льда, я не могла понять, чем именно было это «что-то».

— Здесь нет никаких «мы», Кассандра. Есть ты и я, и оценка, которую я должна дать этой программе. Так что, предлагаю вам убрать этот бардак, отправиться по кроватям и хорошенько выспаться, — она протянула Майклу его футболку. — Это тебе пригодится.

Глава 5

Я лежала в постели, глядя на потолок, не в состоянии стряхнуть страх того, что стоит мне закрыть глаза, ничто не остановит призрака. Когда я спала, всё сплеталось вместе: события, произошедшие с моей матерью, когда мне было двенадцать; женщина, убитая агентом Лок прошлым летом; блеск в глазах Лок, когда она протягивала мне нож. И кровь.

Перевернувшись на бок, я потянулась к тумбочке у кровати.

— Кэсси? — с кровати Слоан донесся голос.

— Я в порядке, — ответила я. — Спи.

Мои пальцы, наконец, сжались вокруг предмета, который я искала: тюбик помады «Красная Роза» — любимый оттенок моей матери. Помада была подарком Лок, частью её сумасшедших игр — она оставляла крохотные подсказки, по-своему обхаживая меня.

Ты хотела, чтобы я знала, как ты близка, — я проскользнула в голову Лок, профилируя её, как я делала на протяжении многих предыдущих ночей. — *Ты хотела, чтобы я нашла тебя,* — дальше начиналась сложная часть. — *Ты хотела, чтобы я стала такой же, как ты.*

Она предложила мне нож. Она приказала мне убить девочку. И на какой-то миг она поверила, что именно это я и сделаю.

Настоящим именем Лок было Лэйси Хоббс. Она была младшей сестрой Лорелеи Хоббс — фальшивого экстрасенса, предположительной жертвы убийства. Моей мамы. Я покрутила помаду в руках, глядя на неё в темноте. Не важно, сколько раз я пыталась выбросить её — я просто не могла.

Помада была мазохистским напоминанием о людях, которым я доверяла. И о тех, кого я потеряла.

В конце концов, я заставила свои пальцы вернуть её на место. Я не могу продолжать поступать с собой вот так.

Но и остановиться я не могу.

Подумай о чем-то ещё.

О чем угодно.

Я думала об агенте Стерлинг. Замена для Лок. Она носит одежду, словно доспехи. Дорогую, свежeweгглаженную. На её ногтях слой прозрачного лака. Не французский маникюр, не цветной лак — прозрачный. Зачем вообще нужен лак, если его невидно? Может ей нравилось наносить его, тонким слоем отделяя свои ногти от всего остального мира?

Здесь был замечен подтекст: защита, расстояние, сила.

Ты не позволяешь себе слабости, — думала я, обращаясь к ней, как обращаюсь к каждому, кого профилирую. — *Почему?* — Я прошла по всем зацепкам, указывающим на что-то в её прошлом.

Она была самой юной выпускницей академии ФБР — и явно гордилась этим фактом. Давным-давно она, наверное, любила соревноваться. Но пять лет назад она ушла из ФБР. Почему?

Вместо ответа мой мозг уцепился за тот факт, что, прежде чем уйти из ФБР, она встретила Дина.

Ему не могло быть больше двенадцати, когда вы встретились.

От этой мысли в моей голове сработала сирена. Так давно агент ФБР мог пересечься с Дином только по одной причине — она входила в состав команды, обезвредившей его отца.

Агент Бриггс возглавлял ту команду.

Коротко говоря, он начал использовать Дина — сына серийного убийцы — чтобы залезть в головы других убийц. В конце концов, в ФБР узнали, чем занимается Бриггс, но, вместо того, чтобы уволить его, сделали всё это официальным. Дин переехал в старый дом неподалеку от Корпуса морской пехоты Квантико. Бриггс нанял мужчину по имени Джадд на должность телохранителя Дина. Со временем, Бриггс начал вербовать и других подростков с похожими способностями. Сначала Лию, с её сверхъестественным талантом к вранью и распознаванию лжи в чужих словах. Затем Слоан и Майкла и, наконец, меня.

Ты работала с Бриггсом, — подумала я, рисуя в мыслях лицо Вероники Стерлинг. — *Ты была частью команды. Возможно, ты даже была его напарницей.*

К тому времени, как я присоединилась к программе, напарницей Бриггса была Лок. Возможно, она сменила агента Стерлинг на этой должности. Теперь же ситуация обернулась вспять.

Тебе не нравится быть заменимой и тебе не нравится, когда тебя заменяют. Ты здесь не только из прихоти своего отца, — мысленно сказала я агенту Стерлинг. — *Ты знаешь Бриггса. Тебе не нравилась Лок. И, давным-давно, тебе было не наплевать на Дина. Это личное.*

— Ты знала, что волосатоносые вомбаты живут в среднем от десяти до двенадцати лет?

Видимо, Слоан решила, что я лгала, говоря, что в порядке.

Чем больше кофе употребляла моя соседка по комнате, тем хуже ей удавалось держать в себе случайные факты — особенно, если она считала, что кому-то нужно отвлечься.

— Наиболее долгоживущий вомбат прожил в неволе тридцать четыре года, — продолжила Слоан, приподнимаясь на локтях, чтобы взглянуть на меня.

Учитывая то, что мы делили спальню, мне стоило энергичнее возражать против второй чашки кофе.

Впрочем, сегодня ночью, высокоскоростная болтовня Слоан о статистике показалась мне на удивление успокаивающей.

Профилирование Стерлинг не помешало мне думать о Лок.

Может это поможет.

— Расскажи мне больше о вомбатах, — попросила я.

С видом маленького ребенка, проснувшегося в Рождественское утро в ожидании чуда, Слоан улыбнулась мне и исполнила мою просьбу.

Ты

Ты жутко волновался, когда, стоя под дубом, ты впервые увидел её. Длинные волосы доходили ей до половины спины. Ты спросил, как её зовут. Ты пытался запомнить в ней каждую деталь. Но теперь ничего из этого не имеет значения. Ни её имя. Ни дерево. Ни твоё волнение.

Ты зашел слишком далеко. Ты ждал слишком долго.

— *Она будет драться с тобой, если ты позволишь ей,* — раздался шепот из глубины твоего разума.

— *Но я не позволю,* — прошептал ты в ответ. Твое горло пересохло. Ты готов. Ты был готов уже очень давно. — *Я свяжу её.*

— *Свяжи её,* — шепчет голос.

Свяжи её. Заклейми её. Режь её. Повесь её.

Так всё и должно быть сделано.

Вот, чего дождется эта девочка. Ей не стоило парковаться так далеко от дома того мужчины. Но, в первую очередь, ей не стоило с ним спать.

Не стоило.

Не стоило.

Не стоило.

Ты поджидаешь её в машине, когда она забирается внутрь. Ты готов. Сегодня у неё был экзамен, но ведь и у тебя тоже. Она захлопывает дверь машины. Её взгляд скользит по зеркалу заднего вида, и всего на миг, её глаза встречаются с твоими.

Она видит тебя.

Ты бросаешься вперед. Она открывает рот, чтобы закричать, но ты прижимаешь к её рту и носу влажную ткань.

— Она будет драться с тобой, если ты позволишь, — говоришь ты, нашептывая слова ей в ухо, словно сладкое ничто.

Её тело обмякает. Ты перетаскиваешь её на заднее сидение и тянешься за веревкой.

Свяжи их. Заклейми их. Режь их.

Повесь их.

Это началось.

Глава 6

Я спала до полудня, но, проснувшись, почувствовала себя так, словно не спала вовсе. Моя голова раскалывалась. Я отчаянно нуждалась в пище. И кофеине. И, возможно, в тайленоле.

— Тяжелая ночка? — спросил Джадд, стоило мне зайти в кухню.

В руке он сжимал заточенный карандаш №2 и, не поднимая на меня взгляда, заполнял кроссворд.

— Можно и так сказать, — ответила я. — Ты уже виделся с агентом Стерлинг?

Губы Джадда слегка дернулись.

— Можно и так сказать, — сказал он, в точности повторяя мои слова.

Джадду Хокинсу было где-то шестьдесят. Судя по официальному описанию его работы, он должен был присматривать за домом и за нами. Дом был в превосходном состоянии. А вот пятеро живущих в нем подростков... ну, иногда он проверял, поели ли мы. И на месте ли наши руки и ноги. В остальном он был довольно безответственным.

— Агент Стерлинг, кажется, считает, что она будет жить здесь, — заметила я.

Джадд заполнил очередную строчку кроссворда. Если его и заботило, что в доме более или менее неожиданно появился агент ФБР, он этого не показывал.

— Она вообще может сделать это? — спросила я.

Джадд, наконец, поднял на меня глаза.

— Нет, будь она кем-то другим, — сказал он.

Учитывая то, что агент Стерлинг приехала по просьбе отца, я понимала, что Джадд, скорее всего, ничего не мог с этим поделать.

Чего я не понимала, так это того, почему Джадд вовсе не казался обеспокоенным. Она приехала, чтобы дать оценку нашей программе. Она называла это восстановительными работами, но, как по мне, больше походило на вторжение.

— Отлично. Ты проснулась.

Оказывается, она легка на помине, — подумала я.

Затем я заставила себя прекратить. Я не была беспристрастной. Или справедливой. Я судила агента Стерлинг скорее за то, что, как я считала, она могла сделать, чем за то, что уже сделала. В глубине души, я понимала, что не имело никакого значения, кого отправили бы на место Лок — я была бы не готова к этому. Каждое сходство между ними было солью для моих ран. Как и каждое различие.

— Ты всегда спишь до полудня? — спросила агент Стерлинг, склоняя голову на бок и бегло оглядывая меня.

Раз уж я не могла запретить ей изучать меня, я поступила точно так же. Она была накрашена, но не выглядела искусственной. Как и слой прозрачного лака на её ногтях, цвета, выбранные ею для глаз и губ, были почти натуральными.

Я гадала о том, каких усилий ей стоит идеальный внешний вид.

Если хочешь подобраться поближе к Н.О., — я буквально слышала голос Лок, — не говори «она» или «её». Говори «ты».

— Вы провели ночь здесь? — спросила я, цепляясь за эту мысль.

Лок никогда не ночевала здесь. И Бриггс не ночует. Ты ничего не делаешь наполовину.

— В кабинете есть диван, — сказал мне Джадд, и слова его звучали вовсе не сердито. — Я предложил ей мою комнату, но мисс Упрямица отказалась занять её.

Мисс Упрямица?

Прежде чем начать работать на программу «Естественных», Джадд был военным. Я никогда не слышала, чтобы он обращался к агентам ФБР иначе, чем по фамилии или званию. Так почему же он говорит об агенте Стерлинг таким же тоном, каким говорил бы с Лией?

— Я не выгоню тебя из твоей собственной постели, Джадд, — нотка раздражения в голосе агента Стерлинг указывала на то, что они уже спорили на эту тему, как минимум, дважды.

— Садись, — проворчал в ответ Джадд. — Вы обе. Кэсси ещё не завтракала, а два сэндвича мне делать ничуть не сложнее, чем один.

— Я сама могу сделать себе сэндвич, — сказала я.

Джадд взглянул на меня. Я села. С этой его стороной я прежде не встречалась. Как ни странно, он почти напомнил мне мою очень итальянскую бабушку, которая была убеждена, что сейчас я — часть какой-то передовой программы для одаренных детей, спонсированной правительством. Нонна считала своей важнейшей миссией накормить всех, и горе было тому, кому не повезло оказаться у неё на пути.

— Я уже сделала себе сэндвич, — сухо сказала агент Стерлинг.

Джадд всё равно приготовил два сэндвича.

Один он положил передо мной, а второй водрузил на незанятое место на столе и вернулся к своему кроссворду. Он не сказал ни слова, и несколько долгих секунд спустя, агент Стерлинг села.

— Где все остальные? — спросила я у Джадда.

Обычно, стоило мне провести на кухне пять минут, Лия заходила за мороженым или Майкл воровал еду с моей тарелки.

Мне ответила агент Стерлинг:

— Майкл ещё не появлялся. Дин, Лия и Слоан в гостиной, сдают пробный общеобразовательный экзамен.

Я едва не подавилась ветчиной.

— Что сдают?

— Сейчас сентябрь, — ответила агент Стерлинг своим слишком уж спокойным голосом, который, как мне казалось, был бы очень полезен в допросах подозреваемых. — Если бы вы не были частью этой программы, вы были бы в школе. На самом деле, я уверена, что вашим семьям сказали, что здесь вы будете учиться. Может некоторые и забывали об этом. Но я не стану.

У меня сложилось четкое впечатление, что под «некоторыми» агент Стерлинг подразумевала вовсе не Джадда, а Бриггса.

— Ты одна из тех счастливиц, семья которой в один прекрасный день может действительно заинтересоваться оценками, — продолжила она. — Не всем в этом доме так повезло, но все вы получите обещанное образование, — она перевела взгляд на Джадда, а затем снова на меня. — Дин и Лия находятся на домашнем обучении уже много лет. Если Джадд правильно выполнял свою работу, они должны с легкостью сдать экзамен. За Слоан можно даже не волноваться.

Остаемся мы с Майклом. Если бы я не стала частью программы, в этом месяце я бы пошла в выпускной класс.

— Сдай тест, — приказала Стерлинг тоном, не терпящим неподчинения. — Если тебе будет нужен репетитор, мы найдем тебе репетитора, но другие аспекты твоего... обучения могут подождать.

С тех пор, как я присоединилась к программе, я уж и забыла о том, что не всё обучение включало в себя изучение мозга преступника.

— Я могу идти? — я встала из-за стола.

Джадд окинул меня впечатленным взглядом.

— Разве раньше ты спрашивала у меня разрешения?

Я посчитала это ответом и направилась к двери. Джадд закончил разгадывать кроссворд и сосредоточился на агенте Стерлинг.

— Ты будешь есть сэндвич, Ронни?

Ронни? Мои брови взлетели вверх и врезались в линию роста волос. Я замедлила шаг. Краешком глаза я заметила, как застыла агент Стерлинг, услышав это прозвище.

— Вероника, — сказала она. — Или агент Стерлинг. В этом доме зови меня только так.

Они знают друг друга, — подумала я. — *Они уже очень давно знают друг друга.*

Я начала подозревать, что директор Стерлинг выбрал для этой должности свою дочь не только лишь потому, что она была его родственницей.

Я дошла до кухонной двери как раз в тот миг, когда она распахнулась, едва не сбив меня с ног. За ней стоял агент Бриггс, выглядевший так, словно он только что сошел с самолета. Он поймал меня, не давая упасть, но смотрел он на кого-то за моей спиной.

— Ронни.

— Бриггс, — явно стараясь не называть его по имени, ответила агент Стерлинг. — Я так полагаю, директор проинформировал тебя о моем назначении.

Бриггс слегка наклонил голову.

— Ты могла позвонить.

Я была права, — подумала я. — *Они явно раньше работали вместе.*

— Кэсси, — кажется, агент Бриггс вспомнил, что его руки всё ещё покоились на моих плечах и убрал их. — Вижу, вы с агентом Стерлинг уже познакомились.

— Мы встретились вчера вечером, — я изучала лицо Бриггса, в поисках капли раздражения от присутствия этой женщины. — Как Маккензи? — спросила я.

Бриггс улыбнулся — а делал он это довольно редко.

— Она дома. Ей понадобится помощь, но она справится. Девочка уцелела, — он снова перевел взгляд на агента Стерлинг. — Программа «Естественных» только что закрыла второе «нераскрытое» дело за этот месяц, — сказал он ей. — Похищение ребенка.

Вот оно — агент Бриггс вовсе не собирался уступать свой авторитет новоприбывшей. Его слова довольно явственно сообщали: ему не стоит угрожать. Программа «Естественных» работает. Мы спасаем жизни.

— Впечатляет, — сказала агент Стерлинг. Её голос звучал так, чтобы мы не сомневались — она вовсе не впечатлена. — Особенно, учитывая то, что из-за этой программы в больницу угодила всего пара детей. Да и то, только в одного из них стреляли. Но это так, детали.

Парой детей были Майкл и Дин. Я открыла было рот, чтобы сказать агенту Стерлинг, что мы не были детьми, но Бриггс послал мне предостерегающий взгляд.

— Кэсси, почему бы тебе не пойти посмотреть, чем занимаются остальные.

С таким же успехом он мог бы сказать: «Почему бы тебе не поиграть снаружи?».

Жутко раздраженная, я подчинилась. Когда я оказалась в гостиной, к моему удивлению, единственным, кто действительно сдавал экзамен, был Дин. Лия подпиливала ногти. Слоан, кажется, пыталась построить из карандашей и ластиков катапульту.

Лия первой заметила меня.

— С добрым утром, солнышко, — сказала она. — Я, конечно, не Майкл, но судя по выражению твоего лица, думаю, тебе довелось провести несколько минут с очаровательным агентом Стерлинг, — Лия улыбнулась мне. — Ну, разве она не лучшая?

Одним из жутковатых умений Лии было то, что она могла заставить любые слова звучать искренне. Лия не слишком-то любила ФБР и обожала игнорировать правила, но, даже зная, что её энтузиазм был наигранным, я не могла пробиться через пелену обмана.

— Есть что-то в агенте Стерлинг, что просто заставляет меня хотеть выслушать её слова, — всё также убедительно продолжила Лия. — Возможно, мы — родственные души.

Дин фыркнул, но не поднял взгляда от экзаменационной работы. Слоан отпрянула от катапульти и пригнулась, чтобы летящий карандаш не угодил ей в лоб.

— Агент Бриггс вернулся, — сказала я, уворачиваясь от карандаша.

— Слава богу, — Лия отбросила притворство и плюхнулась на диван. — Но только попробуйте рассказать ему, что я так сказала, и я приму радикальные меры.

Я постаралась не думать о том, что Лия подразумевала под «радикальными мерами».

— Бриггс и Стерлинг знакомы, — продолжила я. — Джадд тоже знает её. Они зовут её Ронни.

— Дин, — позвала Лия, тоном, специально изобретенным для того, чтобы бесить его. — Прекрати притворяться, что пишешь и расскажи нам, что ты знаешь.

Дин проигнорировал её. Лия удивленно приподняла бровь и взглянула на меня. Очевидно, она думала, что мне удастся заставить его говорить.

— Агент Стерлинг была частью команды, схватившей твоего отца, не так ли? — сказала я, проверяя мою теорию. — Они с Бриггсом были напарниками.

Сначала я подумала, что Дин проигнорирует меня, точь-в-точь как он проигнорировал Лию. Но он отложил карандаш. Его карие глаза встретились с моими.

— Она была его напарником, — подтвердил он.

Голос Дина был низким и приятным, с легким намеком на южный акцент. Обычно он говорил немного, но сегодня он произнес ещё шесть слов:

— А ещё она была его женой.

Глава 7

Она была его женой, — подумала я. Прошедшее время указывало на то, что теперь она ею не являлась.

— Стерлинг — бывшая жена Бриггса? — недоверчиво переспросила я. — И директор послал её сюда? Это ведь неэтично.

Лия закатила глаза.

— Более неэтично, чем секретная программа ФБР, использующая несовершеннолетних вундеркиндов для поимки серийных убийц? — она ухмыльнулась. — А что насчет того, чтобы отправить на замену агента Лок его собственную дочь? Очевидно, семья и мораль — важнейшие ценности в штабе ФБР.

Слоан оторвалась от доработки своей катапульти.

— С 1999 года в ФБР не существует писаных правил насчет романтических отношений на рабочем месте, — протараторила она. — Браки между начальством, агентами и вспомогательным персоналом не такая уж редкость, хоть и составляют меньшую часть общего количества брачных союзов.

Лия взглянула на меня и перебросила волосы через плечо.

— Даже если у ФБР нет официальных правил насчет отношений, готова поспорить, у них есть парочка связанных с разводами. Кроме того, мы ведь говорим о директоре Стерлинге. Этот мужчина буквально купил Майкла у его отца, пообещав разобраться с федеральной налоговой службой, — она сделала небольшую паузу. — Человек, приказавший агентам изловить меня на улицах, и поведавший мне о том, что моим единственным вариантом, не считая программы, была колония.

Я впервые слышала, как Лия рассказывает о своем прошлом.

Колония?

— Бриггс и Стерлинг работали над делом моего отца, — сказал Дин, переводя тему с прошлого Лии на его собственное. Этим он доказал, что Лия не вралась мне — он хотел защитить её

от возможных расспросов. — Бриггс был стратегом, — продолжил Дин. — Он любил соревноваться... не с ней, но с каждым Н.О., на которого они охотились. Бриггс не просто хотел поймать убийцу. Он жаждал победы.

Когда Дин произносил «Н.О.» я почти забывала о том, что его отец никогда не был для него Неопознанным Объектом. Он жил с убийцей — с самым настоящим психопатом — изо дня в день, на протяжении многих лет.

— Стерлинг была импульсивна, — Дин продолжил описывать агентов. Я сомневалась в том, что он снова упомянет отца. — Бесстрашна. Она была вспыльчивой, следовала инстинктам даже тогда, когда это не казалось самым мудрым решением.

Хоть я и подозревала, что личность агента Стерлинг довольно сильно переменялась на протяжении пяти последних лет, но всё же мне было сложно найти связь между вспыльчивой, руководящейся инстинктами женщиной, которую описывал Дин, и агентом Стерлинг, находящейся в нашей кухне.

Новая информация заставила колесики в моем мозгу завертеться, соединяя точки, выискивая траектории между прошлым и будущим.

— У Бриггса новое дело, — Майкл любил эффектно появляться. — Ему только что позвонили.

— Но ведь его команда только что вернулась, — Слоан снова зарядила катапульту. — У ФБР пятьдесят шесть офисов и офис округа Колумбия — второй по размерам в стране. Дюжина команд могла взяться за это дело. Зачем отдавать его Бриггсу?

— Затем, что я — наиболее квалифицирован для этого задания, — сказал Бриггс, шагая в комнату. — И, — продолжил он, — затем, что Вселенная хочет, чтобы я страдал.

Я гадала, были ли его последние слова связаны с делом или с тем фактом, что за ним по пятам следовала Стерлинг. Теперь, когда я знала, что когда-то они были женаты, я начала сомневаться, что его раздражение было чисто профессиональным.

Она играла в его песочнице — и у них явно были какие-то проблемы.

— Я еду с агентом Бриггсом, — сообщила нам Стерлинг, многозначительно игнорируя слова бывшего мужа. — И, если кто-то из вас хочет в ближайшее время приблизиться к тренировкам или «закрытому» делу, вам стоит закончить с этими экзаменами до моего возвращения.

Лия откинула голову назад и рассмеялась.

— Думаете, я шучу, мисс Чжан? — спросила агент Стерлинг. Я впервые в жизни услышала фамилию Лии, но сама Лия и глазом не повела.

— Ничего я не думаю, — ответила Лия. — Я знаю наверняка, что вы говорите правду. Но также я знаю, что начальство ФБР не позволит вам отрывать их тайные активы от выполнения их работы. Вам было приказано приехать сюда не ради экзаменов. Вы приехали, потому что вы полезны. Я встречалась с вашим отцом, моя дорогая агент Стерлинг. Он играет по правилам лишь тогда, когда это приносит ему выгоду. И я очень сомневаюсь, что он шантажом заставил меня стать частью программы, только для того, чтобы вы не давали мне работать, — Лия откинулась на спинку дивана и вытянула перед собой ноги. — Если считаете иначе, — добавила она, в то время как её губы растянулись в улыбке, — обманываете саму себя.

Агент Стерлинг подождала с ответом до тех пор, пока не убедилась, что всё внимание Лии сосредоточено на ней.

— Все вы полезны, лишь пока не начнете мешать, — спокойно сказала она. — А учитывая ваше прошлое — у некоторых, даже криминальное — мне вовсе не составит труда убедить директора в том, что с парочкой из вас мы рискуем намного больше, чем вы того заслуживаете.

Дин был сыном серийного убийцы.

У Майкла были проблемы с управлением гневом и отец, продавший его ФБР ради иммунитета от обвинений в конторских преступлениях. Лия была заядлой лгуньей — и, судя по всему, состояла на учете в колонии. Слоан целилась в голову агента Стерлинг из катапульты.

Оставалась я.

— Лия, просто порадууй её и сдай тест, — агент Бриггс звучал так, словно у него начинала трещать голова.

— Порадовать меня? — переспросила агент Стерлинг. — Ты говоришь ей порадовать меня? — её голос стал громче на децибел.

— Лия уже написала тест, — сказал Дин, прежде чем агент Бриггс успел ответить. Все в комнате обернулись к нему. — Она детектор лжи во плоти. С вариантами ответов она может справиться и во сне.

Определение лжи заключалось в том, какие слова употребляли люди и как именно использовали их. Если в написании вариантов ответов присутствовала хоть какая-то система, крохотное отличие между верными и неверными ответам, детектор лжи обнаружит её.

Лия сердито взглянула на Дина.

— Никогда не даешь мне повеселиться, — пробормотала она.

Дин проигнорировал её и обратился к агенту Стерлинг.

— У вас появилось дело? Так работайте над ним. Не переживайте насчет нас. Мы будем в полном порядке.

Мне показалось, что он хотел сказать «Я буду в порядке». Кажется, на протяжении всей своей речи, агент Стерлинг хотела услышать именно это.

Вы с Бриггсом поймали Дэниела Рэддинга, — подумала я, осторожно поглядывая на агента Стерлинг. — *Вы спасли Дина.*

Может бывшую Бриггса вовсе не радовало, что она спасла Дина ради всего этого. Мы жили в доме, где стены украшали портреты серийных убийц. На дне нашего бассейна кто-то нацарапал контур мертвого тела. Мы жили и дышали смертью и разрушением, я и Дин — даже больше всех остальных.

Зачем посылать её на замену Лок, если ей не нравилась наша программа? Что-то во всей этой ситуации не вязалось.

Мобильный Бриггса завибрировал. Он взглянул на Стерлинг.

— Если ты здесь уже закончила, хотелось бы отметить, что в то время, пока мы болтаем, местная полиция рушит место преступления, а какой-то идиот додумался поговорить с прессой.

Агент Стерлинг сердито выругалась себе под нос, и я сразу же поменяла свое мнение о её макияже и лаке на её ногтях, а также о её одежде и манере речи. Всё это было задумано вовсе не для убеждения мира в её профессионализме. Это также не было защитной оболочкой, заставляющей людей держаться от неё подальше. Она делала это, всё это, чтобы сохранить старую Веронику Стерлинг — такую, какой её описывал Дин — где-то внутри.

В то время как я прокручивала эту мысль в голове, Бриггс и Стерлинг уехали. Стоило входной двери захлопнуться за ними, Лия, Майкл и Слоан бросились на поиски пульта от телевизора. Слоан добралась до него первой. Она включила телевизор на местный новостной канал. Мне понадобилось мгновение, чтобы сообразить, зачем она это сделала.

Какой-то идиот додумался поговорить с прессой.

Агент Бриггс и словом не обмолвится перед нами об открытом деле. Программа «Естественных» могла работать только над «закрытыми» делами. Но если до прессы донеслись слухи о том, что вытащило команду Бриггса на новое задание, нам и не нужно было ждать объяснений Бриггса.

— Поглядим, чем занимаются мамочка с папочкой, — сказала Лия, жадно впиваясь взглядом в экран, словно ребенок в ожидании начала фейерверка.

— Лия, я дам тебе тысячу долларов, если пообещаешь никогда не называть Стрелинг и Бриггса мамочкой и папочкой.

Лия и Майкл переглянулись.

— Формально, ты не врешь, — сказала она, принимая его предложения. — Но ты не можешь управлять своим трастовым фондом, пока тебе не исполнится двадцать пять, а я не любительница откладывать удовольствие.

Я и не знала, что у Майкла есть трастовый фонд.

— Последние новости, — стоило журналистке появиться на экране, как все разговоры умолкли.

Она стояла напротив здания в готическом стиле. Её волосы развивал ветер, на лице застыло серьезное выражение. Прямо сейчас она обладала странной властью — той, что заставила меня

замереть и глядеть на экран, хоть я и не имела ни малейшего понятия о том, что она собиралась сказать.

— Я нахожусь у Колониального Университета, расположенного в северной Вирджинии, где сегодня студенты обнаружили на газоне ректора тело одной из своих сокурсниц, ставшей жертвой жестокого убийства, — на экране появилось изображение дома в Южном стиле. — Наши источники сообщают, что девушку связали и пытали, а затем задушили тросом из её собственной машины и оставили на капоте. Машину и тело обнаружили на лужайке перед домом ректора университета — Ларри Вернона — сегодня утром. Прямо сейчас полиция пытается отследить каждую зацепку, но наш источник в отделении полиции сообщает о том, что полиция заинтересовалась неким мужчиной, профессором Джорджем Форглом.

На экране появилось новое изображение: мужчина лет сорока с густыми темными волосами и напряженным взглядом.

— Обучение у профессора Форгла включало в себя курс под названием «Чудовище или Человек: Психология серийных убийств», обещающий учащимся «тесное знакомство с людьми, скрывающимися за легендами о наиболее ужасных преступлениях, когда-либо свершенных».

Журналистка поднесла руку к уху и перестала читать с телесуфлера.

— Мне сообщают, что в сеть слили видео с телом, заснятое на телефон одного из студентов вскоре после прибытия полиции. Судя по всему, кадры довольно красочные. Мы будем ждать от местной полиции заявления не только о преступлении, но и о несовершенстве системы безопасности места преступления, позволившей этим кадрам просочиться в сеть. С вами были Мария Винсент и новости на Девятом канале.

Не прошло и секунды, как звук на телевизоре был отключен, а Слоан нашла слитое видео на своем ноутбуке. Она развернула экран так, чтобы все мы могли видеть его, и нажала на «play». Трясущаяся камера приблизилась к месту преступления.

Слово «красочный» было явным преуменьшением.

Никто из нас не отвел взгляда. Лия с Майклом, возможно, испытывали болезненное любопытство. Для Слоан места преступлений были информацией: она осматривала каждую деталь, проглатывала числа. Но для нас с Дином дело было вовсе не в месте.

Дело было в теле.

Между убийцей и убитым им человеком существовали почти интимные отношения. Тела были сообщениями, полными символического смысла, понятного лишь тому, кто понимал нужду, желание и ярость, заставлявшие разрушить чужую жизнь.

Никто не пожелал бы говорить на этом языке. Так мне однажды сказал Дин, но я чувствовала, как рядом со мной его глаза впивались в экран в точности также как и мои.

У трупа были длинные светлые волосы.

Кто бы не заснял видео, он не мог подобраться слишком уж близко, но даже с расстояния, тело девушки выглядело изломанным, а кожа — безжизненной. Её руки были связаны за спиной и, судя по тому, что её ноги прижимались друг к другу, я решила, что и они были связаны. Нижняя часть её тела свисала с капота. Её футболка была покрыта кровью. Не смотря на сомнительное качество работы оператора, я различила петлю на её шее. Черный трос выделялся на фоне белой машины, второй его конец скрывался в люке на крыше.

— Эй! — на видео, один из офицеров полиции заметил сжимающего телефон студента. Тот выругался и бросился бежать, съемка оборвалась.

Слоан закрыла ноутбук. В комнате царил тишина.

— Всего одно убийство, — наконец, сказал Майкл. — Значит оно не серийное. Зачем звать ФБР?

— Подозреваемый читает лекции о серийных убийствах, — ответила я, размышляя вслух. — Если профессор имеет к этому отношение, экспертная оценка на месте не помешает, — я взглянула на Дина, желая увидеть, согласен ли он со мной, но он просто сидел, пялясь в экран беззвучного телевизора.

Почему-то я сильно сомневалась, что он увлекся прогнозом погоды.

— Дин? — позвала я. Он не отозвался.

— Дин, — Лия протянула ногу и ткнула его пяткой. — Земля вызывает Рэддинга.

Дин поднял взгляд. Светлые волосы упали на его лицо. Карие глаза смотрели как бы сквозь нас. Он сказал что-то, но слова застряли у него в горле, замерев на полпути между ворчанием и шепотом.

— Что ты сказал? — спросила Слоан.

— Свяжи их, — повторил Дин, всё ещё хрипло, но громче, чем в прошлый раз. — Заклейми их. Режь их. Повесь их, — он закрыл глаза, его руки сжались в кулаки.

— Эй, — через миг Лия оказалась рядом с ним. Она не прикоснулась к нему, но была совсем близко. Её лицо полыхало яростной опекой... и ужасом.

Сделай что-то, — подумала я.

Взяв пример с Лии, я присела по другую сторону от Дина. Я протянула руку, чтобы прикоснуться к его нему. Он не раз делал так, когда я только начинала учиться забираться в мысли убийц.

В тот миг, когда я дотронулась до него, он вздрогнул. Его рука дернулась, и, внезапно, моя ладонь оказалась в болезненной хватке. Майкл вскочил, сверкая глазами. Кивком головы я попросила его оставаться спокойным. Я могла о себе позаботиться.

— Эй, — сказала я, повторяя слова Лии. — Эй, Дин.

Дин быстро моргнул, трижды или четырежды. Я попыталась сосредоточиться на деталях его лица, а не на его цепкой хватке на моей руке. Его ресницы не были черными. Они были карими, светлее радужки его глаз. Прямо сейчас эти круглые и темные глаза уставились на меня. Он выпустил мою руку.

— Ты в порядке? — спросил он.

— С ней всё нормально, — ответила за меня Лия, её глаза сузились до щелочек, на тот случай, если я посмею ей возразить.

Дин проигнорировал Лию и посмотрел на меня.

— Кэсси?

— Я в порядке, — ответила я. Так и было. Я ещё чувствовала пульсацию в том месте, где всего миг назад находилась его рука, но больно не было. Моё сердце грохотало. Я запретила моим рукам дрожать. — С тобой всё хорошо?

Я ожидала, что Дин попросит меня замолчать, откажется отвечать или уйдет. Но когда он ответил, я поняла, чем эти слова стали для него — покаянием. Он заставлял себя говорить, он говорил, чтобы наказать себя за то, что утратил контроль.

Чтобы извиниться передо мной.

— Бывало и лучше, — тут Дин мог бы и замолчать, но он не стал. Каждое слово он произносил с трудом, и мой желудок скрутился в узел, когда я осознала, чего ему стоило продолжать говорить. — Профессор, которого они ищут, тот, что читает курс «Чудовище или Человек». Готов поспорить, что его заподозрили потому, что одним из убийц, о котором он рассказывал на занятиях, был мой отец, — Дин сглотнул и начал сверлить глазами ковер. — Бриггса и Стерлинг вызвали, потому что они работали над делом моего отца.

Я помнила, как сложно было глядеть на место преступления, осознавая, что здесь убили мою мать. Дин был там со мной. Он был там ради меня.

— Свяжи их. Заклейми их. Режь их. Повесь их, — мягко произнесла я. — Так твой отец убивал своих жертв, — я не хотела, чтобы эти слова прозвучали вопросительно, потому что знала наверняка. От одного взгляда на Дина, я знала это.

— Да, — сказал Дин, прежде чем взглянуть на всё ещё работающий телевизор. — И я почти уверен, что именно это и сделали с этой девушкой.

Ты

Газон ректора был милым штришком.

Ты мог бросить её где угодно.

Ты не обязан был так рисковать.

— Никто не видел меня, — мурлыкаешь ты, самодовольно хмыкая. — Но все видели её.

Они видели линии, вырезанные тобой на её теле. Видели петлю, затянутую тобой на её шее. Стоит тебе лишь подумать об этом, о её выпученных глазах в миг, когда жизнь утекала из её тела, о хрупких пальцах, впивающихся в удавку, о бледной коже, окрашенной изящными алыми ручейками...

Твои губы изгибаются в улыбке. Тот миг уже в прошлом, но игра... игра будет длинной. В следующий раз, ты не будешь таким нетерпеливым. В следующий раз, тебе не придется никому ничего доказывать. В следующий раз, ты не будешь спешить.

Глава 8

Рассказ Дина о почерке его отца произвел эффект сброшенной бомбы, однако сам Дин быстро вышел из комнаты. Мы же молча сидели, минута за минутой, каждая из которых всё сильнее пропитывалась недосказанностью.

Не было никакого смысла пытаться сдать экзамен. Я могла думать лишь о девушке на видео, о её теле, свисающем с капота и о черной петле на её безжизненной шее. Дин не объяснил, что именно в том видео убедило его в том, что Н.О. подражал преступлениям его отца.

Связанные ноги и руки жертвы?

Её тело, свисающее с машины?

Всё это могло оказаться совпадением. Но слова Дина звучали так уверенно, а он ведь поверил мне, когда я предлагала настолько же сумасшедшую теорию. Даже чуть более сумасшедшую.

— Ты думаешь о прошлом лете, — Майкл нарушил тишину, обращаясь ко мне. — Всё твоё тело ссутулилось от желания удержать это в себе.

— Вы не считаете это странным? — спросила я, переводя взгляд с Майкла на других. — Шесть недель назад, Лок симитировала убийство моей матери, а теперь кто-то подражает отцу Дина?

— Срочные новости, Кэсси, — Лия встала, её глаза сверкали. — Возможно, ты и не догадывалась об этом, но не весь мир вращается вокруг тебя, — меня ошеломил яд в её голосе. Возможно, мы с Лией не были лучшими подругами — совершенно точно не были — но обычно она не смотрела на меня, словно на врага.

— Лия...

— Это. Тебя. Не. Касается, — она развернулась на каблуках и зашагала к двери. На полпути она остановилась и обернулась, сверля меня взглядом. — Думаешь, ты имеешь хоть малейшее понятие о том, как всё это влияет на Дина? Думаешь, ты имеешь к этому отношение? Ты ничего не знаешь о том, через что он проходит. Ничегошеньки.

— Ты сердисься не на Кэсси, Лия, — перебил её Майкл. — Ты сердисься на ситуацию и на то, что Дин сейчас где-то там, пытается справиться с этим в одиночку.

— Пошел ты, Майкл, — выплюнула Лия. Она позволила этим словам зависнуть в воздухе, а затем ушла. Несколько секунд спустя, я услышала, как входная дверь распахнулась и захлопнулась. Слоан, Майкл и я уставились друг на друга, в комнате повисла ошеломленная тишина.

— Может, я и ошибся, — наконец заговорил Майкл. — Может, она сердилась не только на ситуацию.

Майкл мог в точности определить, какие эмоции испытывал человек. Он мог обнаружить разницу между раздражением, кипящей яростью и реакцией «бей или беги». Но причины эмоций... Они оказывались где-то посередине между его способностями и моими. Вещи, имеющие значение для людей, вещи, определяющие их — эта область принадлежала мне.

— Лия знает Дина дольше, чем любой из нас, — сказала я, размышляя о ситуации и вовлеченных в неё личностях. — Неважно, сколько людей поселится в этом доме, Лия всегда будет считать их союзниками. Но вот Дин...

— Сам себе союзник, — закончил за меня Майкл. — Он у нас мистер Одинокый Волк.

Когда дела шли плохо, Дин возводил вокруг себя стены, чтобы оттолкнуть людей подальше. Но я ещё никогда не видела, чтобы он отталкивал Лию. Она была его семьей. А на этот раз, он оставил её снаружи — как и всех нас.

— Дину нравится Кэсси, — сообщила Слоан, не обращая внимания на то, что момент был не самым подходящим для обсуждения любой симпатии, которую Дин мог испытывать ко мне. Майкл, настоящий мастер скрывать эмоции, никак не отреагировал на её слова. — Лия знает, что Дину нравится Кэсси. Не думаю, что это её заботит. Я думаю, она считает это забавным. Но сейчас это... не забавно.

Пусть познания Слоан в психологии оставляли желать лучшего, но в её словах я увидела зерно правды. Лия не интересовалась Дином в романтическом смысле. Однако это вовсе не значило, что ей понравилось, что, посвящая нас в ситуацию, он отвечал на мои вопросы. Именно мне удалось достучаться до него. И Лие это не понравилось. Он должен был положиться на неё, не на меня. Затем я преумножила свои грехи, подчеркивая схожесть — а ведь схожесть была — между ситуацией Дина и тем, что я пережила благодаря Лок.

— Я вовсе не хотела сказать, что в точности понимаю его чувства, — казалось бы, я должна была оправдаться, даже несмотря на то, что Слоан и Майкл не ждали от меня объяснений. — Я просто хотела сказать, что приключился жутчайший поворот судьбы — мы все приехали сюда, чтобы разбираться с «закрытыми» делами, но «открытые» дела Бриггса всё никак не отпускают нас, — я перевела взгляд с Майкла на Слоан. — Серьезно, каковы шансы на подобное?

Слоан сжала губы.

— Хочешь рассказать, каковы шансы, да? — спросил у неё Майкл.

— Здесь всё не так просто, — Слоан покачала головой и отбросила с лица светлые волосы. — Мы ведь столкнулись не с отдельными переменными. Дин стал частью программы, потому что он понимает убийц — а всё потому, что его отец был убийцей, — со стороны жестикования Слоан походила на безрезультатные попытки ухватиться за что-то невидимое. — Всё это связано. Наши семьи. Произошедшее с нами. Наши способности.

Я взглянула на Майкла. Он не поднял взгляда в мою сторону.

— Мы стали «естественными» не только лишь потому, что родились с невероятными способностями. Мы оттачивали их. Всю свою жизнь мы, так или иначе, оттачивали их, — голос Слоан смягчился. — Вы знали, что людей вроде Лии изучают? Я читала те исследования. Абсолютно все.

Даже не задумываясь, я осознала, что для Слоан чтение статей об обнаружении лжи было способом стать ближе к Лие. Все мы отлично понимали людей. Слоан же лучше ладила с предметами. С числами. С фактами.

— У взрослых способность к распознаванию лжи считается смесью врожденных способностей и многочисленных тренировок. С детьми всё иначе, — она сглотнула. — Существует определенное подмножество с талантом к определению лжи.

— И что же это за подмножество? — спросила я.

Пальцы Слоан впились в край её рукава.

— Люди, подвергшиеся максимумам и минимумам. Смены окружающей обстановки. Жестокое обращение, — Слоан замолчала, а затем вновь заговорила и уже быстрее. — Существует некая взаимосвязь — по статистике, лучше всего определяют ложь непослушные дети, выросшие среди жестокости, но каким-то образом борющиеся, чтобы сохранить ощущение контроля.

Когда Бриггс рассказывал о том, каково быть «естественным», он чаще всего употреблял слова «потенциал» или «дар». Однако Слоан говорила, что одного лишь таланта было недостаточно. Мы не рождаемся «естественными». Что-то в детстве Лии сделало её прекрасной лгуньей, умеющей определять, когда кто-то лжет ей самой. Что-то научило Майкла подмечать эмоции.

Моя мать учила меня читать людей, чтобы я помогала ей выманить у них деньги. Мы никогда не останавливались, иногда с каждой новой неделей мы оказывались в новом городе.

У меня не было дома. Или друзей. Залезать в человеческие головы, понимать их, даже если они понятия не имели о моем существовании — всё это стало для меня ближайшим подобием дружбы.

— У всех нас было ненормальное детство, — тихо сказала Слоан. — Будь всё по-другому, мы не стали бы «естественными».

— И на это веселой ноте, я сваливаю, — Майкл встал. Его голос звучал обыденно, но я прекрасно знала, что он не любил обсуждать своё прошлое. Однажды он рассказал мне, что у его отца был взрывной характер. Я пыталась не думать о причине, по которой маленькому мальчику, растущему с таким вот отцом, пришлось стать экспертом в чтении человеческих эмоций.

По пути к выходу Майкл остановился рядом со Слоан.

— Эй, — мягко сказал он. Она взглянула на него. — Я не сержусь на тебя, — сказал он. — Ты не сделала ничего плохого.

Слоан улыбнулась, но улыбка не затронула её глаз.

— Я имею все основания полагать, что я делаю или говорю что-то не то, как минимум восемьдесят шесть целых пять десятых процента от всего времени.

— Звучит так, будто ты хочешь, чтобы я сбросил тебя в бассейн, — возразил Майкл.

На этот раз Слоан неподдельно улыбнулась. Мельком взглянув на меня, Майкл ушел.

— Думаешь, Дин пошел в гараж? — спросила Слоан, после нескольких минут тишины. — Обычно, когда он расстроен, он идет именно туда.

Дин был не просто расстроен. Я не знала наверняка, через что ему довелось пройти в детстве, но однажды я спросила у него, знал ли он, что его отец делал с теми женщинами. Сначала его ответом было «нет».

— Дину нужно побыть одному, — сказала я Слоан, на случай, если сама она не догадалась об этом. — Некоторым в трудные времена нужны друзья, другие же предпочитают побыть наедине с собой. Дин заговорит, когда придет время.

Даже сказав это, я понимала, что не смогу вот так просто бездействовать. Ждать. Я должна была сделать что-то — просто не знала, что именно.

— С ним всё будет хорошо? — едва слышно спросила Слоан.

Я не могла соврать ей:

— Я не знаю.

Глава 9

В конце концов, я оказалась в библиотеке. От стены к стене, от пола к потолку тянулись книжные полки, на которых покоилось больше книг, чем я могла бы прочитать за всю свою жизнь. Я замерла в дверном проеме. Я пришла сюда вовсе не ради книг. Третий стеллаж слева, вторая полка снизу. Я тяжело вздохнула и зашагала к нужной полке. Допрос номер двадцать восемь, двенадцатая папка.

Мои пальцы сжались на нужной папке, и я заставила себя снять её с полки.

В последний раз, когда я читала запись этого допроса, я прекратила, стоило мне заметить фамилию интервьюируемого.

Лия была права. Я не полностью понимала Дина — но я хотела понять его.

Я должна была, ведь упади я в подобную пропасть, Дин понял бы меня.

Дин всегда понимал.

Я присела на пол, раскрывая папку на коленях на той самой странице, где я прекратила читать много недель назад.

Допрос вел Бриггс. Он только что попросил у отца Дина подтвердить личность одной из его жертв.

Рэддинг: Ты задаешь неправильные вопросы, сынок. Дело не в том, кто они, дело в том, что они такое.

Бриггс: И что же они такое?

Рэддинг: Они мои.

Бриггс: Поэтому ты и связывал их пластиковыми хомутами? Потому что они были твоими?

Рэддинг: Ты хочешь услышать, что я связывал их, чтобы заставить остаться. Ваши новомодные психологи были бы очень рады послушать рассказ обо всех женщинах, бросивших меня. О моей матери и матери моего сына. Но вы никогда не предполагали, что мне просто нравится глядеть на женскую кожу под удерживающим её пластиком? Может мне нравилось наблюдать за тем, как на их запястьях и лодыжках появлялись белые полосы, а их руки и ноги немели. Или за тем, как напрягались их мышцы, как некоторые из них стирали запястья в кровь, в то время как я сидел и глядел на них. Ты можешь представить себе нечто подобное, агент Бриггс? Можешь?

Бриггс: Что насчет клейма? Хочешь сказать, оно не делало их твоей собственностью? Владеть ими, господствовать над ними, контролировать каждый их вздох — разве не в этом был смысл?

Рэддинг: Смысл? Кто сказал, что есть смысл? В детстве люди игнорировали меня. Учителя называли меня угрюмым. Меня вырастил дедушка, и даже он всегда говорил мне не смотреть на него и бабушку вот так. Во мне словно жило нечто, что я был вынужден скрывать, но вот мой сын? Дин? Он родился с улыбкой на лице. Люди улыбаются, стоит им взглянуть на него.

Все любили этого мальчика. Моего мальчика.

Бриггс: А ты? Ты любил его?

Рэддинг: Я создал его. Он был моим, и если он умел очаровывать людей, во мне тоже должно было жить нечто подобное.

Бриггс: Твой сын научил тебя смешиваться с толпой, нравится людям, вызывать доверие. А чему научил его ты?

Рэддинг: Почему бы тебе не спросить у твоей жены? Она красавица, не так ли? Но рот у неё...

— Увлекательное чтение?

Голос вернул меня в настоящее.

— Лия.

— Ничего не можешь с собой поделаться, да? — голос Лии звучал колко, но не так яростно, как прежде.

— Я сожалею о том, что случилось раньше, — я взяла свою жизнь в собственные руки и рискнула просить прощения, понимая, что могу всё испортить. — Ты была права. Я не знаю, через что проходит Дин. Ситуация со мной и Лок — это вовсе не то же самое.

— Всегда такая искренняя, — в монотонном тоне Лии мелькнула нотка резкости. — Всегда готова признать, что была неправа. — Её взгляд скользнул к папке на моих коленях, и её голос в миг стал ровным. — И всё же снова и снова совершаешь одни и те же ошибки.

— Лия, — сказала я. — Я не пытаюсь встать между вами двумя...

— Вот и отлично, Кэсси. Я ведь сказала — ты здесь не причем. Неужели ты, правда, считаешь, что дело во мне?

Я не знала, что и думать. Лия слишком далеко отошла от своего привычного поведения, так что профилировать её я не могла. Я была уверена лишь в одном — в её верности Дину.

— Он бы не хотел, чтобы ты читала это, — она звучала уверенно — но ведь Лия всегда звучала уверенно.

— Я думала, это поможет, — сказала я. — Если бы я поняла, я могла бы...

— Помочь? — закончила за меня Лия, выплевывая слово. — В этом твоя проблема, Кэсси. Ты всегда поступаешь из лучших побуждений. Ты всегда хочешь помочь. Но, в конце концов, ты не помогаешь. Кому-то причиняют боль, и ты никогда не бываешь этим кем-то.

— Я бы никогда не навредила Дину, — яростно возразила я.

Лия прыснула:

— Мило, что ты веришь в это, но, конечно же, навредила бы, — она сползла по стене и присела на пол. — Бриггс заставил меня слушать аудиозапись с интервью Рэддинга, когда мне было четырнадцать, — она крепко прижала колени к груди. — К тому моменту я прожила здесь около года, и Дин не хотел, чтобы я и близко подходила к чему-то, хоть как-то связанному с его отцом. Но я была так похожа на тебя. Я думала, что смогу помочь ему, но не помогла, Кэсси.

Каждый раз, когда она произносила слово «помочь», её голос всё больше походил на рычание.

— Эти допросы — шоу Дэниела Рэддинга. Он лжец. Один из лучших, что мне доводилось слышать. Он заставляет слушателя считать правду ложью, а затем говорит вещи, вовсе не подходящие на правду.

Лия покачала головой, словно пытаюсь вытряхнуть из неё воспоминания.

— Прочитаешь слова Дэниела Рэддинга, и они устроят у тебя в голове настоящий хаос, Кэсси. А узнай Дин, что ты читала это, и он тоже слетит с катушек.

Она была права. Дин не хотел, чтобы я читала это. Его отец описывал его маленьким мальчиком, рожденным с улыбкой, невероятно любвеобильным, с легкостью сближающимся с людьми, но Дин, каким я знала его, всегда был настороже.

Особенно со мной.

— Скажи, что я неправа, Кэсси, и я красиво извинюсь перед тобой. Скажи, что Дэниел Рэддинг не успел забраться под твою кожу.

Я знала, что не смогу соврать Лие. Внутри меня существовала некая часть — она считала людей головоломками, нуждающимися в решении, жаждала ответов, хотела чтобы поступки — ужасные поступки, жуткие вещи, вроде того, что произошло с моей матерью или того, что Дэниел Рэддинг сотворил с теми женщинами — обрели смысл.

— Дин не хотел бы, чтобы я читала это, — признала я, прикусывая нижнюю губу, прежде чем выпалить: — Но это вовсе не значит, что он прав.

В мою первую неделю участия в программе, Дин пытался заставить меня уйти. Он сказал мне, что профилирование убийц разрушит меня. А ещё он сказал, что к тому времени, когда агент Бриггс стал приходить к нему за помощью с «нераскрытыми» делами, не осталось уже ничего, что можно было бы разрушить.

Если бы всё было иначе, если бы я оказалась втянута во всё это, Дин бы не отступил.

— Я провела ночь в комнате Майкла, — Лия подождала, пока я осмыслию её слова, а затем улыбнулась, словно чеширский кот. — Я хотела отыграться в покер на раздевание, а месье Таунсенд был очень уж рад помочь.

Мне показалось, что она проткнула мою глотку сосулькой. Я замерла, заставляя себя ничего не чувствовать. Тем временем, Лия потянулась ко мне и выхватила из моих рук папку. Она фыркнула.

— Честное слово, Кэсси, это было слишком легко. Если бы я действительно решила провести ночь с Майклом, ты бы узнала об этом на следующее утро — ведь ты стала бы невидимкой, а Майкл не отрывал бы от меня взгляда. Ну, а пока... — Лия захлопнула папку. — Кажется, я второй раз за пять минут не дала тебе вляпаться во что-то, что тебе не понравилось бы, так что не за что, — она сверлила меня глазами. — Ты не хочешь залезать в мысли Дэниела Рэддинга, Кэсси, — она перебросила волосы через плечо. — И поверь, если мне снова придется вмешаться, я буду креативна.

С этими словами она вышла из комнаты — унося с собой папку и все её содержимое.

Разве она может так поступить? Я сидела, глядя ей вслед. В конце концов, я сердито сказала себе, что она была права, что мне вовсе не нужно было знать подробности дела отца Дина, чтобы помочь ему. Но даже с этим знанием, даже поверив в это, я не переставала размышлять о той части допроса, которую я не успела прочитать.

Чему ты научил своего сына? — спросил агент Бриггс.

Я никогда не видела фотографий отца Дина, но всё же я могла представить улыбку на его лице, когда он ответил: «Почему бы тебе не спросить у твоей жены?».

Глава 10

Дин пропустил ужин. Джадд отправил его полную тарелку в холодильник. Я гадала, привык ли он к тому, что Дин исчезает на несколько часов. Возможно, когда Дин впервые приехал сюда, подобное было в порядке вещей. Я стала всё больше и больше думать о Дине — двенадцатилетнем мальчике, отца которого только что арестовали за серийные убийства.

Ты знал о том, чем он занимается, — я, сама того не желая, проскользнула в голову Дина. — Но ты ничего не мог с этим поделать.

Я глубоко прониклась чувствами Дина: его переживаниями насчет отца и тем, что творилось в его голове после одного взгляда на тело той девушки. Я не могла упрятать эти мысли подальше — они кровоточили вперемешку с моими собственными.

Прямо сейчас, Дин почти наверняка думал о крови убийцы, бегущей по его венам. В моих же текла кровь Лок. Может Лия была права. Может я не могла полностью понять всего, через что сейчас проходил Дин — но профайлер во мне всё не переставал пытаться. Я не могла перестать чувствовать его боль и находить её отражение в моей собственной.

После ужина я собиралась подняться наверх, но ноги сами понесли меня к гаражу. Я замерла перед дверью. Из гаража доносились глухие звуки ударов — снова и снова. Я подняла ладонь и опустила её на дверную ручку.

Он не хочет, чтобы ты была здесь, — напоминала я самой себе. Но в глубине души, я не могла удержаться от мысли о том, что Дин меньше всего хотел отдаляться от всех нас — он скорее не позволял себе хотеть этого. Существовал шанс — и довольно большой — что Дину вовсе не хотелось быть одному, однако он считал, что заслуживает одиночества.

Моя рука снова опустилась на ручку, но на этот раз я повернула её. Дверь приоткрылась, и к ритмичным звукам ударов, которые я слышала, прибавилось тяжелое дыхание. Отрывисто дыша, я распахнула дверь. Дин не заметил меня.

Его светлые волосы взмокли от пота и прилипли ко лбу. Крохотная белая майка прилипла к его торсу, насквозь мокрая и прозрачная. Я могла различить очертания его живота и груди. Его плечи были оголены, мускулы на них выглядели настолько напряженными, что, казалось, собирались лопнуть или вырваться из-под его загорелой кожи.

Удар. Удар. Удар.

Его кулаки врезались в грушу для битья. Та возвращалась к нему, и он бил ещё сильнее, чем прежде. Ритм ударов становился всё быстрее, и с каждым разом, он всё больше вкладывался в них. Его кулаки были голыми.

Не знаю точно, как долго я стояла, наблюдая за ним. В этих его движениях было нечто животное, нечто дикое и ужасное. Благодаря глазам профайлера, я видела в каждом ударе значение. Потеря контроля, контроль. Наказание, освобождение. Он жаждал почувствовать боль в костяшках. Он не мог остановиться.

Я сделала пару шагов к нему, всё ещё не попадаясь ему на глаза. На этот раз я не повторю ошибки — не попытаюсь прикоснуться к нему. Его невидящий взгляд замер на груше. Я не была уверена в том, кого именно он бьет — своего отца или себя самого. Я знала лишь, что если он не остановится, чем-то придется пожертвовать — грушей, его руками, его телом или его разумом.

Его нужно было вытащить из этого.

— Я поцеловала тебя, — не знаю, что заставило меня сказать это, но ведь я должна была сказать хоть что-нибудь. Я видела, как он пытается осознать смысл моих слов. Его движения слегка замедлились, и я чувствовала, как он возвращается к настоящему.

— Это не имеет значения, — он продолжил бить грушу. — Это была всего лишь игра.

Правда или Действие. Он был прав. Это всего лишь игра. Так почему же я чувствовала себя так, словно кто-то ударил меня?

Дин, наконец, перестал бить грушу. Он тяжело дышал, и с каждым вздохом его тело содрогалось. Взглянув на меня, он снова заговорил:

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Лучшего, чем игра? — спросила я. Или лучшего, чем ты?

Дин не ответил. Я знала, что дело не во мне. Дин не видел меня настоящей. То была Кэсси, которую он нафантазировал и идеализировал — кто-то, чтобы мучить себя. Девушка, заслуживающая чего-то. Девушка, которую он никогда не будет заслуживать. Я ненавидела тот факт, что он водружал меня на стеклянный пьедестал — хрупкую и недосыгаемую. Словно у меня здесь не было права голоса.

— У меня есть тюбик губной помады, — я буквально швырнула в него этими словами. — Её дала мне Лок. Я лгу себе о том, что храню её, как напоминание, но всё совсем не так просто, —

он не ответил, так что я продолжила говорить. — Лок думала, что я могу быть похожей на неё, — в этом и заключался весь смысл её маленькой игры. — Она так сильно хотела этого, Дин. Я знаю, что она была монстром. Я знаю, что должна ненавидеть её. Но иногда, я просыпаюсь утром и всего на миг я забываю об этом. И в этот миг, прежде чем вспомнить о том, что она наделала, я скучаю по ней. Я даже не знала, что мы родственники, но...

Я замолкла на полуслове, и моё горло сжалось от мысли о том, что я должна была знать об этом. Я должна была разглядеть в ней последнюю связь с моей матерью. Я должна была понять, что она была совсем не той, кем хотела казаться. Я должна была знать, но не знала, и из-за этого пострадали люди.

— Не заставляй себя произносить это, только потому, что мне нужно это услышать, — хрипло сказал Дин. — У вас с Лок нет ничего общего, — он вытер руки о джинсы, и я расслышала слова, которые он так и не произнес вслух.

У нас с тобой нет ничего общего.

— Возможно, — мягко сказала я, — чтобы заниматься тем, чем занимаемся мы с тобой, приходится жить с частичкой монстра внутри.

Дыхание застыло в горле Дина, и целую вечность мы двое стояли в абсолютной тишине: вдыхая и выдыхая, вдыхая только что произнесенную мной правду.

— Твои руки кровоточат, — наконец произнесла я, мой голос оказался таким же хриплым, каким несколько минут назад был его голос. — Ты ушибся.

— Нет, я... — Дин опустил взгляд на свои кровоточащие костяшки и проглотил остаток возражения.

Если бы я не вмешалась, ты бы сбил руки до мяса. — Понимание этого заставило меня действовать. Минуту спустя, я вернулась с чистым полотенцем и тазиком воды.

— Садись, — сказала я. Когда Дин не двинулся с места, я одарила его строгим взглядом и повторила приказ. Внешне я походила на мать, но с подходящей мотивацией у меня отлично получалось изображать мою бабушку по отцовской линии.

Люди стлкнувались с Нонной лбами лишь на свой или её риск.

Поддаваясь упрямому выражению моего лица, Дин присел на скамеечку. Он потянулся за полотенцем, но я проигнорировала его и опустилась на колени, погружая полотенце в воду.

— Руку, — сказала я.

— Кэсси...

— Руку, — повторила я. Я чувствовала, что он готов отказаться, но каким-то чудесным образом его рука оказалась рядом с моей. Я медленно перевернула её. Я осторожно смыла с его костяшек кровь, прижимая полотенце к сухожилиям и кости. Вода была едва теплой, но моё тело охватило жар, стоило моему пальцу мягко коснуться его кожи.

Я отпустила его левую руку и занялась правой. Никто из нас не произнес ни слова. Я не смотрела на него. Я заставила себя сосредоточиться на его пальцах, его костяшках, на шраме, пересекающем его большой палец.

— Я сделал тебе больно, — Дин нарушил тишину.

Я чувствовала, как ускальзывает момент. Он так сильно удивил меня, что я хотела, чтобы он вернулся.

Я не хотела желать этого. Я хотела, чтобы всё оставалось как прежде. Я могла сделать это. Я уже делала это. Ничего не должно было меняться.

Я отпустила руку Дина.

— Ты не сделал мне больно, — решительно сказала я. — Ты просто схватил меня за запястье, — я оттянула рукав и взмахнула правой рукой в качестве доказательства. По сравнению с его загаром, моя кожа казалась невыносимо бледной. — Даже следа не осталось. Никаких синяков. Я в порядке.

— Тебе повезло, — сказал Дин. — Я был... где-то далеко.

— Знаю, — прошлой ночью появление агента Стерлинг заставило меня лишиться контроля, и именно Дин разрушил власть «где-то далеко» надо мной.

Несколько секунд мы глядели друг другу в глаза, и вот понимание скользнуло в глазах Дина.

— Ты винишь себя за то, что случилось с агентом Лок, — как и я, Дин был профайлером. Он мог забраться в мою голову с той же легкостью, с какой я забиралась в его. — За девушек, убитых Лок, за Майкла, за меня.

Я не ответила.

— Это не твоя вина, Кэсси. Ты не могла знать, — в отличие от меня, Дин тяжело дышал. Мои глаза наблюдали за движением его кадыка. Его губы открылись и он заговорил: — Мой отец заставил меня наблюдать.

Эти негромкие слова несли в себе эффект пушечного выстрела, но я никак не отреагировала на них. Стоило мне заговорить, вздохнуть или просто пошевелиться, Дин снова замкнется в себе.

— Я узнал, чем он занимается, и он заставил меня наблюдать.

Чем мы занимались? Делились секретами? Или чувством вины? То, о чем он только что рассказал мне, было куда больше всего, что я могла бы рассказать ему. Он тонул, и я не знала, как спасти его. Мы сидели в тишине, он на скамейке, я на полу. Я хотела прикоснуться к нему, но не сделала этого. Я хотела сказать ему, что всё будет в порядке, но не сделала и этого. Я представляла девушку из новостного сюжета.

Мертвую девушку.

Дин мог бросаться на грушу, пока кожа не слезет с его костяшек. Мы могли обмениваться признаниями, которых никто и никогда не должен был делать. Но ничего из этого не изменило бы того факта, что Дин не сможет спать спокойно, до тех пор, пока это дело не будет раскрыто — как и я.

Глава 11

Проснувшись после беспокойной ночи, я едва не врезалась в зависшее в трех дюймах от меня лицо. Я отпрянула, и Слоан удивленно моргнула.

— Гипотетически, — сказала она, словно склоняться над чужой постелью и глазеть на человека, пока он спит — совершенно нормально, — построение модели места преступления, которое мы вчера видели на видео, считалось бы вмешательством в личное пространство Дина?

Я открыла было рот, чтобы сказать Слоан, что прямо сейчас она вмешивается в мое личное пространство, но затем обдумала её вопрос.

— Гипотетически, — сказала я, подавливая зевоту и садясь в постели, — ты ведь уже воссоздала вышеупомянутое место преступления?

— Возможно, — её волосы были взъерошены и торчали под странными углами. Под её глазами появились темные круги.

— Ты вообще спала прошлой ночью? — спросила я.

— Я пыталась понять, как убийце удалось оставить там тело девушки, не будучи замеченным, — ответила Слоан, что одновременно было и не было ответом на мой вопрос. Когда Слоан увлеклась чем-то, остальной мир переставал существовать для неё. — У меня есть теория.

Она потянула за кончики своих светлых волос. Я буквально видела, что она ждала, что я рассержусь и скажу ей, что она неправильно реагировала на всю ситуацию с Дином. Она прекрасно знала, что не походила на остальных людей, и я начинала догадываться, что когда-то кто-то — а может даже несколько людей — убедил её в том, что быть другой, какой была она, было неправильно.

— Дай мне одеться, — сказала я. — А потом можешь рассказать мне свою теорию.

Когда Дин расстраивался, он шел в гараж. Когда расстраивалась Слоан, она шла в подвал. Я не была уверена в том, что она могла справляться с грустью как-то иначе.

Кроме того, — думала я, натягивая футболку, — я явно была последней, кто мог читать лекции о личном пространстве Дина.

Подвал тянулся подо всем нашим построенным в викторианском стиле домом, а также под передним и задним дворами. Стены, не достающие до потолка, делили пространство на отдельные блоки, у каждого из которых недоставало четвертой стены.

— Мне пришлось слегка модифицировать технические характеристики машины, — сказала Слоан, стягивая волосы в тугий хвостик и останавливаясь перед искорёженной машиной, припаркованной в блоке, спроектированному так, чтобы выглядеть как парк. — Две недели назад, когда я работала над одной из симуляций, Бриггс достал нерабочую легковушку. Капот был на пару дюймов длиннее, чем нужно, и наклон был недостаточно резким, но ничего такого, что не можно было бы исправить, мастерски владея кувалдой.

Для человека довольно хрупкого телосложения, Слоан сравнительно мало беспокоилась о рекомендуемых мерах безопасности. От одной лишь мысли об оказавшейся в её руках кувалде, я пришла в ужас.

— Кэсси, сосредоточься, — приказала Слоан. — У нас здесь не так уж и много пейзажей природы, так что я выбрала пейзаж парка неподалеку. Трава здесь высотой дюйм с четвертью, чуть менее аккуратная, чем на месте преступления. У нас отличный выбор манекенов, так что я подобрала того, что почти идеально подходит под рост жертвы. Трос не того цвета, но он нейлоновый и толщина подходящая.

Иногда было очень просто забыть, что дар Слоан выходил далеко за границы статистики, скопившейся в её мозгу. Видео с места преступления было снято с расстояния и длилось меньше сорока пяти секунд, но Слоан распознала каждую деталь: длину и толщину троса, затянутого на теле жертвы, точное положение тела, высоту травы, форму, модель и особенности машины.

В результате, я смотрела на почти точную копию того, что мы видели на записи. Безликий, голый манекен раскинулся на капоте машины. Нижние конечности манекена свисали с него. На видео мы видели сцену только спереди, но теперь я могла обойти её вокруг и оглядеть место преступления со всех сторон. Руки жертвы были связаны в запястьях, неаккуратно, изгибая тело влево. Я закрыла глаза и представила девушку.

Ты сопротивлялась, не так ли. Сопротивлялась так, что веревки врезались в твои руки.

— Один конец троса обернут вокруг её шеи. Другой тянется к люку на крыше, затем вниз и крепится к чему-то в машине, — голос Слоан вернул меня к реальности. Я уставилась на машину.

— Н.О. не мог сделать всё это на газоне перед домом ректора, — сказала я.

— Верно! — Слоан просияла. — А значит, он сначала подвесил девушку, а затем оставил там машину. Я проглядела топографию улиц неподалеку от дома. Есть дорога, ведущая прямоком на запад, но если не сворачивать, съедешь с дороги и окажешься на лесистом склоне.

— Лес мог оказаться прикрытием, — сказала я, прикусывая нижнюю губу, пытаюсь представить передвижения Н.О., быстрые и бесшумные, укутанные темнотой раннего утра. — Если представить, что он убил её в машине, он мог подвесить её в лесу...

Слоан продолжила с места, где я замолчала.

— ...подтолкнуть машину к краю леса, а остальное сделал бы наклон холма. Вопрос лишь в том, как ему удалось сделать так, чтобы тело не подпрыгивало во время спуска.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но кто-то другой сделал это за меня.

— Его утяжелили.

Мы со Слоан одновременно обернулись. К нам шагала агент Стерлинг, широкими шагами быстро сокращая разделяющее нас расстояние. Она сменила серый костюм на черный, а розовую рубашку на светло серебристо серую, идеально подходящую к цвету её глаз. Её волосы были заплетены во французскую косу, а лицо казалось напряженным, словно она так туго заплела волосы, что они стянули кожу вокруг её черепа.

Она остановилась в нескольких шагах от сооруженной Слоан сцены.

— Удивительное сходство, — сказала она, однако резкий тон её голоса указывал на то, что это вовсе не было комплиментом. — Каким источником информации ты пользовалась?

Не обращая внимания на сталь в голосе агента Стерлинг, Слоан ответила с улыбкой:

— В интернет слили видео снятое на телефон.

Агент Стерлинг закрыла глаза, слегка наклонила голову и тяжело вздохнула. Я почти слышала, как она мысленно считает до десяти. Открыв глаза, она взглянула на меня.

— И как же ты замешана во всем этом, Кассандра?

Я могла рассказать ей о том, что Слоан сконструировала копию совершенно одна, но я не хотела отдавать соседку по комнате на съедение волкам. Заслоняя Слоан от взгляда Стерлинг, я приняла её ярость на себя.

— Как я замешана? — повторила я, тоном, подходящим на тон Лии — или, возможно, Майкла. — Назовем это моральной поддержкой.

Стерлинг сжала губы и обернулась к Слоан.

— По какой именно причине ты решила отстроить сцену преступления? — спросила она, слегка смягчаясь.

Я пыталась взглядом сказать Слоан, чтобы она ни за что не рассказывала о том, что Дин сказал нам о его отце.

Слоан взглянула на меня и кивнула. Я слегка расслабилась, а затем Слоан обернулась к агенту Стерлинг.

— Дин сказал нам, что это дело очень сильно напоминает дело его отца, — как ни в чем не бывало, выпалила она.

Судя по всему, Слоан неправильно поняла значение моего взгляда и решила, что он значит полную противоположность тому, что я в действительности пыталась сказать.

— Значит, ты воссоздала место преступления, чтобы проверить, был ли Дин прав насчет схожести? — спросила агент Стерлинг.

— Я воссоздала сцену, чтобы Кэсси могла взглянуть на неё, — беспомощно ответила Слоан. — Она сказала, что Дину нужно побыть одному, вот мы и даем ему побыть одному.

— И это вы называете «побыть одному»? — спросила агент Стерлинг, указывая на машину. — Убить готова того, кто слил то видео. Дину не нужно было видеть этого. А знаете, что ещё ему ненужно? Чтобы кто-то воссоздавал сцену убийства в его подвале. Вы что, совсем ничему не научились за это лето?

Вопрос был явно адресован мне. В её голосе не было злости или обвинения. Он звучал скептически.

— Когда директор узнал о том, что Бриггс делал с Дином, как использовал его для раскрытия дел, Бриггса почти уволили. Его должны были уволить. Но каким-то образом, мой отец и Бриггс нашли компромисс. Бюро обеспечит Дина домом, телохранителем и тренировками, а Дин будет помогать им с «нераскрытыми» делами. Но не с «открытыми». Ваши жизни не должны были оказаться под ударом, — агент Стерлинг замолчала, в её глазах застыло что-то среднее между злостью и предательством. — Я не волновалась по этому поводу. До этого лета.

Этим летом нам позволили работать над раскрытым делом, потому что убийца был помешан на мне.

Слоан встала на мою защиту.

— Убийца связалась с Кэсси, а не наоборот.

Выражение лица Стерлинг смягчилось, стоило ей взглянуть на Слоан.

— Дело не в том, что случилось этим летом. Дело в том, что никто не давал вам разрешения работать над этим делом. Я хочу, чтобы вы дали слово, что вы двое оставите это дело в покое. Никакого моделирования, никакого профилирования и никакого хакерства.

— Никакого хакерства, — согласилась Слоан. Она протянула ладонь, чтобы пожать ей руку, и, прежде чем агент Стерлинг успела прокомментировать её выборочное слушанье, добавила. — Если бы всё население города Квантико пожало друг другу руки, существовало бы всего 157080 вероятных комбинаций рукопожатий.

Агент Стерлинг слегка усмехнулась и пожала руку Слоан.

— Никакого хакерства и никаких больше симуляций.

Слоан отдернула руку. Темные круги под глазами заставляли её выглядеть младше, хрупкой — а может непорочной.

— Я должна проводить симуляции. Это моя работа.

Как профайлер, агент Стерлинг должна была понять смысл слов Слоан — построение этой модели было единственным, что она могла сделать для Дина. Кроме того, это помогало ей справиться с собственными эмоциями. Это действительно было её работой.

— Не с этим делом, — повторила агент Стерлинг. Она обернулась от Слоан ко мне. — Никаких исключений. Никаких оправданий. Эта программа будет существовать только при условии выполнения правил, — агент Стерлинг явно считала себя главной. — Вы будете работать над «закрытыми» делами, но только после того, как мы с агентом Бриггсом одобрим их. Не можете следовать этим простым правилам, станете помехой. Вся эта программа станет помехой.

Агент Стерлинг встретилась со мной взглядом, и я поняла, что она хотела, чтобы эти слова звучали, словно угроза.

— Всё ясно?

Ясно мне было лишь одно — моё впечатление об этой женщине было абсолютно правильным. Для неё всё это было не просто работой. Это было чем-то личным.

Глава 12

— Если коротко, она угрожала закрыть нашу программу.

Майкл откинулся назад на стуле.

— Она профайлер. Она знает наверняка, какие угрозы действуют на людей. Она нашла твою слабость, Колорадо. Ты командный игрок, так что она угрожала не только тебе. Она угрожала нам всем.

Мы с Майклом сидели в гостиной. Днем ранее Слоан, Лия и Дин с легкостью сдали свои экзамены. Ни Майкл, ни я не делали этого, но каким-то образом бланки ответов, подписанные нашими именами, были сданы. Судя по всему, Лия находилась в великодушном расположении духа — но не настолько великодушном, чтобы убедиться, что ответы будут правильными. В результате, нам с Майклом было строго приказано учиться.

Мне всегда лучше удавалось следовать приказам, чем Майклу.

— Если бы тебе пришлось угрожать, — сказал он, в то время как на его лице мелькнула слабая усмешка, — как бы ты угрожала мне?

Я оторвалась от работы. Я проходила тест, выполненный за меня Лией, исправляя неправильные ответы.

— Ты хотел бы, чтобы я угрожала тебе?

— Я хочу знать, как именно ты бы угрожала мне, — поправил меня Майкл.

— Вполне очевидно, что я не смогла бы угрожать тебе закрытием программы. У меня не самые теплые отношения с ФБР.

Я повертела кончиком карандаша над тестом. Вызов Майкла был приятным отвлечением.

— Я начала бы с твоего Порше, — сказала я.

— Если я буду плохим мальчиком, ты заберешь у меня ключи? — Майкл глупо и, в тоже время, непристойно изогнул бровь.

— Нет, — даже не задумываясь, выпалила я. — Если бы ты плохо себя вел, я бы отдала твою машину Дину.

В комнате повисла оглушительная тишина, и Майкл прижал руку к сердцу, словно его подстрелили — этот жест был бы куда смешнее, не стреляй ему однажды в грудь.

— Ты сам напросился, — сказала я.

Майкл должен был знать, что не стоило бросать мне вызов, если он не хотел, чтобы я приняла его.

— Ты безнравственна, Кэсси Хоббс, — он явно был впечатлен.

Я пожала плечами.

— Между вами с Дином точится не то «псевдо-кровная-вражда», не то «псевдо-братское-соперничество». Ты бы скорее позволил мне поджечь твою машину, чем отдать её Дину. Идеальная угроза.

Майкл не спорил с моей логикой. Вместо этого, он покачал головой и улыбнулся.

— Тебе никогда не говорили, что в тебе есть что-то от садиста?

Я почувствовала, как воздух вырвался из моих легких. Он понятия не имел о том, как действовали на меня эти слова. Я вернулась к тесту, позволяя волосам упасть на мое лицо, но

было слишком поздно. Майкл успел заметить на моем лице проблеск ужаса — ненависти — страха и отвращения.

— Кэсси...

— Я в порядке.

Лок была садисткой. Часть удовольствия, которое она получала от убийств, заключалась в представлении той боли, через которую проходили её жертвы. Я не хотела причинять людям боль. Никогда. Будучи профайлером, я знала о слабостях людей наверняка. Две стороны одной монеты — знать, чего люди желают, но также знать и чего они боятся.

Майкл на самом деле не считал меня садисткой. Я знала это, как знал и он, что я никогда намеренно не причиню кому-то вреда. Но иногда осознавать, что ты можешь сделать что-то, было также ужасно, как и действительно делать это.

— Эй, — Майкл наклонил голову, чтобы лучше рассмотреть моё лицо. — Я просто пошутил. Не делай «грустное лицо Кэсси», ладно?

— Моё грустное лицо выглядит не так, — сказала я.

Когда-то давно я бы убрала волосы с лица и позволила бы ему коснуться моей щеки.

Но не теперь.

Негласные правила гласили о том, что выбор был за мной. Я чувствовала, как Майкл наблюдает за мной, ждет, что я заговорю. Он замер, глядя на меня вверх тормашками, его губы находилось всего в нескольких дюймах от моих.

— Я всегда узнаю «грустное лицо Кэсси», — сказал он. — Даже вверх тормашками.

Я отбросила волосы за плечи и отодвинулась от него. Было невозможно скрыть от Майкла мои чувства. Мне не стоило и пытаться.

— Вы с Лией снова разговариваете? — спросил он.

Я была благодарна за смену темы.

— Мы с Лией... Ну, чем бы мы с Лией обычно небыли. Не думаю, что она замышляет моё скорейшее убийство.

Майкл кивнул с умным видом.

— Значит, она не перережет тебе горло, как только узнает, что ты нарушила свой собственный священный приказ дать Дину побыть одному?

Я думала, что мой визит к Дину прошлой ночью прошел незамеченным. Судя по всему, я ошибалась.

— Я только хотела взглянуть, как он.

Я чувствовала, что должна объясниться, хоть Майкл и не просил объяснений.

— Я не хотела, чтобы он остался один.

Умение читать эмоции сделало Майкла спецом в их сокрытии, так что, стоило мне увидеть проблеск какого-то чувства в его глазах, я поняла, что он добровольно решил не скрывать этого от меня. Ему нравилось, что я заботилась о людях в этом доме. Он просто хотел, чтобы прошлую ночь я провела, заботясь вовсе не о Дине.

— И как же проходит семейная драма Господина Мыслителя? — Майкл мастерски сделал вид, что ответ на вопрос его вовсе не волнует. Возможно, ему удалось бы обмануть другого человека с талантом к чтению эмоций, но мои способности не ограничивались одной лишь позой, выражением лица или чувствами человека в определенный момент.

Поведение. Характер.

Окружение.

За сарказмом Майкл скрывал беспокойство об ответе на этот вопрос.

— Если хочешь узнать, как держится Дин, можешь просто спросить.

Майкл уклончиво пожал плечами. Он не собирался признавать, что о Дине волновались не только я, Лия и Слоан. Пожатие плечами было единственным проявлением заботы, которое я получила.

— Он не в порядке, — сказала я. — И не вернется в норму, пока Бриггс и Стерлинг не закроют это дело. Если бы они просто рассказали ему о том, что происходит, ему могло бы полегчать, но они не станут этого делать. Стерлинг не позволит.

Майкл искоса взглянул на меня.

— Тебе действительно не нравится агент Стерлинг.

Думаю, он не ожидал ответа на это заявление.

— Кэсси, тебе ведь все нравится. Я всего однажды видел, что тебе кто-то не угодил — когда Бриггс приказал агентам ходить за тобой по пятам. Но Стерлинг ты невзлюбила, стоило ей появиться здесь.

На это его заявление я также не собиралась отвечать, но Майклу и не нужно было, чтобы я произносила ответы вслух. Ему отлично удавалось разговаривать с самим собой, находя ответы на свои вопросы в языке моего тела и мелькающих на моем лице эмоциях.

— Ей не нравится наша программа, — сказала я, чтобы он прекратил глазеть на меня. — Мы ей не нравимся. А я — в особенности.

— Ты не нравишься ей не так сильно, как тебе кажется, — негромко сказал Майкл. Я обнаружила, что склонилась к нему, хотя я вовсе и не была уверена, что хочу услышать больше. — Агент Стерлинг не выносит меня, потому что я не выношу правил. Она боится смотреть на Дина дольше нескольких секунд, но не боится его самого. Ей нравится Лия, хотя Лия любит правила ничуть не больше меня. А Слоан напоминает ей о ком-то.

Разница между моим даром и даром Майкла была столь же очевидна, как и во время игры в покер. Он видел многое из того, что Стерлинг пыталась утаить. Но почему она скрывала всё это — это был вопрос ко мне.

— Как проходит учеба?

Я подняла взгляд на Джадда, застывшего в дверном проеме. Он был морским пехотинцем, а не нашей воспитательницей, так что услышать от него такой вопрос было до жути странно.

— Ещё и не начинали, — легкомысленно ответил Майкл, в тот самый миг, когда я выпалила:

— Почти закончили.

Джадд изогнул бровь, глядя на Майкла, но не стал развивать эту тему.

— Можешь дать нам минутку? — спросил он.

Майкл слегка наклонил голову, считывая выражение на лице Джадда.

— Разве у меня есть выбор?

Джадд почти улыбнулся.

— Нет.

В то время как Майкл направился к выходу, Джадд пересек разделяющее нас пространство и опустился на диван рядом со мной. Он наблюдал за тем, как Майкл вышел из комнаты. Что-то в его взгляде заставило меня подумать о том, что он глядел на хромоту Майкла.

— Знаешь, почему эта программа работает только над «закрытыми» делами? — спросил у меня Джадд, когда Майкл покинул комнату.

— Потому что Дину было всего двенадцать, когда программу открыли? — предположила я. — Или потому, что директор Стерлинг не хотел, чтобы кто-то узнал о её существовании? — эти ответы первыми приходили в голову. Молчание Джадда заставило меня озвучить ответ посложнее. — Потому что в «открытых» делах, — мягко сказала я, — всегда есть шанс, что кто-то пострадает.

— В «открытых» делах люди пересекают черту, — Джадд не спешил, произнося эти слова. — Там всё — экстренно, всё на границе жизни и смерти, — он потер большой палец. — В пылу битвы люди делают то, что должно быть сделано. Приносят жертвы.

Джадд был военным. Он использовал слово «битва» очень серьезно.

— Вы говорите не о том, что черту пересекаем мы, — сказала я, пытаюсь разобраться в том, что я слышала и в том, что я знала. — Вы говорите об ФБР.

— Может и так, — согласился Джадд.

Я попыталась разобраться в его логике. Читать записи допросов и показания свидетелей, рассматривать фото с места преступления — вот чем мы занимались. Какая разница, было ли всё это годовой давности или же совсем свежим?

Теоретически, риск был всё таким же — минимальным. Но с «открытыми» делами, ставки были куда выше.

Н.О., на которого охотились Стерлинг и Бриггс сейчас был на свободе. Возможно, он замыслил очередное убийство. Нам было несложно держаться подальше от места преступления в «закрытых» делах. Но, если на кону стояли жизни, наше появление там могло многое изменить...

— Это скользкая дорожка, — Джадд потер челюсть тыльной стороной руки. — Но я доверяю Бриггсу. В основном.

— Вы доверяете агенту Стерлинг, — сказала я. Он не отрицал этого. — А что насчет директора?

Глаза Джадда встретились с моими.

— А что насчет директора?

Именно директор поддался политическому давлению и сделал меня наживкой в деле Лок. Тогда я хотела помочь. И именно он позволил мне.

— Говорят, вы с Ронни поссорились, — сказал Джадд, закрывая тему. Он опустил руки на колени, оттолкнулся и встал. — Я думаю, тебе лучше держаться подальше от подвала, — он дал мне время на то, чтобы понять смысл его слов. — Всего на несколько недель.

Недель? Мне понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, что здесь происходило. Агент Стерлинг наябедничала на меня?

— Вы запрещаете мне находиться в подвале? — сердито сказала я.

— Ты ведь профайлер, — беззлобно сказал Джадд. — Тебе нет нужды спускаться туда. И, — добавил он мягким тоном, — тебе не стоит совать свой нос в это дело.

За все время, что я провела в этом доме, Джадд никогда не указывал нам на то, что мы должны были делать. Я буквально чувствовала причастие агента Стерлинг ко всей этой ситуации.

— Она хороший агент, Кэсси, — кажется, Джадд в точности знал, о чем я думала. — И если ты позволишь ей, он сможет многому тебя научить.

Лок учила меня.

— Агент Стерлинг не должна учить меня чему бы то ни было, — резко сказала я. — Если ей удастся поймать убийцу той девушки, мы будем в расчете.

Джадд взглянул на меня.

— Она хороший агент, — повторил он. — Как и Бриггс, — он направился к двери. Не оборачиваясь, он продолжил говорить, но так тихо, что я едва различила его слова.

Намного позже я задумалась над словами, которые я едва услышала. Он сказал, что Стерлинг хороший агент. Что Бриггс тоже хороший агент. А затем, словно не в силах остановиться или, не осознавая, что он произносит это вслух, он сказал ещё кое-что.

— Есть всего одно дело, которое они так и не смогли раскрыть.

Ты

Сначала чувство казалось прекрасным. Ты глядел, как жизнь покидает её глаза. Провел большим пальцем по окровавленному ножу. Ты стоял над ней, твоё сердце билось всё быстрее, выбивая чудесный ритм: Я сделал это. Я сделал это. Я сделал это.

Но теперь — теперь, в твой мозг прокрались сомнения. Ты чувствуешь, как они проскальзывают в твоё серое вещество, шепчут знакомым голосом.

— Ты был неаккуратен, — говорят они. — Кто-то мог заметить тебя.

Но не заметил. Никто не заметил тебя. Ты лучше этого. Ты с легкостью прошел тест. Ты связал её. Ты заклеил её. Ты резал её. Ты повесил её.

Ты сделал всё это. Ты закончил. Но этого было недостаточно.

Недостаточно хорошо.

Недостаточно сильно.

Недостаточно умно.

Достойно.

Если бы ты сделал всё правильно, ты бы всё ещё слышал её крики. Пресса дала бы тебе имя. В новостях говорили бы о тебе, а не о ней. Она была ничем. Никем. Ты сделал её особенной.

Но никто никогда не узнает о твоём существовании.

— Я сделаю это, — говоришь ты. — Я снова сделаю это.

Но голос говорит тебе подождать. Говорит быть терпеливым. Что будет, то будет — но в свое время.

Глава 13

Я проснулась посреди ночи в холодном поту. Я не помнила своего кошмара, но знала, что он мне снился. Моё сердце бешено стучало о ребра. В моей груди застыла тяжесть, и я не могла избавиться от чувства западни. Я отбросила одеяло.

Мои пальцы непроизвольно нащупали помаду «Красная Роза». На противоположной стороне комнаты Слоан пошевелилась в постели. Я задержала дыхание, выжидая — проснется ли она. Она не проснулась. Так тихо, как я только могла, я выскользнула из постели, а затем направилась прочь из нашей комнаты.

Мне нужно было пространство. Мне нужен был воздух. Мне нужно было вдохнуть.

В то время как я кралась вниз по ступенькам, в доме царила тишина. Я понятия не имела, куда направляюсь, пока не оказалась перед кухонной дверью.

— Я ведь сказал, что я в порядке.

Я резко замерла, когда тишину дома прорезали негромкие звуки спора по ту сторону двери.

— Ты не в порядке, Дин. Ты и не должен быть в порядке после такого. Даже я не в порядке.

Агент Стерлинг и Дин. Они спорят.

Я услышала, как ножки стула отодвигаясь, скрипнули на плитке. Я прислушалась к шагам, но они не приближались. Звук был такой, словно кто-то сердито отодвинулся от стола.

— Вы ушли.

— Дин...

— Вы ушли из ФБР. И, думаю, мы оба знаем, почему.

— Я ушла, потому что не могла выполнять свою работу, Дин. Я была зла. Я хотела доказать своё бесстрашие, но из-за этого погиб человек. Потому что я не смогла следовать правилам. Потому что Таннер не мог бросить дело.

Таннером звали Бриггса. Учитывая то, что агент Стерлинг называла его так в разговоре с Дином, я решила, что они действительно пережили многое вместе. Так не говорят с ребенком, с которым ты встречался лишь однажды, арестовывая его отца.

— Как звали девушку? — голос Дина был низким. Я с трудом разбирала его слова.

— Я не могу рассказать тебе этого, Дин.

— Как её звали?

— Тебе не позволено работать над «открытыми» делами. Забудь об этом.

— Скажите, как её звали. И я забуду.

— Не забудешь, — голос агента Стерлинг становилось всё сложнее разобрать. Я гадала, говорит ли она так мягко потому, что пытается не сорваться на крик.

— Однажды я дал вам обещание, — Дин контролировал свой голос — возможно, слишком сильно. — И я сдержал его. Скажите, как звали девушку, и я оставлю это дело в покое.

Мои пальцы впелись в тюбик помады в моей ладони. Бриггс позволил мне прочитать файл Лок. Я помнила имя каждой её жертвы.

— Разве недостаточно будет, если я поклянусь, что мы позаботимся об этом? — резко скала агент Стерлинг. — У нас есть пара крупных зацепок. Я не могу раскрывать подробностей, но, честное слово, мы кое-что нашли. Это лишь подражатель, Дин. Вот и всё. Дэниел Рэддинг в тюрьме. И останется там до конца своей несчастной жизни.

— Как её звали?

— Зачем тебе знать? — на этот раз голос агента Стерлинг повисился настолько, что я расслышала бы её, даже не стой я прямо за дверью. — Расскажи, и я отвечу на твой вопрос.

— Я должен.

— Плохой ответ, Дин.

Повисла тишина. Где-то с минуту никто из них не произнес ни слова. Звук моего собственного дыхания казался мне жутко громким. Я была уверена, что в любой миг один из них вылетит из кухни. Они заметят меня, подслушивающей разговор, намного более личный, чем всё когда-либо рассказанное мне Дином.

Но я не могла пошевелиться. Я не помнила, как.

— Её звали Глория, — голос принадлежал Дину, не Стерлинг, так что я не была уверена в том, кем именно была «она». — Он представил её мне. Заставил произнести моё имя. Он спросил, не хочет ли она стать моей мамой. Мне было девять. Я сказал, что не хочу новую маму. Он взглянул на Глорию и сказал «Какая жалость».

— Ты не знал, — голос Стерлинг вновь притих.

— А когда я узнал, чем он занимается, — ответил Дин, его голос балансировал на грани, — он не стал рассказывать мне их имен.

В комнате вновь повисла мучительная тишина. Грохот моего сердца заглушил звуки моего дыхания. Я бесшумно сделала крохотный шаг от двери.

Я не должна была здесь находиться. Я не должна была слышать этих слов.

Я обернулась, но даже стоя спиной к двери, расслышала ответ агента Стерлинг на вопрос Дина.

— Девушку звали Эмерсон Коул.

Вернувшись в кровать, я закрыла глаза и постаралась не думать о подслушанном мной разговоре. Слово вытолкнуло его из головы, тот факт, что я слишком уж долго подслушивала под дверью, станет не таким явным.

Ничего у меня не получилось.

Дин и агент Стерлинг не просто встречались прежде. Они знали друг друга. Они прошли через многое вместе. Прекрати думать об этом, — приказала я себе. Не делай этого. Но я не могла остановиться, как не смогла бы удержаться Слоан, завидев математическое уравнение.

Однажды Дин дал тебе обещание, агент Стерлинг, и каким бы оно ни было, он сдержал его, — единственным личным пространством, которое я могла пообещать Дину, была попытка пробраться в голову агента Стерлинг, вместо его собственной. — Тебе не нравится вспоминать о деле Дэниела Рэддинга. И ты заботишься о Дине. Майкл сказал, что ты боишься даже взглянуть на него, но ты совершенно точно не винишь Дина за злодеяния отца.

Очередная часть их разговора, наконец, прояснилась в моей голове.

Ты в курсе того, что Дин знал о делах его отца, не так ли? Ты знаешь, что Дэниел Рэддинг заставил сына смотреть.

Слова, которые Дин прошептал мне на ухо, тайна, которой, как я думала, он никогда и никому не раскрывал — она знала о ней. Почему-то, это лишь усилило мою неприязнь к агенту Стерлинг.

Ты считаешь, что можешь защитить его. Думаешь, если он не будет знать о происходящем, оно не сможет ранить его. Поэтому ты и не хотела называть имя Эмерсон.

Если агент Стерлинг так хорошо знала его, если она так заботилась о нем, как она могла не понимать, что незнание убивало его? Неважно, был ли убийца всего лишь подражателем. Раз уж Дин хотел узнать имя девушки, значит, он считал этого убийцу и его отца одним целым.

Он винил себя за смерть этой девушки, как винил себя за смерть каждой женщины, убитой его отцом.

Я сказал, что не хочу новую маму.

А Дэниел Рэддинг ответил: «Какая жалость».

Дин считал — а может, так считал и его отец — что одна из его жертв умерла потому, что не была подходящей заменой матери Дина.

Потому что Дин сказал, что не хочет её.

Куда подевалось моё решение профилировать Стерлинг вместо Дина?

Чвяк. Маленький, холодный предмет ударил меня по лицу. Всего на миг, я решила было, что это мне примерещилось, а затем — чвяк.

Я распахнула глаза и обернулась к двери, потирая влажную сторону лица. Не успели мои глаза привыкнуть к свету, как в меня в третий раз швырнули чем-то.

— Лия, — прошипела я, стараясь шептать, чтобы не разбудить Слоан. — Прекращай бросать в меня лед.

Лия забросила ледяной кубик себе в рот и повращала его языком. Не говоря ни слова, она потащила меня в коридор. Искренне веря, что она продолжит бросать в меня льдом, пока я не соглашусь, я вылезла из кровати и последовала за ней. Она закрыла за нами дверь спальни и затащила меня в ближайшую ванную. Закрыв дверь, она щелкнула выключателем, и я увидела, что кроме чаши со льдом, она держала в руках яркую мятно-зеленую футболку. Мой взгляд скользнул от одежды, зажатой в её руках к её наряду: черные кожаные штаны и серебристый топ с открытой спиной, держащийся на ней за счет цепочки, обвившей шею.

— Во что это ты вырядилась? — спросила я.

Лия ответила на мой вопрос приказом.

— Надевай.

Она протянула мне футболку. Я сделала шаг назад.

— Зачем?

— Затем, — сказала Лия, словно мы и не ссорились дважды за последние сорок восемь часов, — что ты не можешь пойти в Колониальный Университет в пижаме.

— Студенческая вечеринка, — произнесла я. Затем я осознала остальной смысл её фразы. Колониальный Университет. Место преступления.

— Это очень плохая идея, — сказала я Лие. — Джадд убьет нас. А агент Стерлинг буквально объявила нам войну, хоть мы со Слоан всего лишь построили в подвале макет места преступления.

— Это Слоан построила макет места преступления, — поправила меня Лия. — А ты только попала.

— Ты сумасшедший человек, — сказала я Лие, стараясь не повышать голоса. — Ты хочешь выскользнуть из дома, чтобы пойти на студенческую вечеринку в университете, который по совместительству является местом расследования ФБР. Бриггс убьет нас.

— Только если мы попадемся, — резко возразила Лия. — И, в отличие от некоторых рыжеволосых девушек находящихся в этой комнате, я умею не попадаться. Надевай платье, Кэсси.

— Какое платье?

Лия подняла повыше блестящую вещичку, которую я по ошибке приняла за футболку.

— Это платье.

— Нет мира, в котором эта штукавина достаточно длинная, чтобы называться платьем.

— Это платье. Говоря точнее, прямо сейчас — это твое платье, которое ты сейчас же наденешь, не пререкаясь, потому что мальчишки-студенты куда разговорчивее, если им показать ножки.

Я задохнулась и собралась было ответить Лие, но она сделала шаг вперед, врываясь в мое личное пространство и прижимая меня к стене.

— Ты — профайлер, — сказала она. — Вот и скажи мне, что почувствует Дин, если ФБР не справится с этим делом. А потом скажи, что ты на сто процентов уверена в том, что мы не найдем чего-то, что они могли упустить.

В ФБР работали профайлеры и следователи. Этих агентов обучали. У них был опыт. У них было множество всего, чего не было у нас — но ни у одного из них не было наших инстинктов. В этом ведь и заключался весь смысл программы. Причина, по которой Джадд боялся, что стоит ФБР начать использовать нас в работе над «открытыми» делами, они не смогут остановиться.

— Как считаешь, с кем не против поболтать студенты, — спросила Лия, — с агентами ФБР или с двумя развратно одетыми девочками-подростками, которые, возможно, не прочь поразвлечься?

Даже если забыть о наших способностях, Лия была права. Никто не заподозрит в нас часть расследования. Они могли рассказать нам о чем-то, чего не знали в ФБР.

— Если Стерлинг заявила, что может заставить директора закрыть это программу — она лгала. Я гарантирую, что это вне её власти. Максимум, она может отправить одного из нас домой, но я готова поспорить, что тебя не позволит отослать директор, потому что ты милая, блестящая

замена Дину, которому он никогда не доверял и которого он никогда не любил, — Лия сделала шаг назад, позволяя мне вздохнуть.

— Ты говорила, что тебе не плевать на Дина, — негромко сказала она. — Говорила, что хочешь помочь. Вот она, помощь. Я могла бы соврать тебе о многом, Кэсси, но не о помощи Дину. Я не поступила бы так ни ради тебя, ни ради Майклом или Слоан. Но ради Дина я готова шагнуть в пропасть и переспать с самим дьяволом, так что надень чертово платье или уйди с дороги.

Я надела платье.

— Ты уверена, что это не футболка? — уточнила я, оглядывая его подол.

Лия покрыла мое лицо толстым слоем тональной основы, а затем принялась наносить мне розовый блеск для губ и черную тушь.

— Это платье, — поклялась она.

В этот раз я как никогда хотела, чтобы Лия не была такой прекрасной лгуньей.

— Как мы вообще попадем на эту вечеринку? — спросила я.

Лия ухмыльнулась.

— По чистой случайности, я знаю парня с машиной.

Глава 14

Порше Майкла было отголоском его жизни до программы. Глядя на него за рулем, я могла с легкостью представить человека, которым он когда-то был — балованным парнем с трастовым фондом, переходящим из одной школы-интерната в другую, проводящим лето где-нибудь в Хэмптоне и время от времени летающим на Сен-Барталеми или Сент-Люсию.

Несложно было представить Майкла и меняющим девушек, как перчатки.

Лия устроилась на переднем сидении рядом с ним. Она откинулась назад, щекой касаясь кожаного сидения, в то время как ветер играл с её волосами. Она открыла окно и явно не собиралась его закрывать.

Время от времени она смотрела на Майкла. Жаль, что я не могла разгадать непроницаемое выражение её лица. О чем она думала? Что чувствовала, глядя на него?

Майкл не сводил глаз с дороги. Сколько бы я не пыталась не профилировать их, я не могла удержаться от мысли о том, что именно Лия попросила Майкла стать частью этой опрометчивой вылазки и о том, что он согласился помочь ей. Но почему?

Потому что он не упускал возможности найти проблем на свою задницу. *Потому что он был её должником. Потому что, как бы сильно Майкл не любил шпынять Дина, ему не нравилось наблюдать за его страданиями.* Ответы заполнили мой мозг, а Майкл поймал мой взгляд в зеркале заднего вида. Однажды он сказал мне, что когда я профилирую кого-то, то слегка морщусь.

— Нужно кое-куда заехать, — сказала Лия. Майкл взглянул на неё, и она указала нужное направление кончиком темно-фиолетового ногтя. — Припаркуйся у выхода, — она обернулась ко мне. — Наслаждаешься поездкой?

Она сидела на переднем сидении. Я — на заднем.

— Я делаю это не ради развлечения, — ответила я.

Она перевела взгляд с меня на Майкла, а затем назад.

— Нет, — согласилась она. — Ты делаешь это не ради развлечения. Ты делаешь это ради Дина.

Лия помедлила на имени Дина чуть дольше, чем следовало. Руки Майкла сжались на руле. Лия хотела, чтобы он знал, ради кого я делаю всё это. Хотела, чтобы он сосредоточился на этом.

— Заправка, — указала Лия, её волосы развивались на ветру. Майкл свернул и припарковался на стоянке. Лия улыбнулась. — Ждите здесь.

Это было так похоже на Лию — взбудоражить обстановку и сбежать. Не важно, как хорошо ему удавалось скрыть это — я знала, что прямо сейчас Майкл думал о том, почему я поступаю так ради Дина. Точно также и я гадала о том, что заставило его согласиться на предложение Лии.

— Пожалуйста, — сказала Лия, звуча до жути довольной собой. Проявив чудеса гибкости, она выскользнула из машины через окно, даже не открывая дверь.

— Это плохая идея, — сказала я, глядя на то, как Лия не спеша зашагала в направлении магазинчика.

— Почти наверняка, — согласился Майкл.

С заднего сидения я не видела его лица, но могла представить дьявольский блеск в его глазах.

— Мы сбежали из дома, чтобы пойти на студенческую вечеринку, — сказала я. — И я почти уверена, что это не платье.

Майкл обернулся, взглянул на меня и улыбнулся.

— Зеленый тебе к лицу.

Я не ответила.

— Теперь ты должна сказать, что дерьмо, в которое я вырядился, прекрасно подчеркивает мои глаза, — Майкл звучал так серьезно, что я не сдержала улыбки.

— Твое дерьмо голубое. А глаза у тебя карие.

Майкл наклонился ко мне.

— Ты ведь знаешь, что говорят о карих глазах?

Лия распахнула пассажирскую дверь и плюхнулась на своё сидение.

— Нет, Майкл. И что же говорят о карих глазах? — она ухмыльнулась.

— Ты купила что хотела? — спросил у неё Майкл.

Лия передала мне коричневый бумажный пакет. Я открыла его.

— Энергетик и стаканчики?

Лия пожала плечами.

— Если едешь в Рим, веди себя, как римлянин. Если идешь на студенческую вечеринку, пей подозрительный пунш из красных пластиковых стаканчиков.

Лия оказалась права насчет пунша. И насчет стаканчиков. В тускло освещенном общежитии было достаточно темно, чтобы никто не заметил, что содержимое наших стаканчиков немного другого оттенка красного.

— Что теперь? — спросила я у Лии, пытаясь перекричать оглушительную музыку.

Она начала двигать бедрами, а затем и верхней частью тела, показывая, как чудесно ей удавались восточные танцы. Она встретилась глазами с парнями на другом конце комнаты и подтолкнула Майкла к блондинке с обведенными красными тенями глазами.

— Дальше, — сказала она, — мы должны с кем-то подружиться.

Как-то раз пошли на вечеринку профайлер, парень, умеющий читать эмоции, и детектор лжи...

Часом позже Майкл вычислил в комнате людей, наиболее шокированных потрясшим кампус убийством. Мы нашли парочку студентов, опечаленных по другим причинам — безответная влюбленность и подлые соседи по комнате — но была здесь и особенная смесь горя, восторга и ужаса, которая интересовала Майкла.

К сожалению, большинству заинтересовавших нас ребят было нечего сказать. Лия перетанцевала с половиной парней в комнате и выслушала целую гору лжи. Майкл притворился полным сочувствия слушателем для женской половины студентов. Я бродила по углам, похлебывая мой поддельный пунш и оглядывая взглядом профайлера студентов до отказа заполнивших общежитие. Казалось бы, пришли абсолютно все студенты Колониального Университета — и, судя по степени их опьянения, пили они вовсе не энергетик.

— Так они скорбят.

Рядом со мной появился парень. Он был чуть ниже шесть футов и с ног до головы одет в черное. На его подбородке виднелся намек на бородку, а на лице красовались очки в пластиковой оправе, явно не прописанные врачом.

— Мы молоды. Мы не должны умирать. Напиваясь дешевым алкоголем, они пытаются сохранить иллюзию бессмертия.

— Никто не может запретить им попытаться, — ответила я, стараясь выглядеть заинтригованной — а не так, словно я размышляла о том, учится ли философии или введению в право. — Но ты не с ними?

— Я, скорее, реалист, — сказал парень. — Люди умирают. Молодые, красивые, люди, у которых ещё вся жизнь впереди. Единственное бессмертие — в наших поступках.

Он явно учится на факультете философии. В любой миг начнет цитировать кого-то.

— «Жить — значит страдать. И чтобы выжить, нужно найти какой-то смысл в страдании».

Вот и всё. Смысл в получении информации был не в том, чтобы парень болтал, а в том, чтобы он действительно рассказывал о чем-то.

— Ты знал её? — спросила я.

— Эмерсон Коул?

Этот парень не был одним из тех, кого выбрал Майкл, но ещё прежде, чем он успел заговорить, я знала, что ответом окажется «да». Он не оплакивал Эмерсон, но он знал её.

— Она училась в моём классе, — парень состроил серьезное выражение лица и прислонился к стене.

— И что за класс?

— Курс «Человек или Чудовище», — ответил парень. — Класс профессора Фогла. Я слушал его лекции в прошлом году. Теперь я аспирант. Знаешь, а ведь Фогл пишет книгу. Я помогаю ему в исследованиях.

Я попыталась встретиться взглядом с Лией на танцполе. Профессор Фогл был подозреваемым в деле об убийстве Эмерсон. Он вел курс о серийных убийцах. И, каким-то образом, меня нашел его ассистент.

Ему нравится преследовать людей, — думала я, наблюдая за тем, как Лия танцует пробирается между парнями, выискивая ложь. — *Но не когда преследуют его.*

— Вы были знакомы? — спросил парень, внезапно ударяя меня моим же оружием. — Эмерсон. Ты знала её?

— Нет, — ответила я, стараясь не думать о том, какой ценой Дину удалось выведать её имя. — Думаю, можно сказать, что она была подружкой моего друга.

— Ты лжешь, — парень потянулся ко мне и вытянул из-за моего уха прядь прямых волос. Потребовалось всё моё терпение, чтобы одолеть желание заправить её назад. — Поверь, я считаю себя очень проницательным человеком.

Ты считаешь себя лучшим во всем, — подумала я.

— Ты прав, — сказала я, прекрасно понимая, что это, скорее всего, его любимые слова. — Я здесь даже не учусь.

— Ты увидела историю в новостях, — сказал парень, — и решила прийти поглазеть.

— Вроде того, — я мысленно пробежалась по всему, что я знала о нем и остановилась на его мнимой эрудиции. — Я слышала о том, что полиция интересуется профессором из-за этого его курса. Твоего курса.

Парень пожал плечами.

— Одна из лекций была особенно...

Я сделала шаг назад, и глаза парня замерли на моих ногах. Выбранный Лией наряд явно не оставлял много для фантазии. За спиной парня я заметила Майкла, указавшего на него и удивленно поднявшего бровь. Мне не пришлось даже кивать, чтобы показать, что нашла важную зацепку. Майкл прочитал ответ на моем лице.

— Я мог бы показать тебе эту самую лекцию, — парень поднял взгляд от моих ног к моему лицу. — В моем ноутбуке хранятся все слайды профессора Фогла. А ещё, — добавил он, — у меня есть ключ от аудитории, — парень показал мне вышеупомянутый ключ. — Это почти то же самое, что и побывать на уроке. Разве что ты захочешь остаться и утопить свою печаль в выпивке вместе с остальными.

Я встретилась глазами с Майклом.

Иди за мной, — подумала я, надеясь, что он прочтет мои намерения в выражении моего лица. Эта зацепка была слишком хороша, чтобы упустить её.

Глава 15

— Садись. Я включу свет, — парня звали Джеффри. С двумя «ф». Именно так он представился мне, по пути в аудиторию — не дай бог я случайно приняла бы его за Джеффри всего с одной «ф».

Я не собиралась поворачиваться спиной к парню, утащившему меня со студенческой вечеринки, так что, пока Джеффри с двумя «ф» включал свет, я стояла, прислонившись спиной к стене. Свет вспыхнул над нашими головами, заливая аудиторию светом. Сотни старомодных деревянных парт были выстроены в идеальные ряды. В передней части комнаты находилась небольшая сцена. Джеффри шагнул между рядами.

— Боишься? — спросил он у меня. — Криминология — предмет не для всех, — большинство людей замолчали бы на этих словах, но не Джеффри. — Я учусь введению в право.

— А философией не занимаешься? — я не удержалась от вопроса.

— Вторая специальность, — не сводя с меня глаз, Джеффри залез на сцену и подключил ноутбук к проектору.

Кто вообще приносит ноутбук на вечеринку?

Я сама ответила на свой вопрос: человек, с самого начала запланировавший притащить сюда девушку ради шоу. Я села, всё ещё начеку, но волновалась я уже не так сильно. Джеффри не был нашим Н.О.. Он был такого высокого мнения о себе, что не нуждался в самоутверждении путем убийства.

Хотя, в Лок я тоже не распознала этой нужды.

— Надеюсь, мы не опоздали, — голос Майкла эхом разнесся по аудитории. Он пошел за мной. Это хорошо.

Джеффри нахмурился. Я обернулась и увидела, что Майкл пришел не один. С ним была девушка: красивая блондинка, соблазнительная и в хипстерских очках.

— Джеффри.

— Брайс.

Было ясно как божий день, что Джеффри с двумя «ф» и Девушка-Хипстер знали друг друга. Джеффри вздохнул.

— Вероника, это Брайс. Брайс, это Вероника.

Майкл не только последовал за нами, но привел с собой подмогу. Подмогу, которая знала Джеффри — и, если я не ошибалась, не очень-то любила его. Наверное, Майкл выловил её из толпы, стоило ему увидеть, что мы с Джеффри уходим.

— Приятно познакомится, — сказала я Брайс.

Она обвила рукой талию Майкла. Видеть, как она прикасается к нему, было в сотню раз хуже, чем видеть Майкла с Лией.

Лия хотя бы была одной из нас.

— Джефф, — сказала Брайс, смакуя присутствие Майкла и сокращая имя Джеффри, чтобы рассердить его, — это Таннер. Мы пришли посмотреть шоу.

Я встречаюсь глазами с Майклом, едва сдерживая смех. Я выбрала в качестве псевдонима имя агента Стерлинг, а он — агента Бриггса.

— Вас не приглашали, — ровным голосом произнес Джеффри.

Брайс пожалла плечами и скользнула на стул через проход от меня.

— Что-то я сомневаюсь, что ты хочешь, чтобы профессор Фогл узнал о том, что ты устраивал здесь шоу, — сказала она так, что у меня почти не осталось сомнений — когда-то она была на моем месте и смотрела маленькое шоу Джеффри.

— Прекрасно, — сдался Джеффри. Он обернулся ко мне. — Брайс в моем классе, — объяснил он. Затем он добавил, обращаясь к Майклу: — Я ассистент учителя.

Майкл ухмыльнулся.

— Мило.

— Ага, — коротко ответил Джеффри. — Мило.

— Это я о твоей бородке.

Майкл как ни в чем не бывало играл волосами Брайс. Я стрельнула в него взглядом.

Джефф мог пригодиться нам, но только не в том случае, если Майкл выбесит его настолько, чтобы его выперли отсюда.

Напряженный момент остался позади и Джеффри видимо решил игнорировать Майкла и Брайса и заняться шоу.

— Добро пожаловать на курс психологии 315: «Чудовище или Человек: Психология серийного убийства».

Голос Джеффри пронесся по аудитории, и я почти услышала мужчину, которому он подражал. Выражение лица Джеффри изменилось, стоило ему начать ходить по сцене и переключать слайды.

Тело.

За телом.

За ним ещё одно тело.

Фотографии по очереди мелькали на экране.

— Люди определяют человечество его достижениями — Матерями Терезами, Эйнштейнами и среднестатистическими людьми, оказывающимися героями. Когда случается трагедия, когда кто-то совершает ужасные поступки, которые мы даже не можем осознать, мы притворяемся, что этот «кто-то» — не человек. Как будто между нами и ними нет связи, будто среднестатистический человек не может оказаться злодеем. Поэтому мы не можем отвести взгляда от крушения поезда, поэтому смотрим новости, когда показывают тела, поэтому ужаснейшие серийные убийцы на свете получают несколько тысяч писем в день.

Джеффри читал текст. Пусть он и был хорошим рассказчиком, но написал эту речь вовсе не он. Слушая, как Джеффри повторяет его слова, я могла сказать наверняка, что профессор Фогл был необычным человеком. Судя по размеру аудитории, его курс был довольно популярен. Он был рассказчиком. Он был в восторге от предмета обсуждения — и был уверен, что это восхищение разделяло с ним всё человечество.

— Философ Фридрих Ницше говорил, что каждый, кто сражается с чудовищами, должен бороться ещё и с желанием стать одним из них. «Если долго всматриваться в бездну, бездна начнет всматриваться в тебя», — Джеффри остановился на слайде с множеством фотографий — не тел, но людей. Я узнала некоторых из них — их лица украшали стены нашего дома, улыбаясь нам из рамок, вечным напоминанием того, что любой может оказаться одним из монстров, на которых мы охотимся. Сосед. Отец. Друг.

Тетя.

— Чарльз Мэнсон. Джон Уэйн Гейси. Сын Сэма, — Джеффри сделал эффектную паузу. — Тед Банди. Джеффри Дамер. Эти имена что-то значат для нас. В этом семестре, мы поговорим о каждом вышеперечисленном, но начнем с кое-кого поближе к дому.

Все фотографии исчезли, а на их месте появился снимок темноволосого мужчины с такими же темными глазами. Он выглядел нормальным. Самым обычным. Безвредным.

— Дэниел Рэддинг, — произнес Джеффри. Я уставилась на фотографию, выискивая схожесть с парнем, которого я знала. — Я изучал дело Рэддинга на протяжении четырех лет, — продолжил Джефф.

Я расслышала, как Брайс громко прошептала Майклу:

— Под «я» он подразумевает профессора.

Джеффри с двумя «ф» проигнорировал её.

— После того, как за несколько дней до его двадцать девятого дня рождения, его бросила собственная жена, он совершил не менее дюжины убийств. Тела были найдены на его ферме после трехдневных раскопок, последовавших за его арестом. Ещё три жертвы, подходящие под его почерк, были найдены за пределами штата.

На экране появилось фото места преступления. Женщина, умершая уже довольно давно, была подвешена на вентилятор на потолке. Её ноги были связаны. Пол под ней был пропитан кровью. Её кофточка была разорвана, а под ней виднелись порезы — кое-где длинные и глубокие, а в других местах — неглубокие или короткие. Но мой взгляд был прикован к ожогу на её плече, немного ниже ключицы.

В этом месте кожа была ярко-красной, покрывшейся волдырями, с выжженной на ней буквой «Р».

Вот, что отец Дина делал с теми женщинами. Вот, на что он заставлял смотреть Дина.

— Свяжи их. Заклейми их. Режь их. Повесь их, — Джеффри одна за другой показывал нам множество увеличенных фотографий женских тел. — Таким был «модус операнди» Рэддинга, его почерк.

Услышав, как Джеффри произносит термин, я захотела врезать ему. Он не знал, о чем говорил. Всё это было для него лишь фотографиями.

Он не знал, каково узнать, что пропал твой любимый, каково забраться в голову убийцы. Он был всего лишь маленьким мальчиком, играющим в игры, которых не понимал.

— По стечению обстоятельств, — вмешалась Брайс, — именно так называется книга профессора Фогла.

— Он пишет книгу? — спросила я.

— О деле Дэниела Рэддинга, — ответил Джеффри. Он явно не хотел, чтобы кто-то другой стал центром внимания. — Теперь вы знаете, почему его подозревают в убийстве Эмерсон. Её ведь тоже заклеили.

— Значит, вы были в одном классе. Ты знал её, — мой голос звучал ровно, — тот факт, что Джеффри с такой обыденностью рассуждал об убийстве его знакомой, заставил меня переосмыслить мой первоначальный анализ — может он и был способен на убийство.

Глаза Джеффри встретились с моими.

— Каждый скорбит по-своему, — сказал он. Мне показалось, что на его губах промелькнула едва заметная улыбка.

— Она была в моей группе, — высказалась Брайс. — Для проекта по случаю окончания семестра. Профессор разделил нас на группы. Эмерсон была... милой. Даже веселой. Ну, кто вообще остается веселым на лекциях о серийных убийцах? А вот Эмерсон осталась. Один парень из нашей группы, вы, должно быть, видели его — он прямо колобок. Стоило кому-то заговорить с ним, как он сворачивался в метафорический шарик. Но Эмерсон по-настоящему разговаривала с ним. А Дерек — другой парень из нашей группы — считал себя самым крутым. Ну, знаете, несносный парень, решивший, что, раз он не может понять, кто здесь самый классный, значит это он сам. Такой вот Дерек, но Эмерсон удавалось заставить его заткнуться, просто улыбнувшись.

Брайс не удавалось подражать отстраненному тону Джеффри. Она скорбела о случившемся с Эмерсон. Всё это было для неё не просто показухой. Она уткнулась в Майкла.

— Эмерсон не пришла на экзамен, — Джеффри закрыл ноутбук. — Профессор Фогл не явился из-за болезни. Утром я распечатал тестовые задания, для каждого студента. Не пришла только Эмерсон. Я думал, она... — Джефф запнулся. — Забудьте.

— Ты думал, она что? — спросил Майкл.

Джеффри нахмурился.

— Какая разница?

Разница была и ещё какая, но прежде чем я успела заговорить об этом, зазвонил телефон Майкла.

Он вытащил его, прочитал сообщение, а затем встал.

— Прости, Брайс, — сказал он. — Мне нужно идти.

Брайс пожала плечами. Она явно не собиралась сохнуть по нему в ближайшее время. Майкл направился к двери, встречаясь со мной взглядом. «Лия» — сказал он одними губами.

— Думаю, я тоже должна идти, — сказала я. — Это было очень... напряженно.

— Ты уходишь? — Джеффри звучал искренне удивленным. Судя по всему, он был уверен в том, что я у него в кармане. Мертвая девушка. Жутковатая лекция. Чувственные глаза. Он явно считал, что я попала на крючок.

— Знаешь что, — сказала я, поборов желание закатить глаза, — почему бы тебе не оставить мне свой номер?

Глава 16

Сообщение Лии привело нас вовсе не на вечеринку. Судя по всему, в отличие от меня, она вовсе не осторожничала, покидая её вслед за своей «добычей».

— Что именно написала Лия? — спросила я.

Майкл протянул мне телефон. На экране красовалась странная фотография Лии с двумя парнями из колледжа: один из них был высоким, другой — полным, и оба были слегка не в фокусе.

— «У нас здесь захватывающий разговор», — прочитала я. — «Холл Герона, крыша», — я сделала паузу. — Что она делает на крыше какого-то непонятного здания?

— Допрашивает подозреваемых, которые не знают, что их допрашивают? — с надрывом в голосе предположил Майкл.

— Может, парни с фотографии и не подозреваемые? — мне очень хотелось верить в то, что Лия не ушла бы одна с кем-то, по её мнению, способным на убийство. — Может, это просто друзья Эмерсон.

— Она прислала фотографию, — категорично отрезал Майкл.

На случай, если с ней что-то случится, — мысленно закончила за него я. — *Лия прислала нам фотографию парней, с которыми разговаривала, на тот случай, если к моменту, когда мы доберемся до той крыши, её там уже не будет.*

Нам не стоило оставлять её на вечеринке одну. Я так заиклилась на получении информации от Джеффри, что даже не сказала Лие, что уйду. Конечно, Лия делала вид, что может сама позаботиться о себе, но ведь Лия умела чудесно делать вид, что способна на что угодно.

Дин не оставил бы её, — думала я, не в силах остановиться. — *Именно поэтому он тот, ради кого она прошла бы через огонь и воду, а не мы с Майклом.*

Я зашагала быстрее.

— Она будет смеяться с нас, когда узнает, что мы волновались, — сказал Майкл, скорее себе, чем мне. — Или воспримет это, как оскорбление.

Он ускорил шаг.

С каждым новым шагом, я представляла, что может пойти не так. Лия была одной из нас. Она будет в порядке. *Прошу, будь в порядке.*

Наконец, мы добрались до Холла Герона. Он оказался подходящим на башню зданием в готическом стиле, закрытым и запертым на ночь.

«НЕЗАКОННО ПРОНИКНОВЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ЗАПРЕЩЕНО».

Майкл даже не остановился у таблички.

— Хочешь первой незаконно проникнуть на территорию или окажешь мне эту честь?

Я услышала смех Лии прежде, чем увидела её. Звук был светлый и напоминал звон колокольчиков — музыкальный и восхитительный — и, почти наверняка, он был фальшивым.

В шаге впереди меня, Майкл распахнул дверь на крышу.

— После тебя, — сказал он. Мышцы моего живота напряглись, когда я сделала шаг вперед, в лунную ночь.

Глазами я искала Лию. Стоило мне понять, что она в порядке, как я поняла, что её любовь к эстетике явно повлияла на выбор места свидания. Не просто башня, не просто запертая башня, но крыша запертой башни. Отсюда открывался чудесный вид на растянувшийся внизу кампус, россыпь огней в темноте.

На другой стороне крыши, нас заметила Лия. С ней было ещё двое людей — оба парни.

— Вы сделали это, — сказала она, шагая в нашу сторону и покачиваясь — да так, что я разволновалась бы, даже находись мы на земле.

— Не волнуйся, — прошептала Лия, обвивая меня руками, словно самая счастливая пьяница из всех. — Я в порядке. Не пила ничего кроме энергетика. И если кто-то спросит, меня зовут Сейди.

Лия обернулась к мальчикам. Я зашагала за ней, стараясь не думать о том, что Сейди — настоящее имя Лии.

Никто не знал, почему она сменила его.

Только Лия могла использовать имя, с которым родилась, в качестве фальшивки.

— Дерек, Кларк, это... — Лия икнула, и Майкл уловил в этом намек.

— Таннер, — сказал он, протягивая руку для рукопожатия. — А это Вероника.

Парень слева был высоким и старомодным, с волосами, словно у политика и классически прекрасными чертами лица. Кажется, он был спортсменом.

— Я — Дерек, — сказал он, пожимая мне руку.

Точно спортсмен, — подумала я.

Дерек ткнул локтем парня справа, достаточно сильно, чтобы тот пошатнулся. Стоило ему найти равновесие, как и он протянул руку для рукопожатия.

— Кларк, — пробормотал он.

— Ты говоришь, как утка, — сказал ему Дерек. — Кларк-кларк-кларк.

Я проигнорировала Дерек и сосредоточилась на Кларке. Его рукопожатие оказалось на удивление крепким, хоть его ладони и были мягкими.

На самом деле, «мягкий» было лучшим прилагательным для его описания. Он был невысоким и полным, и выглядел так, словно его слепили из глины, которая так и не застыла. Его кожа была прыщавой, а взглядом он встретился со мной только через несколько секунд.

Вдруг, в моей голове что-то щелкнуло.

— Дерек, — сказала я, — и Кларк.

Разве Брайс не говорила, что одним из парней, работавших в группе Эмерсон, звали Дерек? А второй напоминал ей колобка...

Как Лие удалось найти их? Она хитро взглянула на меня, и я поняла, что всё это время я недооценивала её. А мне не стоило — раз уж всё это она делала ради Дина.

— Великолепная дедукция, — сказал мне Дерек, улыбаясь так, словно он тренировался перед зеркалом. — Звоните в «Менса», — продолжил он. — Эта девушка гений!

Снисходительность в его голосе дала мне понять, что, по его мнению, я не замечу в его словах унижения. Я внезапно поняла, почему Брайс описала его, как «якобы крутого парня». Он почти наверняка родился в богатой семье — я бы сказала, успешных адвокатов, учившихся в Лиге плюща. Ему нравился звук собственного голоса, даже больше, чем Джеффри. Он явно был из тех, кто устроит спор, просто чтобы доказать, что он круче. И, скорее всего, он отбеливает зубы.

— Кларк и Дерек знали ту девушку, — неразборчиво сказала Лия. — Я встретила Дерек на вечеринке. Он позвонил Кларку. Я попросила его позвонить.

Она уткнулась в грудь Дерек и прикоснулась к щеке Кларка. Тот покраснел, словно помидор.

Дерек кивнул мне, словно, раз уж Лия прижалась к его груди, я тоже должна была оказаться там.

Я больше никогда не одену это платье.

— Какую девушку? — спросила я.

— Ту, что убили, — ответил Дерек. — Эмми.

— Эмерсон, — пробормотал Кларк.

— Что ты сказал, Кларк? — спросил Дерек, усмехаясь, словно проблемы Кларка с речью были невероятно смешной шуткой.

— Её звали Эмерсон, — сказал Кларк, краснея даже сильнее, чем после прикосновения Лии.

— Я так и сказал, — Дерек поднял ладонь в жесте, скорее всего, означавшем «Что не так с этим парнем?» или «Ну что тут поделаешь?».

В ответ Кларк пробормотал что-то неразборчивое.

Дерек проигнорировал его.

— Она училась в нашем классе, — сказал мне Дерек.

— Кажется, я сегодня встретила ассистента вашего учителя, — я оценила их реакцию. Дерек словно околел. Кларк и вовсе не пошевелился. Я почти чувствовала, как рядом со мной Майкл впитывал каждую деталь происходящего.

— Этот парень — машина, — ответил Дерек.

Если честно, я не считала, что Дерек имел право забрасывать его камнями.

— Джеффри, кажется, увлечен смертью, — сказала я. — Ну, на самом деле увлечен. Он говорил об Эмерсон так, словно его смерть её совсем не заботила.

Соглашаться с Дерек — это как швырять воду в пожар. Всё стало только хуже.

— Аспирант Джефф думает, что хмурые брови и черный костюм сделают из него интеллигента. Готов поспорить, он сказал, что знал Эмерсон.

Я кивнула, гадая, к чему он ведет.

— Он не знал её, — сказал Дерек. — Он просто сидит в классе и выставляет оценки. Вот мы с Кларком знали её, — он отклонился назад. — И та высокомерная блондинка из нашей группы знала её. Эй, даже Фогл знал её. Но аспирант Джефф просто несет чушь.

— Что значит «Фогл знал её»? — спросил Майкл. — Разве это не огромный класс?

Дерек перевел внимание на Майкла. Чтобы он в нем не увидел, ему это понравилось. Учитывая прошлое Майкла, он наверняка когда-то знал дюжину Дерексов.

— Когда я сказал, что профессор знал Эмми, я имел в виду, что они действительно были знакомы, — сказал Дерек. — Довольно близко.

Я взглянула на Лию. Она слегка кивнула — Дерек не врал. Рядом с ней, Кларк снова покраснел.

— У умершей девушки были отношения с учителем, — произнес Майкл. — За такое его могли уволить.

— Без шуток. Подозреваемый? — усмехнулся Дерек. — Готов поспорить, он сделал это, — Дерек едва слышно рассмеялся. — Сначала переспал с ней, а затем убил.

— Заткнись, — слова вырвались изо рта Кларка, его рук сжались в кулаки. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — он вдохнул воздух так жадно, словно только что пробежал марафон. — Она не была... она не была такой.

— Ничего себе, приятель, — на этот раз Дерек поднял обе ладони. Я не стала мысленно переводить этот его жест. — Остынь. Я понял. О мертвом или хорошо, или ничего, — он обернулся к нам, просвещая нас своей мудростью. — Готов поспорить, стоит полиции найти Фогла, нашему классу понадобится новый учитель. Он виновен, — Дерек побледнел. — Надеюсь, они не отдадут класс аспиранту Джеффу.

Кларк снова громко вдохнул. Лия встретилась со мной взглядом, а затем взглянула на Майкла. Мы получили то, за чем пришли — и даже больше.

Глава 17

Поездка домой оказалась тихой. Лия сидела сзади, вытянув ноги на сидениях. Майкл ехал, не превышая скорости. Я глядела из окна в темноту.

— На самом деле, всё прошло лучше, чем я ожидала, — наконец произнесла Лия. — Если нам удастся проскользнуть домой, не попавшись, я даже назову это победой.

— Я думала, ты никогда не попадаешься, — сказала ей я, отрывая взгляд от окна и оборачиваясь, чтобы взглянуть на неё.

Лия внимательно рассматривала свои ногти.

— Мы живем в одном доме с отлично тренированным агентом ФБР и бывшим военным снайпером. Я незаметная, но не волшебница. Назовем это приемлемым риском.

Когда она вовлекла меня во всё это, говорила она совсем иначе.

— Ты сожалешь, что поехала? — Лия внимательно взглянула на меня. — Даже не так: будь у нас возможность, ты бы сделала это снова?

Я не могла сожалеть о том, что согласилась на это. Мы узнали слишком много.

— Что ты думаешь об аспиранте? — спросила я у Майкла.

— Да, — сказала Лия, зевая и прикрывая рот ладонью. — Скажи ей, Майкл. Что ты думаешь об аспиранте, который оказался достаточно весомой зацепкой, чтобы Кэсси ушла с ним с вечеринки, а вслед за ней и ты?

Лия впервые упомянула тот факт, что мы бросили её. Она произнесла это так, словно это вовсе не заботило её.

— Парень смотрел на Кэсси, как на образец под микроскопом, — Майкл взглянул на Лию в зеркало заднего вида. — Ты, правда, считаешь, что я должен был позволить ему увести её?

— Я удивлена, вот и всё, — Лия пожала плечами. — В прошлый раз, когда ты пошел за Кэсси, ничем хорошим это не кончилось.

В последний раз, когда Майкл пошел за мной, его подстрелили.

Я заслужила это. За то, что оставила её на вечеринке, за то, что даже не задумалась об этом, я заслужила каждую словесную подколку, которой она награждала меня.

— Мы не должны были бросать тебя там, — сказала я.

— Пожалуйста, — Лия закрыла глаза, словно весь разговор ей жутко наскучил. — Я могу о себе позаботиться, Кэсси. Я видела, что ты уходишь. Я могла пойти с тобой. Но решила не делать этого. И если бы Майкл потрудились спросить, я бы сказала ему идти за тобой.

— Я сказал тебе оставаться на вечеринке, — пробормотал Майкл.

— Прости, что? — парировала Лия. — Что ты сказал?

— Я написал тебе сообщение, когда ушел. Ты должна была оставаться на вечеринке! — Майкл ударил ладонью по рулю, и я подпрыгнула. — Но нет, ты ушла даже не с одним, а с двумя незнакомыми...

— Свидетелями? — закончила за него Лия. — Поверь, я могла бы справиться с ними. С Дерекками и Кларками я могла бы разобраться даже во сне.

Я услышала в этих словах куда больше, чем услышала бы в них несколько недель назад. Лия была уверена, что справится с Дерекками и Кларками, вероятно потому, что ей приходилось справляться и с куда, куда худшими людьми.

— А теперь, Майкл, милый, — продолжила Лия, — сосредоточься. Аспирант Кэсси. Что ты думаешь о нём?

Майкл заскрипел зубами, но ответил:

— Он не слишком обрадовался, когда появился я. А ещё меньше ему нравилось видеть меня с Брайс. Когда он увидел её, на его лице мелькнула вина, а затем собственничество, снисхождение и удовольствие.

Я мысленно поблагодарила небеса за то, что Майкл был сосредоточен на реакции Джеффри на них с Брайс, а не на моей.

— Джеффри считает себя выше всех, — я заставила себя сосредоточиться. — Ему нравится быть главным в классе, — я сделала паузу, стараясь разобраться в моих впечатлениях о Джеффри. — Он выбрал меня, потому что я выгляжу молодо. Он ждал, что я буду жадно ловить каждое слово его лекции, буду немного побаиваться его, но увлекусь тем, чему он может научить меня.

— Лидер в поисках последователей? — сказала Лия. — Тогда кто же профессор?

— Если бы у меня спросили, — сказала я ей, задумчиво барабанив пальцами по сидению. — Я бы сказала, что профессор Фогл — человек притягательный. Джеффри читал слайды с его лекций. Профессор — актер. И если Дерек не врал об их отношениях с Эмерсон...

— Он говорил правду, — подтвердила Лия.

— ...доброму профессору нравятся девочки-подростки, — я обдумала эту мысль. — Поэтому он и стал учителем. Всё это — в названии курса. Люди важнее жизни. Они — легенды. Они — крушение поезда, от которого нам не оторвать взгляда, нечто запретное, опасное.

Майкл выслушал моё мнение.

— Мне нужно увидеть человека, чтобы сказать о нем что-нибудь, — сказал он.

Ещё одно различие между нашими способностями. Майкл читал людей. Я же читала личности и поведение — и для этого я не всегда нуждалась в их присутствии.

— Но я могу сказать, что аспирант Джефф слишком уж наслаждался разговорами о почерке убийцы, — продолжил Майкл. — Он хотел увидеть ужас на лице Кэсси, а когда с этим ничего не вышло, перевел тему на Эмерсон.

— И что же он сказал об Эмерсон? — спросила Лия.

— Никакой вины, — рассказал Майкл. — Никакой печали. Крошечный проблеск страха. Удовлетворение. И верность.

— Верность? — переспросила я. — Кому?

— Жутко не хочется признавать это, — со вздохом сказала Лия, — но Дерек может оказаться прав. Может убийца — профессор. За всё то время, что я провела с Божиим Даром Планете и Краснеющим Чудом, я заметила только одну интересную ложь.

— Дерек? — предположила я.

— Кларк, — в голосе Майкла не было вопроса. — Когда он говорил об Эмерсон.

— Очко в копилку читателя эмоций, — Лия растягивала слова. Их способности переплетались намного больше, чем любая из них переплеталась с моей. — Когда Кларк сказал, что Эмерсон «не такая», он лгал, — Лия накрутила хвостик на указательный палец. — Кажется, Кларк знал, что она занималась горизонтальным мамбо с жутким профессором.

Я обернулась к Майклу.

— Что ты увидел?

— В Кларке? — Майкл свернул с шоссе. Скоро мы будем дома. — Я увидел желание. И страх быть отверженным, — он взглянул на меня. — Ярость.

Не просто злость, но ярость. Может он сердился на Дерека, за жестокие слова о небезразличной ему девушке? Или на нас, за расспросы? А может на профессора? На Эмерсон?

— Итак, что мы будем делать теперь? — спросила я. — Если нас, конечно, не поймают, как только мы попадем домой.

— Мы должны разузнать, знают ли в ФБР об отношениях Эмерсон с профессором, — Лия перебросила волосы через плечо. — Если нет, то мы должны придумать, как рассказать им об этом.

— Что насчет Дина? — спросила я.

— Мы не расскажем Дину, — голос Лии был тихим, но её слова прорезали воздух, словно хлыст. — Ему нужно, чтобы дело раскрыли. Ему не нужно знать о том, что мы сделаем, чтобы это произошло.

Дин не понял бы, почему мы пошли на всё это ради него, потому что, в глубине души, он верил, что не достоин спасения. Он закрыл бы любого из нас собой от пули, но не хотел, чтобы мы рисковали чем-либо ради него.

Большинство людей возводят стены, чтобы защититься. Дин же делал это, чтобы защитить всех остальных.

В кои-то веки мы с Лией достигли согласия:

— Мы не расскажем Дину.

Глава 18

«Нездоровое поведение, криминальные умы: вступление в криминальную психологию, восьмое издание».

Лишь наполовину проснувшись, я перевела сонный взгляд с учебника, лежащего на кухонном столе, на Дина, а затем назад.

— Серьезно? — сказала я. — Агент Стерлинг хочет, чтобы мы читали учебник для новичков?

После ночи, которую мы провели с Лией и Майклом, моя голова пульсировала, а тело жаждало вернуться в постель.

Дин пожал плечами.

— Нам задали главы с первой по четвертую, — он замолчал, его взгляд впился в меня. — Ты в порядке?

Нет, — подумала я. — *Я страдаю от дефицита сна и не могу рассказать тебе, почему.*

— Я в порядке, — настойчиво сказала я. — Просто не верится, что агент Стерлинг хочет тренировать нас... этим, — добавила я, указывая на учебник.

С того момента, как я стала частью программы, я училась на практике. Настоящие дела. Настоящие снимки с места преступления. Настоящие жертвы. Но этот учебник? Брайс, Дерек и Кларк, наверное, читали учебники вроде такого.

— Может это и пустая трата времени, — сказал Дин, словно читая мои мысли. — Но прямо сейчас, я бы лучше тратил наше время, чем время Стерлинг.

Потому что Стерлинг охотилась за убийцей Эмерсон.

Я взяла у него учебник и открыла на первой главе.

— «Криминальная психология — это отрасль психологии, посвященная разъяснению типов личностей, мотивации и структуры сознания, связанных с нездоровым поведением», —

прочитала я, — «в особенности причиняющих психологический или физический вред другим людям».

Дин уставился на страницу. Волосы упали на его лицо. Я продолжила читать, погружаясь в ритм, мой голос был единственным звуком в комнате.

— «Глава четвертая: «Организованный» и «неорганизованный» правонарушители».

Мы с Дином устроили долгий перерыв на ланч, но мой голос всё ещё был хриплым.

— Моя очередь, — сказал Дин, забирая у меня учебник. — Ещё одна глава и ты охрипнешь настолько, что под конец тебе придется объясняться жестами.

— Это было бы ужасно, — ответила я. — Мне никогда не давались шарады.

— Почему мне кажется, что с этим связана какая-то история? — губы Дина изогнулись в едва заметной улыбке.

Меня передернуло.

— Можно я просто скажу, что семейная ночь игр — сомнительная афера, и я ужасна в угадывании слов по картинкам.

— Мне кажется, это не самый худший человеческий недостаток, — Дин откинулся на спинку стула. Впервые с того момента, как мы увидели тело в новостях, он выглядел почти расслабленным. Его руки расслабились. С каждым вздохом его грудь едва заметно вздымалась и опускалась. Его волосы всё ещё спадали на лицо, но его плечи были почти расслаблены, как и его шея.

— Кто-то сказал «недостаток»? — Майкл проскользнул в комнату. — Кажется, это одно из моих средних имен.

Я подняла взгляд от учебника, стараясь притвориться, что я только что не просто пялилась на Дина.

— Средних имен, в множественном числе? — переспросила я. Майкл слегка наклонил голову.

— Майкл Александр Томас Недостаток Таунсенд, — он лениво улыбнулся мне. — Звучит, да?

— Мы работаем, — отрезал Дин.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказал Майкл, махая в нашем направлении рукой. — Я просто делаю сэндвич.

Майкл никогда и ничего не делал просто так.

Может он и хотел съесть сэндвич, но ещё он хотел рассердить Дина. А ещё, мне казалось, что он не хотел оставлять нас с Дином наедине.

— Итак, — сказала я, оборачиваясь к Дину, притворяясь, что ситуация вовсе не неловкая. — Глава четвертая. Хочешь почитать?

Дин взглянул на Майкла, которого, кажется, забавляла ситуация.

— Что, если мы не станем её читать? — спросил у меня Дин.

— Но это наше домашнее задание, — сказала я, перенимая его возмущенный тон.

— Да, я знаю... Это ведь я уговорил тебя читать, — Дин провел пальцем по корешку книги. — Но я могу просто рассказать тебе о том, что там написано.

Дин провел здесь пять лет, а учебник оказался «Профилированием для чайников».

— Хорошо, — сказала я. — Расскажешь мне краткую версию? Будешь моим учителем?

Были времена, когда Дин отказался бы.

— Ладно, — сказал он, глядя на меня через стол. — «Неорганизованные» убийцы — одиночки. Они никогда и никуда не вписываются. У них скудные социальные навыки и много сдерживаемой злости.

На слове «злость», мои глаза непроизвольно встретились с глазами Майкла. Никогда и никуда не вписываются. Скудные социальные способности. Стоило мне взглянуть на лицо Майкла, как я поняла, что не я одна считала, эти слова кратким описанием Кларка.

Дин замолчал. Я заставила себя взглянуть вперед, надеясь на то, что Дин не будет слишком сильно задумываться о том, почему несколько слов о «неорганизованных» убийцах заставили что-то мелькнуть между нами с Майклом.

— В повседневной жизни «неорганизованные» убийцы считаются необщительными и глупыми, — продолжил Дин после долгой паузы. — Люди недолголюбивают их, но не боятся. Если у такого убийцы есть работа, то она, скорее всего, окажется низко оплачиваемой и не самой престижной. «Неорганизованные» убийцы могут вести себя, как подростки, будучи уже взрослыми; по статистике, вероятно, что даже повзрослев, они продолжают жить с одним или двумя родителями.

— Так в чем разница между «неорганизованным» убийцей и неудачником? — Майкл даже не потрудился претвориться, что не подслушивал.

— Если бы ты был таким как мы с Кэсси, — Дин пристально взглянул на Майкла, — тебе не пришлось бы спрашивать.

Повисла мертвая тишина.

Никогда раньше Дин не признавал, что мы с ним были похожи. Он никогда не верил в это. И уж точно никогда не говорил об этом Майклу.

— Неужели? — глаза Майкла сузились, резко контрастируя с улыбкой на его губах. Я опустила взгляд на стол. Майклу не стоило видеть выражения моего лица, подтверждающего правоту Дина.

Мне не было нужды задавать этот вопрос, потому что я инстинктивно знала ответ. Анти социальность и злость не делала человека убийцей. Черты характера вроде этих не могли сказать нам, был ли Кларк склонен к насилию, а если да — то в какой мере. Они могли лишь сказать нам, каким именно убийцей стал бы Кларк, пересекли он эту черту.

Если бы Кларк был убийцей, он был бы «неорганизованным» убийцей.

— «Организованные» убийцы могут быть обаятельными, — Дин снова сосредоточился на мне. — Они эффективны, уверены и спокойны в большинстве социальных ситуаций.

Его волосы упали на его лицо, но он не отводил от меня взгляда.

— Обычно они интеллигентны, но самоуверенны. Возможно, они не чувствуют страха.

Я подумала о Джеффри с двумя «ф», который рассказал мне о значении «модус операнди» и упомянул Эмерсон без следа печали.

— Люди не достойны сочувствия «организованных» убийц, потому что они выше этого. Для них, быть среднестатистическим всё равно, что быть одноразовым.

Я впитывала слова Дина, запоминая их.

— Что значит жизнь одного человека, когда в мире их так много? — Дин задал вопрос ровным голосом, и я поняла, что мыслями он находился где-то далеко. — «Организованные» убийцы не чувствуют угрызений совести.

Отец Дина был «организованным» убийцей, — подумала я. Я потянулась через стол и накрыла своей ладонью ладонь Дина. Он склонил голову, но продолжил говорить.

— У «организованных» убийц всегда есть план, — негромко сказал он. — «Неорганизованные» же совершают поступки спонтанно.

— Они бросаются, — мягко сказала я. — Дают волю своим импульсам.

Дин наклонился вперед, его пальцы переплелись с моими.

— Они чаще нападают со спины.

— Что насчет выбора оружия? — спросила я, в то время, как моя рука всё ещё покоилась в его.

— Всё, что попадет под руку, — ответил Дин. — Тупой предмет, кухонный нож, собственные руки. Всё место преступления становится отражением потери контроля.

— Но «организованные» убийцы, — не сводя с него глаз, произнесла я, — здесь всё дело в контроле.

Дин поймал мой взгляд.

— «Организованные» убийцы выслеживают жертв. Их целями часто становятся незнакомцы. Каждый их шаг просчитан, обдуман и служит конкретной цели. Они методичны.

— Их сложнее поймать, — продолжила я.

— Им нравится, что их сложнее поймать, — ответил Дин. — Лишь часть удовольствия заключается в убийстве. Его остаток — в избегании наказания.

Всё, что говорил Дин, имело смысл — невероятный, интуитивный смысл, словно он напоминал мне о чем-то, что я уже знала, а не учил чему-то новому.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнула.

— Всё хорошо, — я бросила взгляд на кухонную поверхность, где Майкл готовил себе сэндвич. Он ушел. В какой-то миг нашей дискуссии с Дином, он вышел из кухни.

Я взглянула на стол. Дин медленно высвободил руку из моей.

— Дин? — сказала я. Мой голос был мягким, но прорезал царящую в комнате тишину. Я всё ещё чувствовала, где именно его кожа соприкасалась с моей. — «Организованные» убийцы, они ведь оставляют себе сувениры на память, не так ли?

Дин кивнул.

— Сувениры помогают им снова и снова переживать их убийства. Так они довольствуют свою жажду убийств в перерывах между жертвами.

— Лок забирала тюбик помады у каждой убитой ею женщины, — я не удержалась и произнесла это вслух.

Самоуверенны. Сдержаны. Всё сходится.

— Мой отец был «организованным» убийцей.

Стоило Дину заговорить об отце, как в нём появлялось напряжение. Вот уже второй раз он открылся мне, тет-а-тет.

— Он говорил, что в детстве, люди знали, что с ним что-то не так, но, сколько он себя помнил, он нравился им. Он планировал всё дотошно. Никогда не отходил от сценария, — Дин замолчал. — Никогда не раскаивался.

Я услышала, как распахнулась и захлопнулась передняя дверь. Я подумала было, что это Майкл вышел из дома, чтобы убраться подальше от нас, но затем я услышала шаги двух людей — один из них шагал тяжелее другого.

Стерлинг и Бриггс вернулись.

Они появились в дверном проеме в тот самый миг, когда Дин закрыл лежащую перед нами на столе книгу.

— Кэсси, можно мы поговорим с Дином наедине? — агент Бриггс поправил галстук. Этот жест в исполнении этого мужчины, заставил сигнал тревоги сработать в моем мозгу. Бриггс носил галстук только во время работы. То, как он поправил его, было лишь подтверждением. Он хотел поговорить с Дином о делах.

Я не слишком-то доверяла Бриггсу в чем-то подобном.

— Она может остаться, — сказал Дин Бриггсу.

Эти слова произвели эффект раската грома. Сколько я знала Дина, он отталкивал меня. Его игра велась в одиночку. Я встретила взглядом с его глазами. *Ты уверен?* — беззвучно спросила я.

Дин опустил руки на джинсы.

— Остайся, — сказал он мне. Дин хотел, чтобы я была здесь. Он обернулся к Бриггсу. — Что вам нужно?

Агент Стерлинг замерла, её губы сжались в линию.

— Человек, убивший Эмерсон Коул одержим твоим отцом, — сказал Бриггс, игнорируя выражение лица его бывшей жены. — Есть небольшой шанс, что наш Н.О. писал ему.

— Дайте я угадаю, — перебил его Дин. — Старый добрый папочка уничтожает письма, стоит ему прочитать их. Все они хранятся здесь, — Дин прижал палец ко лбу.

— Он согласился помочь нам, — сказал Бриггс. — Но только при одном условии.

Плечи и шея Дина снова напряглись. Каждый мускул в его теле был туго натянут.

— Ты не обязан делать что-либо, если не хочешь, — вмешалась агент Стерлинг. — Ты ведь знаешь, что это за условие.

Глаза Дина пылали неизвестной мне эмоцией: не совсем ненавистью, но и не страхом.

— Мой отец ничего вам не расскажет. Он будет говорить только со мной.

Ты

Дэниел Рэддинг был одним из великих.

Скандално известный. Искусный. Бессмертный. Ты выбрал его не просто так. Когда говорит мужчина вроде Рэддинга, люди слушают. Когда Рэддинг хочет, чтобы кто-то умер, этот кто-то умирает. Он — всё, чем ты когда-либо хотел быть. Сильный. Уверенный в себе. И всегда, всегда контролирующий себя.

— Ты был неаккуратен. Глуп. Тебе просто повезло.

Ты отмахиваешься от голосов и пробегаешь пальцами по краю фотографии Эмерсон Коул, стоящей у дерева. Доказательство того, что на какой-то миг, ты был всемогущ. Уверен в себе. Под контролем.

Совсем. Как. Он.

Дэниел Рэддинг не твой герой.

Он твой Бог. И если ты продолжишь этот путь, ты медленно станешь таким, как он.

Весь мир будет ничтожным и бессильным, словно муравьи. Полиция. ФБР.

Ты раздавишь их ботинками со стальными носками.

Что будет, то будет — в своё время.

Глава 19

Каменные стены. Колючая проволока. Именно так я и представляла тюрьму высшей степени безопасности, ставшей домом для отца Дина. Мы с Дином уютно устроились на заднем сидении черного джипа ФБР. Агент Бриггс вел машину. Агент Стерлинг сидела рядом с ним. Сидя прямо за ней, я не могла разглядеть ничего, кроме её руки, покоившейся на подлокотнике. На первый взгляд, она казалась расслабленной, но подушечки её пальцев впивались в кожаное покрытие сидения.

Рядом со мной Дин, не отрываясь, глядел в окно. Я опустила руку на сидение между нами, ладонью вверх. Он оторвал взгляд от окна и взглянул не на меня, но на мою руку. Он опустил руку на сидение ладонью вниз, всего в нескольких дюймах от моей.

Я придвинула руку ближе. Его темные глаза закрылись, ресницы отбрасывали крошечные тени на его лицо. Кажется, прошла вечность, прежде чем его рука пошевелилась. Он медленно повернул её по часовой стрелке, пока тыльная сторона его руки не легла на сидение всего с нескольких сантиметрах от моей. Моя ладонь скользнула в его. Его рука оказалась теплой. Несколько секунд спустя его пальцы сжались, смыкаясь вокруг моих.

Моральная поддержка. Вот почему я отправилась в эту поездку.

Бриггс въехал на охраняемую территорию. Он припарковался и заглушил мотор.

— Сейчас выйдут охранники, чтобы впустить нас с Дином, — он взглянул сначала на Стерлинг, а затем на меня. — Вы двое будете ждать в машине. Чем меньше людей увидят здесь ещё одного подростка, тем лучше.

Бриггс не слишком радовался моему присутствию, но он не пытался запретить мне ехать. Они нуждались в Дине, а Дин нуждался в чем-то — ком-то — связывающим его с настоящим.

Задняя дверь тюрьмы распахнулась. За ней стояли два охранника. Они были одного роста. Один из них оказался крепким и лысым, второй был моложе и сложен словно бегун.

Бриггс выбрался из машины и открыл дверь для Дина. Дин мягко опустил мою руку на мои колени.

— Это не займет много времени.

Мышцы его челюсти напряглись. Его глаза казались бесчувственными и жесткими. Он родился с улыбкой на лице. Слова из допроса Рэддинга отдались эхом в моей голове, в тот миг, когда Дин захлопнул дверь.

Дин и Бриггс зашагали к охранникам. Лысеющий мужчина пожал руку Бриггса. Младший охранник сделал шаг навстречу Дину, оглядывая его с ног до головы. Через миг, Дин был прижат к стене для обыска.

Я отвернулась.

— Некоторые при виде Дина всегда будут видеть его отца, — с переднего сидения донесся голос агента Стерлинг. — Дэниел Рэддинг не то чтобы любимчик местных охранников. Он любит играть с чужим разумом, обожает выискивать информацию о семьях охранников. Бриггсу пришлось сказать им, что Дин — сын Рэддинга. Иначе бы это посещение ни за что не одобрили, даже с разрешением от начальства.

— Ваш отец одобрил это посещение? — спросила я, скользя по сидению, чтобы получше разглядеть её.

— Это была его идея, — Стерлинг сжала губы. Она явно была не рада происходящему.

— Ваш отец хочет, чтобы это дело закрыли, — я постаралась разобраться в логике происходящего. — Дело Лок попало в газеты. Теперь последнее, что нужно ФБР — ещё больше плохой рекламы в прессе. Директор хочет, чтобы это дело раскрыли быстро и без лишнего шума, и он не против использовать для этого Дина. Но если бы решали вы...

— Если бы выбор был за мной, — перебила она, — Дин бы никогда не оказался за сотню ярдов от своего отца, — она выглянула из окна. Бриггс, Дин и старший охранник исчезли в здании. Младший стражник — тот, что обыскивал Дина — шагал к нашей машине. — Но, опять-таки, — сказала Стерлинг, открывая замок на двери. — Если бы выбор был за мной, Дин бы получил шанс на нормальное детство, стоило нам арестовать его отца.

Она распахнула дверь и вышла из машины.

— Я могу чем-то помочь? — спросила она у охранника.

Он взглянул на агента Стерлинг, его губы слегка изогнулись.

— Вы не можете остаться в машине, — сказал он ей. — Это охраняемая территория.

— Мне это известно. И у меня есть разрешение находиться здесь, — холодно сказала Стерлинг, хмурясь. Она вела себя, словно человек, всю жизнь проводивший среди секретных агентов. Одному тюремному охраннику явно было не под силу впечатлить её.

Я буквально видела, как охранник спорил с самим собой о том, стоит ли ввязываться в спор с женщиной-агентом ФБР — в особенности, с этой женщиной-агентом ФБР.

— Начальник тюрьмы помешан на безопасности, — сказал он ей, сваливая вину на руководителя. — Вам придется переставить машину.

— Отлично, — Стерлинг зашагала к машине, а охранник уставился на меня.

Он поднял руку и движением приказал мне открыть дверь. Я взглянула на агента Стерлинг. Она коротко кивнула мне. Я открыла дверь и вышла из машины. Охранник едва взглянул на меня и снова обратился к агенту Стерлинг.

— Она — подруга сына Рэддинга? — спросил он. Его тон явно давал понять, как он относился к Дину — и к его отцу.

Я была почти уверена, что Майкл прочел бы на его лице отвращение.

— Если вы не против, — решительно сказала Стерлинг. — Я переставлю машину.

Охранник посмотрел на меня — его нежелание ссориться с агентом Стерлинг столкнулось с его неприязнью к Дину — и вот теперь ко мне. Он развернулся и сказал что-то в рацию. Через несколько секунд, он снова развернулся к нам с вежливой улыбкой на губах, его глаза сузились до холодных, непреклонных щелочек.

— Я позвонил начальству. Боюсь, вам обеим придется пройти со мной.

— Не говори ни слова, — едва слышно сказала мне агент Стерлинг. — Я позабочусь об этом.

Охранник вел нас по коридору. Агент Стерлинг вытащила телефон.

— Вы можете остаться в комнате для посетителей, — предложил охранник. — Или можете подождать в конторе.

Кому бы ни звонила агент Стерлинг, он не ответил. Она сконцентрировалась на охраннике.

— Мистер... — она замолчала, ожидая, что он назовет свою фамилию.

— Уеббер, — сказал он.

— Мистер Уеббер, вас не просто так попросили встретить агента Бриггса у задней двери. Агент Бриггс не просто так встречается с Дэниелом Рэддингом не в комнате для посетителей. Это дело довольно деликатно и мы не хотим, чтобы все узнали о нём. Никто не должен знать, что агенты ФБР приезжали сюда, чтобы увидеться с Рэддингом.

Любой тюремный охранник в этих стенах находился на своей территории, и наш явно наслаждался этим. Уэбберу не нравилось, когда ему напоминали о том, что Стерлинг из ФБР. Она сама ему не нравилась. А ещё ему не нравилось, когда ему закрывали рот.

И ему очень не нравился Дин. И Рэддинг. И я.

Ничем хорошим это не кончится.

— Если здесь нет безопасного и конфиденциального места, где мы могли бы подождать, — продолжила агент Стерлинг, — я думаю, вам стоит позвонить вашему начальству и...

— Безопасного и конфиденциального? — переспросил стражник, настолько вежливо, что по моей коже пробежали мурашки. — Что же вы сразу не сказали?

В конце концов, мы оказались в комнате для наблюдения. По другую сторону двухстороннего зеркала, агент Бриггс и Дин сидели напротив темноволосого мужчины с темными глазами.

С глазами Дина.

Я не должна была быть здесь. Я не должна была видеть это.

Но именно здесь я и оказалась, благодаря затаившему на нас злобу охраннику. Дин и его отец молчали, и я не удержалась от мысли: сколько они сидели там, глядя друг на друга?

Что мы пропустили?

Взгляд стоящей рядом со мной Стерлинг замер на Рэддинге.

Отец Дина не был слишком крупным мужчиной, но сидя там, с легкой улыбкой украсившей бы даже самые посредственные черты лица, он приковывал к себе внимание. Его темные волосы были густыми и аккуратными. На его подбородке и щеках виднелся намек на щетину.

— Расскажи нам о письмах, — слова Дина не звучали, словно вопрос или просьба. О чем бы они не говорили до того, как мы пришли, у Дина была цель.

Получить информацию, в которой мы нуждались, и убраться отсюда.

— Каких именно письмах? — дружелюбно спросил его отец. — Тех, что советуют мне гореть в аду? Или тех, в которых люди описывают их путь к всепрощению? Или тех, в которых женщины предлагают мне на них жениться?

— О письмах от профессора, — отрезал Дин. — Того, что пишет книгу.

— А, — произнес Рэддинг. — Кажется, его фамилия Фогл? Копна здоровых волос, глубокие, душевные глаза, невероятная любовь к Ницше?

— Так он приходил сюда, — Дина не смутила театральность его отца. — О чем он спрашивал тебя?

— Существует лишь два вопроса, Дин. Ты ведь знаешь, — нежно произнес Рэддинг. — Почему и как.

— И каким же оказался профессор? — продолжил давить Дин. — Что его больше интересовало — «почему» или «как»?

— Немного от первого, немного от второго, — Рэддинг наклонился вперед. — С чего бы ты так внезапно проявили интерес к моему коллеге? Боишься, что он плохо расскажет нашу историю?

— Нет у нас никакой истории.

— Моя история — твоя история, — в глазах Рэддинга появился странный блеск, но ему удалось усмирить его и унять напряжение в голосе. — Если ты хочешь знать, о чем писал профессор и на что он способен, думаю, стоило спросить у него.

— Я спрошу, — сказал Дин. — Как только ты скажешь, где мне найти его.

— Ради всего святого, Дин, этот парень не стоит у меня на быстром наборе. Мы не друзья. Он пару раз расспрашивал меня. В основном, он задавал мне вопросы, а я отвечал на них, а не наоборот.

Дин встал, собираясь уходить.

— Но, — жеманно добавил Рэддинг, — он упомянул, что чаще всего пишет в своем домике в горах.

— Что за домик? — спросил Дин. — В каких горах?

Рэддинг жестом закованных в наручники рук попросил Дина сесть. После долгого мига, Дин сел.

— Возможно, мне понадобится освежить память, — сказал Рэддинг, слегка наклоняясь вперед, его глаза бережно изучали Дина.

— Чего ты хочешь? — голос Дина был абсолютно ровным. Рэддинг либо не заметил этого, либо его это просто не заботило.

— Тебя, — произнес мужчина, в то время как его взгляд скользил по Дину, впитывая каждую деталь, словно художник глядел на своё лучшее творение. — Я хочу узнать тебя, Дин. Чем занимались эти руки на протяжении пять последних лет? Что повидали эти глаза?

Было что-то странное в том, как отец Дина разделял его тело на части.

Дин для тебя всего лишь вещь, — подумала я. — Его руки и глаза, его рот. Что-то, что ты можешь уничтожить. Чем ты можешь завладеть.

— Я пришел сюда говорить не о себе, — голос Дина не дрогнул. Его отец пожал плечами.

— А я вот совсем забыл, где находится домик профессора — у горы Катоктин или у горы Шенандоа.

— Я не знаю, что мне сказать, — Дин сверлил отца глазами. — Тут не о чем говорить. Это ты хотел услышать? Что эти руки, эти глаза — ничто?

— Они — всё, — голос Рэддинга вибрировал от напряжения. — Ты столь многое мог бы сделать.

Рядом со мной агент Стерлинг встала. Она на шаг приблизилась к стеклу. Приблизилась к Рэддингу.

— Ну же, Дин, должно ведь в твоей жизни быть что-то, о чем стоит поговорить, — Рэддинг говорил непринужденно и свободно — кажется, он не замечал ненависти, кипящей в глазах Дина. — Музыка. Спорт. Мотоцикл. Девушка, — Рэддинг склонил голову вбок. — Ох, — произнес он. — Значит, у тебя есть девушка.

— Никого у меня нет, — огрызнулся Дин.

— Мне кажется, ты слишком бурно отрицаешь это, сынок.

— Я не твой сын.

Руки Рэддинга дернулись. В долю секунды, он вскочил на ноги. Наверное, Дин склонился вперед, потому что, каким-то образом, Рэддингу удалось схватить его за футболку. Отец заставил сына встать.

— Ты мой сын намного больше, чем когда-либо был сыном своей матери. Я внутри тебя, мальчик. В твоей крови, в твоих мыслях, в каждом твоём вздохе, — теперь лицо Рэддинга находилось близко к лицу Дина, достаточно близко, чтобы Дин ощущал тепло его дыхания. — Ты это знаешь. Ты боишься этого.

В какой-то миг Дин просто стоял, а затем его кулаки врезались в оранжевый комбинезон его отца и он потянул Дэниела Рэддинга через стол.

— Эй! — Бриггс встал между ними. Рэддинг первым отпустил Дина. Он поднял руки, сдаваясь.

На самом деле, ты никогда не сдаешься, — подумала я. — Ты никогда не отступаешь. Ты получаешь то, чего хочешь — а сейчас ты хочешь Дина.

Агент Стерлинг схватила меня за локоть.

— Мы уходим, — сказала она.

Охранник попытался остановить её, но она испепелила его взглядом.

— Ещё одно слово, один шаг, и, клянусь Богом, ты лишишься работы.

Я взглянула на Дина. Бриггс опустил руку ему на грудь и с силой надавил. Словно внезапно очнувшийся лунатик, Дин отпрянул, отпуская отца. Он взглянул в двухстороннее зеркало, и я была готова поклясться, что он видел меня.

— Кассандра, — резко сказала агент Стерлинг. — Мы уходим. Сейчас.

Последним, что я услышала, прежде чем уйти, был голос Дина, пустой и жесткий.

— Расскажи мне о домике профессора.

Глава 20

— Это было ошибкой, — произнесла Стерлинг, когда мы вернулись в машину.

— Пойти с охранником? — спросила я.

— Привести сюда тебя. Привести сюда Дина. Быть в той комнате, наблюдать за всем этим.

Всё это было ошибкой.

Когда Стерлинг произнесла «всё это», мне показалось, что она говорила не только о способе, которым Бриггс и директор хотели раскрыть это дело.

Она имела в виду жизнь, которой жил Дин. Программу «Естественных». Всё это.

— Это не одно и то же, — сказала ей я. — То, чем занимается наша команда, и то, что они заставили Дина делать с его отцом — это не одно и то же.

Отправив Дина в одну комнату с Дэниелом Рэддингом, они вскрыли все старые шрамы, каждую рану, оставленную этим человеком на психике Дина.

Наша программа была другой.

Мы занимались не этим.

— Если бы вы только видели Дина, когда нам позвонили, чтобы сообщить, что ФБР нашли Маккензи Макбрайд, — сказала я, думая о Дине. О нашем Дине. — Он не просто улыбнулся. Он просиял. Вы вообще знали, что у него есть ямочки?

Агент Стерлинг не ответила.

— У Дина не могло быть нормального детства, — не знаю, почему я так старалась объяснить ей это. — Есть вещи, которых не обратить вспять. Нормальность для нас не вариант, — я думала о словах Слоан. — Если бы у нас было нормальное детство, мы бы не стали естественными.

Агент Стерлинг наконец обернулась, чтобы взглянуть на меня.

— Мы говорим об отце Дина или о твоей матери? — она подождала, пока я осознаю смысл вопроса. — Я читала твой файл, Кэсси.

— Так теперь я стала Кэсси? — спросила я. Она нахмурилась. Я уточнила. — С самого вашего появления, вы звали меня Кассандрой.

— Ты хочешь, чтобы я продолжила называть тебя полным именем?

— Нет, — я замолчала. — Но вы хотите. Вам не нравятся сокращения. Они сближают вас с людьми.

Стерлинг вдохнула.

— Тебе придется прекратить это.

— Прекратить что?

— Большинству людей не нравится, когда их профилируют. Некоторые вещи лучше не упоминать вслух, — она сделала паузу. — Где ты была прошлой ночью?

Моё сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Такого вопроса я не ожидала.

Я притворилась дурочкой.

— Что вы имеете в виду?

Она угрожала программе, стоило Слоан всего на всего создать сцену преступления в нашем подвале. Я понятия не имела о том, что она сделает, если узнает, чем мы с Майклом и Лией занимались накануне ночью.

— Ты думаешь, что ты мне не нравишься, — Стерлинг говорила голосом профайлера, забираясь в мою голову. — Ты видишь во мне врага, но я тебе не враг, Кэсси.

— Вам не нравится наша программа, — я сделала паузу. — Я не знаю, почему вы вообще взяли за эту работу. У вас какие-то проблемы с тем, чем здесь занимается Бриггс и какие-то проблемы со мной.

— Моя проблема с тобой, — сказала она, тщательно подбирая каждое слово, — заключается в том, что ты не подчиняешься указаниям. Все инстинкты на свете окажутся бесполезны, если ты не сможешь работать в системе. Бриггс никогда не понимал этого, как и ты.

— Вы говорите о произошедшем прошлым летом, — я не хотела обсуждать это, но другого выхода у меня не было. Я не могла выйти из машины. Я не могла сбежать от её оценивающего взгляда. — Я понимаю. Дин пострадал. Майкл пострадал. И всё из-за меня.

— Где ты была прошлой ночью? — снова спросил агент Стерлинг. Я не ответила. — Пршлым летом ты и твои друзья без причины взломали засекреченную базу данных и прочитали файлы, судя по всему, из-за скуки. Даже после того, как Бриггс предупредил тебя о том, что стоит отступить, ты не сделала этого. В итоге, убийца вышел на связь, — она не дала мне опомниться от этого жестокого пересказа событий. — Ты хотела участвовать в деле. И твоя агент Лок подчинилась.

— Так это я виновата, — сердито сказала я, стараясь не заплакать, в ужасе от того, что она может оказаться права. — Люди, которых убила Лок, только чтобы прислать мне их волосы в коробках. Девочка, которую она похитила. Выстрел в Майкла. Всё это — моя вина.

— Нет, — голос Стерлинг был тихий и не терпящим возражений. — Ты не виновата в этом, Кэсси, но на протяжении всей твоей жизни ты будешь гадать, так ли это. Ты будешь просыпаться посреди ночи. Эта мысль будет пожирать тебя. И она никогда не исчезнет. Я знаю, что иногда ты думаешь о том, вижу ли я твою тетю, когда гляжу на тебя, но это не так. Дин — не его отец. Я — не мой. Если бы я считала, что ты хоть чем-то схожа с женщиной, скрывавшейся под именем Лейси Лок, мы бы сейчас не говорили об этом.

— Тогда почему мы говорим? — спросила я. — Вы сказали, что я не знаю, как работать с системой, но не говорите, что другие знают. Лия? Майкл? Даже Слоан. Вы не смотрите ни на одного из них так, как смотрите на меня.

— Потому что они — не я, — кажется, слова агента Стерлинг высосали из машины весь воздух. — Я не читала твой файл и не встречалась с твоей тетей, Кэсси, — она закрыла рот. К тому времени, как она снова заговорила, я решила было, что мне послышалось. — Когда ты нарушаешь правила... Когда начинаешь уверять себя в том, что результат оправдывает средства, страдают люди. Протокол спасает жизни.

Она провела рукой по тыльной стороне шеи.

Стояла середина дня, без кондиционера в машине было очень душно.

— Ты хочешь знать, почему именно ты так заботишь меня, Кэсси? Потому что ты на самом деле чувствуешь. Майкл, Лия, Дин — они очень рано научились отключать свои эмоции. Они не привыкли подпускать к себе людей. Они не видят нужды каждый раз рисковать жизнью. Слоан не всё равно, но она работает с фактами, а не с эмоциями. Но ты? Ты никогда не сможешь перестать заботиться о людях. Для тебя дело всегда будет в жертвах и в их семьях. Это всегда будет чем-то личным.

Я хотела сказать ей, что она ошибается. Но стоило мне подумать о Маккензи Макбрайд, я поняла, что она была права. Каждое дело будет для меня личным. Я всегда буду жаждать правосудия для жертв. Я сделаю всё что угодно, чтобы спасти одну жизнь, так, как мне хотелось бы, чтобы кто-то спас мою мать.

— Я рада, что сегодня ты здесь для Дина, Кэсси. Ему нужен кто-то, особенно сейчас — но если ты серьезно настроена заниматься тем, чем занимаемся мы, чем занимаюсь я, эмоции — роскошь, которой ты не можешь себе позволить. Вина, злость, сочувствие, готовность пойти на всё, чтобы спасти жизнь — дай им волю и человек может лишиться жизни.

Прежде чем покинуть ФБР, она потеряла кого-то. Потому что она позволила своим эмоциям овладеть ею, во время работы над делом. Потому что в пылу битвы, она забыла о правилах.

— Я должна знать, где ты была прошлой ночью, — словно заевшая запись. — Я даю тебе шанс поступить правильно. И лучше тебе воспользоваться им.

Часть меня хотела всё рассказать ей, но это был не только мой секрет. Он также принадлежал Майклу и Лие.

— Бриггс не знает, что ты уходила. Как и Джадд, — Стерлинг позволила скрытой угрозе повиснуть в воздухе. — Готова поспорить, ты никогда не видела Джадда по-настоящему сердитым. А я вот видела. Не советую.

Когда я не ответила, агент Стерлинг замолчала. Температура в машине стала невыносимой.

— Ты принимаешь плохое решение, Кэсси, — я ничего не ответила и её глаза сузились. — Просто скажи, — произнесла она, — есть что-то, что я должна знать?

Я прикусила нижнюю губу и подумала о том, на что приходится идти Дину, чтобы выпытать крохи информации у отца.

— У Эмерсон был роман с её профессором, — наконец сказала я. Я должна была рассказать это ради Дина. — С тем, который пишет книгу об отце Дина.

Агент Стерлинг сняла куртку. Видимо, ей тоже было жарко.

— Спасибо, — сказала она, разворачиваясь на сидении, чтобы взглянуть на меня. — Но слушай и слушай внимательно: когда я сказала тебе не лезть в это дело, я не шутила. Ещё раз ступишь за пределы Квантико без моего разрешения и я одену на тебя датчик движения.

Я едва расслышала угрозу. Я не ответила. Я не могла говорить. Я даже думать не могла.

Когда агент Стерлинг сняла куртку, она слегка помяла футболку. Ткань изогнулась, позволяя мне увидеть кожу под ней. Прямо под её ключицей красовался шрам.

Клеймо в форме буквы «Р».

Глава 21

Стерлинг взглянула вниз. На её лице не было абсолютно никаких эмоций, она расправила футболку. Теперь шрама было не видно, но я не могла перестать глазеть на неё.

Свяжи их. Заклейми их. Режь их. Повесь их.

За всё то время, что мы провели в комнате для наблюдений, она не отвела глаз от Дэниела Рэддинга.

— Моя команда расследовала дело, — спокойно произнесла Стерлинг. — Я подобралась слишком близко и была неосторожна. Рэддинг держал меня у себя два дня, пока мне не удалось спастись.

— Вот откуда вы знаете Дина, — всё это время я гадала, как им удалось построить такие близкие отношения, если она всего лишь арестовала его отца. Но если она оказалась одной из жертв Рэддинга...

— Я не стала его жертвой, — сказала Стерлинг, жутковато читая мои мысли. — Я выжила, и выжила я благодаря Дину.

— Об этом деле вы и говорили? — я едва обрела дар речи. Мой голос был надломленным и едва слышным. — Когда вы сказали, что стоит дать волю эмоциям и это может стоить жизни человеку, вы говорили о ком-то, убитом Дэниелом Рэддингом?

— Нет, Кэсси. И больше я не собираюсь отвечать на вопросы о Дэниеле Рэддинге, моём прошлом или клейме на моей груди. Ясно?

Голос Стерлинг звучал так ровно, так сухо, что мне пришлось кивнуть.

Дверь тюрьмы распахнулась, и из неё вышли Бриггс с Дином. С ними был всего один охранник, тот, что выглядел старше. Я наблюдала за тем, как охранник передал что-то в руки агента Бриггса — папку. Дин же стоял абсолютно, неестественно неподвижно. Он ссутулился. Опустил голову. Его руки апатично свисали по бокам.

— Не смей спрашивать Дина об этом, — слова агента Стерлинг звучали, словно приказ, отчаянный и свирепый. — И не смей говорить ему, что видела клеймо.

— Я не буду. Не буду спрашивать. Я не о чем не буду его спрашивать, — мне едва удалось составить предложение, а стоило Дину и Бриггсу зашагать к машине, я замолчала.

Дин открыл дверь и забрался внутрь. Он закрыл дверь, но не взглянул на меня. Я заставила себя не прикасаться к нему. Я старалась сосредоточиться на спинке сидения передо мной.

Бриггс передал папку агенту Стерлинг, роняя её ей в руки.

— Журнал посетителей, — произнес он. — К Рэддингу никого не должны были пускать. Начальник тюрьмы выжил из ума. Я даже не уверен, что журнал заполнен.

Агент Стерлинг раскрыла папку. Она пробежала глазами по списку имен.

— Свидания? — спросила она.

Бриггс выплюнул ответ.

— Несколько.

— Думаешь, наш Н.О. в этом списке? — спросила Стерлинг.

— Это было бы логично, — коротко ответил Бриггс. — Но это было бы слишком просто, так что нет, Ронни, я не думаю, что наш Н.О. есть в этом списке. Всё будет не так просто. Мы не настолько везучие.

Я ждала, что Стерлинг огрызнется в ответ, но вместо этого, она протянула руку и коснулась кончиками пальцев его предплечья.

— Не позволяй ему залезть тебе в голову, — негромко произнесла она. От её прикосновения Бриггс слегка расслабился. — Если позволишь, — продолжила она, — если позволишь ему забраться под твою кожу, он победит.

— Это глупо, — Дин покачал головой, его губы изогнулись от отвращения. — Мы знали, что так будет, если я приеду сюда. Он обещал, что заговорит. Ну, он заговорил, но теперь мы понятия не имеем о том, что из его болтовни правда, а что — нет.

Не я должна была находиться за тем стеклом, — подумала я. — За допросом должна была наблюдать Лия. Мне было плевать на разницу между «открытыми» и «закрытыми» делами. Я волновалась только о Дине.

Агент Стерлинг развернулась на сидении. Я ожидала увидеть мягкость, с которой она только что упрекнула Бриггса, но, когда она заговорила с Дином, её глаза сверкали, каменные, словно бриллианты.

— Не делай этого, — сказала она.

— Не делай чего? — огрызнулся Дин. Я никогда не видела его таким сердитым.

— Ты правда хочешь затеять со мной эту игру? — спросила у него Стерлинг. — Думаешь, я не знаю, каково тебе было там? Думаешь, я не знаю, что он сказал, не знаю, что творится в твоей голове? Послушай, Дин, не делай этого. Не поднимай эту тему.

Бриггс выехал за ворота, прочь с территории тюрьмы, и в машине повисла напряженная тишина. Я положила руку на сидение, ладонью вверх. Дин отвернулся к окну, сжимая руки в кулаки. Я опустила взгляд на свою ладонь, раскрытую в ожидании, и не смогла пошевелиться. Я чувствовала себя до смерти ненужной. Я поехала с ними ради Дина, но теперь не нужно было быть профайлером, чтобы понять, что он не хотел, чтобы я была здесь. Одним единственным разговором его отец вбил клин между Дином и всем остальным миром, отрезая его от нас, как клинок отрезает часть человеческого тела. Негласная близость, появившаяся между нами с Дином была уничтожена, словно никогда и не существовала.

Я в тебе, мальчик. В твоей крови, в твоих мыслях, в каждом твоём вздохе.

На переднем сидении Бриггс вытащил мобильник. Стоило ему набрать номер, он начал отдавать приказы.

— Рэддинг дал нам координаты домика профессора. Гора Катокти, — Бриггс сделал паузу. — Нет, я не знаю, на кого оформлен домик. Пробейте родителей профессора, бывшую жену, соседей по комнате со времен колледжа. Пробейте каждого и даже чертовых собак, но найдите его.

Бриггс закончил разговор и выронил телефон. Стерлинг поймала его.

— Если я всё правильно помню, — сухо сказала она, — обычно телефонами швырялась я, а не ты.

Не смотря на то, что именно агента Стерлинг пытал Дэниел Рэддинг, только она держалась после его посещения.

— Рэддинг не упоминал о том, что у профессора были отношения с Эмерсон Коул? — вопрос агента Стерлинг на несколько секунд вывел Дина и Бриггса из ступора.

— Откуда у тебя такая информация? — с нажимом спросил Бриггс. Я почти слышала, как он думал о том, что Стерлинг отслеживала наводки за его спиной.

— Почему бы тебе не спросить у Кэсси? — предложила Стерлинг. — Видимо, она занималась кое-какой внеклассной работой.

— Прости, что? — возмутился Бриггс.

Дин медленно отвернулся от окна и взглянул на меня.

— Что ещё за внеклассная работа? — спросил он у меня, негромким, измученным голосом. — Что ты сделала?

— Ничего, — сказала я. — Это не важно.

— Ты была одна? — спросил Дин. Я не ответила. Он закрыл глаза, мускулы на его лице напряглись. — Конечно, нет. Будь в этом замешана только ты, ты не стала бы мне врать. Я так понимаю, здесь не обошлось без Лии. Слоан? Таунсенд?

Я не ответила.

— Это могло послужить мотивом, — сказала Стерлинг Бриггсу. — Профессор мог убить девушку, чтобы скрыть правду.

— Эмерсон, — жестко сказал Дин. — Её звали Эмерсон.

— Да, — согласилась агент Стерлинг, игнорируя ярость на лице Дина. — И, веришь ты в это или нет, Дин, но информация, которую ты сегодня получил от своего отца, поможет нам найти её убийцу. Теперь вы просто должны позволить нам делать свою работу, — она сделала паузу. — Вы оба. Никого больше выведывания. Никаких выездов на местность.

На словах «выезд на местность» Бриггс свернул машину на обочину и заглушил двигатель.

— Ты, — сказал он, оборачиваясь и прожигая меня взглядом. — Вон из машины.

С этими словами Бриггс и сам вышел из машины. Я присоединилась к нему, стараясь не дрожать.

Может Бриггс был не против допустимого риска, позволяя Дину увидеться с отцом, но он был не против, только если сам рассчитывал его допустимость.

— Я правильно понимаю — ты выбралась из дома, отправилась в поездку и намеренно вмешалась в действующее расследование ФБР? — Бриггс не повышал голоса, но за каждым его словом таилось столько силы, что с таким же успехом он мог на меня кричать.

— Да?

Бриггс провел руками по волосам.

— Кто пошел с тобой?

Этого я сказать не могла.

— Я понимаю, что ты хочешь помочь, — сквозь сжатые зубы выдавил он. — То, что творится с Дином из-за этого дела — несправедливо. Притащить его сюда ради разговора с отцом — это было несправедливо с моей стороны. Но у меня не было выбора. И у Дина нет выбора, но у тебя он есть. Ты можешь довериться мне. Можешь не дать агенту Стерлинг ещё одного шанса докопаться до нашей программы. Можешь перестать вести себя, как безответственный, недалновидный подросток, не умеющий следовать правилам ради собственной безопасности!

Вот теперь он кричал на меня.

Дин распахнул дверь машины. Он не вышел из неё. Он даже не взглянул на меня. Бриггс вздохнул. Я почти видела, как он мысленно считает до десяти.

— Я не собираюсь спрашивать о том, где ты была, — сказал он мне, полнящимися предостережением словами. — Я не собираюсь говорить тебе, что это было глупо и безответственно, хоть не сомневаюсь, что именно так всё и было. Я спрошу у тебя — всего один раз, Кассандра — кто рассказал тебе об отношениях профессора и девушки?

Я тяжело вздохнула.

— Моего информатора зовут Дерек. Он работал с Эмерсон над групповым проектом в классе профессора Фогла. В группе было ещё двое студентов — девушка по имени Брайс и парень по имени Кларк.

Бриггс перевел взгляд на Дина.

— Что? — спросила я. В этом его взгляде крылось какое-то значение, но я не понимала, какое именно.

Бриггс зашагал к машине, а Дин ответил на мой вопрос.

— Мой отец сказал, что если мы ищем подражателя, то с профессором мы только тратим время.

Дин небрежно провел рукой по волосам, сжимая пальцы в кулак, и потянул за корни волос.

— Он сказал, что единственные действительно удивительные письма он получал от студента из этого класса.

Глава 22

К тому времени, как Бриггс наконец свернул к дому, тишина в машине разрывала меня на части. Дин не сказал и слова, с тех пор, как рассказал мне о письмах.

Мы хотели защитить тебя, — подумала я, надеясь, что он станет профилировать меня и поймет это.

Казалось бы, кто-то щелкнул выключателем, и Дин внезапно перешел в режим строгой изоляции. Он даже не смотрел на меня. И, что самое худшее, я знала, что сейчас он думал о дне, который мы провели вместе и о том, как он ошибался, решив всего на миг, что может подпустить кого-то к себе.

— Дин...

— Не надо, — его голос звучал не сердито. Он вообще никак не звучал.

Стоило Бриггсу припарковаться, я первой вышла из машины. Я зашагала к дому, но притормозила, увидев на подъездной алее груды развалин. Назвать эту груды метала машиной было бы ошибкой. У неё было всего три колеса, на ней не осталось краски, а на бампере красовалась ржавчина. Капот — если это можно было назвать капотом — был измят. Я узнала джинсы человека, склонившегося над двигателем. Поношенные, измазанные маслом джинсы.

Майкл?

Когда я только познакомилась с Майклом, он каждый день одевался по-разному, заставляя меня гадать, какой он на самом деле. Но этот Майкл — в джинсах и поношенной старой футболке, по локти залезший в старую машину — таким я его ещё не видела.

Он выпрямился, проводя рукой по лбу. Он мой взгляд, и всего на миг на его лице скользнуло напряжение.

Только не ты, — подумала я. Я не переживу, если Майкл тоже начнет на меня злиться.

— Я решил заняться реставрацией машин, — крикнул он, отвечая на незаданный мною вопрос, и даря мне надежду на то, что выражение, только что мелькнувшее на его лице, мне померещилось. — На тот случай, если что-то случится с моим Порше.

Я не упустила отсылки к моей предположительной угрозе.

Ты видел нас с Дином на кухне, — подумала я, оценивая происходящее с его точки зрения. — *Тебе надоело наблюдать за нами. Ты ушел...*

— Я — человек-загадка, — сказал Майкл, прерывая мои размышления. Он всегда замечал, что я профилирую его, и никогда не давал мне закончить. — А ты, — добавил он, оглядывая моё лицо, — почему-то грустишь.

— Все в дом! — рявкнул Бриггс.

Дин, ссутулившись, зашагал к дому, глядя прямо перед собой. Майкл проследил за движениями Дина, затем взглянул на меня. Я опустила взгляд и направилась к дому. На полпути к двери меня догнал Майкл. Он опустил руку на моё плечо.

— Эй, — мягко сказал он. Я остановилась, но не подняла на него глаз. — Всё хорошо?

— Я в порядке.

— Нет, не в порядке, — он провел рукой по моим напряженным плечам, а затем развернул меня лицом к себе. — Что натворил Дин?

— Ничего, — ответила я. Дин имел полное право злиться. Он имел полное право хотеть больше не иметь со мной ничего общего.

Двумя пальцами Майкл заставил моё лицо склониться к нему.

— Он что-то сделал, раз уж ты выглядишь вот так.

— Он ни в чем не виноват, — настойчиво сказала я. Майкл опустил руку.

— Не пойми меня неправильно, Колорадо, но мне начинает действительно надоедать наблюдать за тем, как ты оправдываешь его.

— Довольно, — Бриггс опустил одну руку на плечо Майкла, а вторую — на моё, и втолкнул нас обоих в дом. — Приведите Лию, — сказал он. — И Слоан. Чтобы через пять минут вы все были в гостиной.

— А не то, пеняйте на себя, — шепотом добавил Майкл.

— Пошевеливайтесь! — голос агента Бриггса сорвался на крик и мы с Майклом пришли в движение.

Пять минут спустя мы собрались в гостиной — Майкл, Лия, Слоан и я сидели на диване, Дин присел на край камина. Бриггс возвышался над нами. Стерлинг стояла в стороне и наблюдала.

— Скажите мне вот что: за время существования программы, хоть одному из вас было позволено допрашивать свидетелей? — голос Бриггса казался обманчиво доброжелательным.

Лия выслушала вопрос и обернулась ко мне.

— Серьезно, Кэсси, ты что, наименее скрытный человек на всей планете или ты специально попадаешься?

— Лия! — строго сказал Бриггс. — Отвечай на вопрос.

— Отлично, — произнесла Лия бархатным голосом. — Нет, нам не позволено разговаривать со свидетелями. Нам вообще ничего интересного не позволено. Нас запирают в этой метафорической башне, в то время как вы бегаєте и ловите плохих парней. Довольны?

— А выгляжу довольным? — вена на лбу Бриггса пульсировала. — Сегодня Дин ездил увидеться с отцом.

Ничего из сказанного Бриггсом не могло бы повлиять на Лию сильнее этих слов.

Её взгляд метнулся к Дину. Она буквально застыла.

— Дин прошел через ад, потому что я попросил его об этом, — немилосердно продолжил Бриггс. — Потому что это было необходимо для дела. Я хочу, чтобы его раскрыли точно так же, как и все вы, но я здесь не в игры играю.

— Мы не... — начала было я.

Бриггс прервал моё отрицание:

— Каждую секунду, проведенную мной здесь, чтобы убедиться в том, что вы не собираетесь брать ситуацию в свои руки и ставить под угрозу всё расследование, я мог бы провести, охотясь за убийцей. Прямо сейчас я должен отслеживать наводку о домике профессора, но вместо этого, я сижу здесь, потому что вам, видите ли, нужно напомнить о том, чем эта программа занимается, а чем — нет.

Лие наконец удалось отвести взгляд от Дина. Она развернулась к Бриггсу, из её глаз летели молнии, руки её сжались в кулаки.

— Значит это нормально: вычитывать нас за акт неповиновения, за попытку использовать наши способности, но при этом позволить этому сукину сыну играть с головой Дина в обмен на крошки информации?

— Хватит, — Дин повысил голос. Ему не стоило. Лия развернулась к нему. Несколько секунд они сидели неподвижно, глядя друг на друга.

— Нет, Дин. Не хватит, — Лия говорила мягко, пока снова не развернулась к Бриггсу. — Вы должны дать мне посмотреть запись допроса Рэддинга. И даже не пытайтесь сказать, что не записывали его. Вы записываете каждый свой разговор с этим мужчиной. Вопрос даже не в том, лгал ли он — вопрос в том, о чем именно он лгал, и мы оба знаем, что я — ваш лучший шанс узнать ответ на этот вопрос.

— Ты ничем не поможешь, — сказал Бриггс Лие. Он задержал на ней взгляд, и я осознала, что он не просто отверг её просьбу. Он говорил о том, что мы на самом деле никак не помогли ситуации, о том, что все наши действия только навредили Дину.

Может он и был прав, но я не могла избавиться от мысли, что Лия тоже была права.

Что если ей удастся увидеть в допросе что-то, что все мы упустили?

Телефон Бриггса зазвонил. Он ответил на звонок, поворачиваясь к нам спиной. Агент Стерлинг сделала шаг вперед.

Дин заговорил, прежде чем она раскрыла рот.

— Я буду держаться от этого подальше, — в его голосе не было никаких эмоций, а вот в его глазах скрывалась горечь. — Я же это так хорошо умею. Не вмешиваться, пока не станет слишком поздно.

Я подумала о букве «Р», выжженной на груди агента Стерлинг.

Бриггс положил телефон в карман и обернулся к Стерлинг.

— У нас есть возможное местоположение домика профессора.

— Тогда идите, — раздался за нашими спинами голос Джадда. Я гадала, как долго он стоял там. — Вы двое, выметайтесь, — сказал он Бриггсу и Стерлинг. — Может я и старый, но я могу позаботиться о том, чтобы ни один из этих негодяев и шагу не ступил за порог.

Мы — негодяи — и шагу не ступили за порог.

Мы собрались в подвале.

— Я хочу знать, откуда Кэсси узнала о том, что она рассказала Бриггсу, — сказал Дин. Я болезненно восприняла тот факт, что он говорил обо мне, но не со мной.

— Ну, а я хочу знать, с чего ты взял, что находиться в одной комнате с твоим отцом — не худшая из всех идей, — резко ответила Лия.

— Он что-то знал, — сказал ей Дин.

— Или он хотел, чтобы ты думал, что он что-то знает. Тебе не стоило туда ходить. А если ты решил идти, стоило взять меня с собой.

Лия развернулась к Дину спиной, и я поняла, что она была не просто зла. Ей было больно. Дин впервые за пять лет решил увидеться с отцом. И с ним поехала я, а не она.

— Лия, — мягко сказал Дин.

— Нет, — не оборачиваясь, выплюнула она. — Я присматриваю за тобой. Ты — за мной. В нём сложно разобраться, но это возможно, Дин. Я могла бы выслушать ваш разговор. Могла бы помочь.

— Ты не можешь помочь, — сказал ей Дин. Он снова перевел тему на изначальный вопрос. — Ты знаешь, откуда у Кэсси информация, не так ли, Лия?

— Конечно, знаю, — сказала Лия. — Это была моя идея! И мы вправе рисковать если захотим, Дин.

— Рисковать? — переспросил Дин, негромко и мягко. — Лия, что вы наделали?

— Они выскользнули из дома, — заговорила Слоан. Все мы обернулись, чтобы взглянуть на неё. Она была подозрительно молчалива с тех пор, как Бриггс собрал нас в гостиной. — Судя по моим расчетам, Кэсси не было два часа, сорок три минуты и семнадцать секунд. И на ней было всего две пятых платья.

— Слоан! — сказала я.

— Что? — отгрызнулась она. — Если не хотели, чтобы я всё рассказала, стоило взять меня с собой.

Я вдруг поняла, что мы обидели её. Я ведь даже не подумала спросить.

— В следующий раз, — сказала ей Лия.

— Не будет никакого следующего раза! — взорвался Дин. Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. — Прошу, скажите, что вы не поехали в институт.

— Мы не поехали в институт, — без запинки сказала Лия.

Несколько секунд Дин глядел на неё, а затем развернулся ко мне.

— Ты поехала в университетский кампус, зная, что там только что произошло убийство и в двух пятых платья отправилась на поиски людей, как-то связанных с убийцей.

— Если тебе станет от этого легче, — сказал Дину Майкл. — Я был с ними.

Дин замер. На секунду мне показалось, что он сейчас ударит Майкла.

— И с какой стати мне должно было стать легче?

— Потому что, — ответил Майкл с блеском в глазах. — Не будь там меня, Кэсси одна ушла бы куда-то с выпускником, явно испытывающим нездоровый интерес к делу твоего отца.

— Майкл! — возмутилась я.

— Кэсси! — Дин свирепо взглянул на меня.

Я решила бросить Лию на растерзание.

— Я хотя бы не ушла с двумя странными парнями из класса Фогла.

Дин развернулся к Лие.

— Понятия не имею, о чем она, — сказала Лия так невинно, как только могла. Дин возвел руки к небу.

— Вы все хотите умереть? — спросил он.

— Нет! — я не удержалась от возражения. — Мы все хотели помочь тебе.

Мне не стоило этого говорить. Мы не рассказали Дину, потому что не хотели, чтобы он чувствовал себя ответственным за наши действия. С того самого момента, как Дин вернулся после разговора с отцом, он отдалялся от нас, но это стало последней каплей.

Он ушел. Лия хотела было пойти за ним, но он сказал ей что-то, так тихо, что я не расслышала слов. Она побледнела, кровь отлила от её лица и она замерла, в то время как Дин зашагал прочь. После нескольких секунд шокированной тишины, Лия тоже сбежала.

Майкл взглянул сначала на Слоан, а потом на меня. Он зашагал к двери.

— Думаю, всё прошло хорошо.

Глава 23

В подвале остались только мы со Слоан.

— Я думала, тебе не позволено здесь находиться, — резко произнесла она. Напряжение в её голосе удивило меня, но затем я вспомнила о выражении её лица, когда она говорила о том, что мы сбежали из дома без неё.

— Мне и не позволено, — согласилась я.

Слоан не ответила. Она зашла в блок, напоминающий ванную, и замерла неподалеку от душа. Она гладела на него, словно меня здесь и не было.

— У нас всё хорошо? — спросила я.

Дин был в ярости. Майкл отправился в неизвестном направлении. Когда пыль уляжется, Лия, скорее всего, будет винить во всём этом беспорядке меня. Мне нужна была неунывающая, болтающая о статистике Слоан. Я не хотела остаться одна.

— У тебя всё хорошо и у меня всё хорошо. Следуя этой логике, у нас всё хорошо, — Слоан не отводила взгляда от душевого трапа. Несколько секунд спустя я поняла, что она считала — считала дырочки в трапе, плитку на полу.

— Мы не хотели бросать тебя, — сказала ей я.

— Я к этому привыкла.

Учитывая то, как работал мозг Слоан, она наверняка провела всю жизнь до программы в стороне от людей. Я была её соседкой по комнате, и ещё я было профайлером — я должна была знать это.

— Дин и мой друг, — Слоан говорила тихо, но сердито. Она подняла взгляд от пола, но не обернулась ко мне. — Я не умею вести себя на тусовках и вечеринках. Я всегда говорю глупости. Делаю что-то не так. Я прекрасно знаю это... Но даже числа — лучше, чем ничего, и если бы я пошла с вами, Лия не осталась бы одна, — Слоан замолчала и прикусила губу. — Она ведь даже не спросила, — она тяжело сглотнула. — Прежде чем появилась ты, Лия могла бы позвать с собой меня, — Слоан, наконец, обернулась ко мне. — Вероятность составляла всего шестьдесят девять и шесть десятых процента, но она правда могла позвать меня.

— В следующий раз, — сказала я Слоан. — Я позову тебя.

Слоан осторожно выслушала мои слова и кивнула.

— Теперь мы должны обняться? — спросила она.

Вопрос прозвучал непринужденно. Я обвила её плечи руками и стиснула её в объятиях.

— По статистике, — сказала мне Слоан, больше походя на обычную себя, — ванная — самая смертоносная комната во всём доме.

Я нашла Майкла за работой над машиной. Если точнее, я нашла его сжимающим в руках что-то наподобие электрического полировального станка и глядящим на машину со свирепым выражением лица.

— Джадд разрешил тебе поиграть с инструментами? — спросила я.

Майкл включил и выключил полировальный станок, словно пробуя, а затем улыбнулся.

— Джадд — здравомыслящий человек.

— Значит, он не знает, что ты играешь с инструментами? — заключила я.

— Никакой самоинкриминирующей информации, — сказал мне Майкл.

После короткой паузы я задала вопрос, ответ на который мне очень хотелось услышать.

— У нас всё хорошо?

— А почему у нас что-то может быть не хорошо? — Майкл включил электрический полировальный станок и попытался атаковать ржавчину на переднем бампере, заглушая наш разговор.

Я думала, что смогу оставить всё, как есть, но всё менялось само с собой. Между нами с Майклом. Между нами с Дином.

— Майкл, — сказала я так мягко, что он не должен был различить моих слов за грохотом инструмента.

Майкл отключил полировальный станок. Затем он обернулся ко мне. Я чувствовала себя голой под его взглядом, как чувствовала себя всегда, зная, что моё лицо выдает все мои эмоции. Почему он не мог быть обычным парнем, а не тем, кому хватало одного взгляда на меня, чтобы понять, что именно я чувствую?

— У нас всё хорошо, Кэсси. Просто за всей твоей невероятной порядочностью и восхитительной терпеливостью, тебе нужно хоть разок дать волю эмоциям. Может дважды. Или семь раз.

Он выплескивал своё разочарование во мне на свою машину.

— Между нами с Дином ничего не было, — сказала я.

— Я знаю, — ответил он.

— Между нами с Дином ничего не будет, — сказала я.

— Это я тоже знаю, — Майкл снова склонился над машиной. — И даже лучше, чем ты. Ты смотришь на Рэддинга и видишь всё, что вас связывает. А когда я смотрю на него, я вижу настолько яростного человека, что среди этой ярости нет места кому-то ещё.

Вдруг, я поняла:

— Поэтому тебе не нравится Дин.

— Потому что он не умеет встречаться с девушками? — хмыкнул Майкл. — Я почти уверен, что именно это его качество я и ценю больше всего.

— Нет, — сказала я, так и эдак вертя эту мысль в своём мозгу. — Потому что он зол, но сдерживает злость. — На месте Дина я бы тоже была в ярости. Я понимала, почему он не позволял себе выплескивать чувства, почему всеми силами боролся с этим. Он боялся, что стоит ему сорваться, и он не сможет остановиться. Но я никогда не думала о том, каково Майклу находиться рядом с кем-то вроде Дина.

Майкл взглянул на меня:

— Ты профилируешь меня.

Я пожала плечами.

— Ты всё время читаешь мои эмоции.

Он ненадолго замолчал.

— И что ты видишь?

Кажется, он только что дал мне что-то близкое к разрешению копаться в его голове.

— Ты вырос в доме, где всё казалось идеальным, имел всё, что только можно купить за деньги. Но в действительности всё было далеко не идеально, — об этом Майкл рассказывал мне, но я решила не останавливаться и на цыпочках забралась в опасные воды. — Ты научился читать эмоции, потому что твоего отца было сложно понять, а ты должен был знать, когда он был зол.

Майкл не ответил.

— Даже когда он улыбался или смеялся, ты должен был видеть, не сердится ли он, — я проглотила ком эмоций в моём горле. — Ты должен был сторониться его в такие моменты. Чтобы он не бил тебя.

— Когда-то Дин сказал мне что-то подобное, — Майкл скрестил руки на груди, не отрывая от меня взгляда. — Только он и подавно не старался быть таким приятным.

Когда мы с Майклом познакомились он совершенно не доверял профайлерам — и сильно недолюбливал Дина. Я никогда не задумывалась о том, что Дин мог как-то спровоцировать такое его поведение.

— Что он сказал тебе? — спросила я, чувствуя, как у меня пересыхает горло.

— Разве это имеет значение? — Майкл взглянул на дом. — У него ведь есть оправдание ужасным детством, не так ли? У него кажется есть карточка «освобождение из тюрьмы» из Монополии, — Майкл улыбнулся, но я видела надрыв в его улыбке. — Игра слов.

— Расскажи мне, — сказала я.

Майкл как ни в чем не бывало обошел вокруг машины, оглядывая её со всех сторон. Заговорил он вовсе не чтобы ответить на мой вопрос.

— Ярость, — небрежно произнес он. — Может, ты удивишься, Кэсси, но я не всегда хорошо на неё реагирую, — надрыв прокрался в его голос. — Вообще-то, у меня очень специфическая реакция на ярость.

Я подумала о каждом незаметном комментарии Майкла на тему дурной крови. Подумала о том, как Майкл позволяет Лие использовать его, чтобы разозлить Дина.

— Ты размахиваешь красным флагом перед быком.

— Если не можешь заставить их прекратить бить тебя, — произнес Майкл, — приходится напрашиваться на удары. Тогда ты хотя бы готов. Тогда им не застать тебя врасплох.

Теперь мне было легко представить, каково всё было, когда Майкл присоединился к программе. Он был совсем не рад этому, но зато ему больше не нужно было делить кров с бомбой замедленного действия. Но затем он приехал сюда и встретил Дина, у которого была сотня причин злиться и который боролся со своей яростью на каждом шагу.

— Однажды мы с Лией гуляли до рассвета, — Майкл никогда не скрывал их с Лией прошлого. Я была так сосредоточенна на картине, которую его слова рисовали передо мной, что не замечала ничего вокруг. — Поверь, к Дину это не имело никакого отношения. Но когда мы вернулись на утро, он поджидал нас, буквально дрожа от ярости, едва сдерживаясь.

Я практически видела всё это: Майкл вел себя, как Майкл, Лия вела себя, как Лия, оба они вредили себе, наслаждаясь хаосом и желанием слегка поиграть на нервах ФБР. Я видела Дина, беспокоящегося о Лие, проведенной всю ночь непонятно где с незнакомцем, которому у них не было причин доверять.

— Значит, ты сказал что-то, чтобы Дин оказался на грани, — я не была уверена, что хочу знать, что именно сказал Майкл.

— Я нанес метафорический удар, — сказал мне Майкл. — И Рэддинг ударил в ответ.

— Но не кулаками, — уточнила я.

Способности Дина так походили на мои собственные. Мы знали наверняка, что сказать, чтобы причинить человеку боль. Мы видели слабые места. А слабым местом Майкла был его отец. Одна лишь мысль о том, что Дин мог использовать это, чтобы сделать Майклу больно, заставила мой желудок скрутиться в узел.

— Я врезал ему, — добавил Майкл обыденным тоном, словно говорил о погоде.

Он шагнул ко мне, улыбаясь своей привычной улыбкой.

— Знаешь, я всё понял.

— Понял что?

— Ты, Рэддинг. Я понял. Я понял, что он проходит через многое, и ты должна быть рядом. Такая уж ты, Кэсси. Заботишься о людях. Ты должна помогать. Поверь, я стараюсь не вмешиваться и позволять тебе делать то, что ты должна. Но это не так уж и просто, — Майкл отвел от меня взгляд и снова поднял шлифовальный станок. — У меня не слишком много практики в благоприличии. Я в этом не так уж хорош.

Прежде чем я успела ответить, Майкл включил шлифовальный станок, заглушая звуки ночи. Несколько минут я просто стояла там, наблюдая за ним. На подъездную аллею свернула машина агента Стерлинг. Было довольно темно, так что я не смогла различить её осанки или выражения её лица, но пока она шагала через лужайку, Майкл склонил голову набок. Он выключил станок.

— Что? — спросила я.

— Она явно несчастлива, — сказал он мне. — Идет быстро, но в её шагах нет упругости, руки прижаты к телу. Судя по всему, исследование домика профессора прошло не так удачно, как ей бы того хотелось.

У меня упало сердце. Я вдруг отчетливо различила звук моего собственного дыхания и сердцебиения.

Теперь настала очередь Майкла спросить:

— Что?

Я была так заиклена на Дине, будучи по другую сторону стекла в комнате для наблюдения, что я не слишком много задумывалась о его отце. Я не особенно вслушивалась в сказанные им слова. Но теперь я могла думать лишь о том, что — благодаря цене, уплаченной Дином — Рэддинг наконец дал ФБР наводку на место, где мог скрываться профессор.

Будучи «организованным» убийцей, Дэниел Рэддинг преуспел в играх разума. Он умел вводить людей в заблуждение. Он умел захватывать власть. Если бы он хоть на миг подумал, что профессор был убийцей, он ни за что не рассказал бы Бриггсу о том, где его найти. Рэддинг мог рассказать Бриггсу о местоположении профессора лишь при одном условии — благодаря полученным им письмам, он понимал, что найдя профессора, Бриггс — и Стерлинг, и все остальные агенты ФБР, поймут, что они далеко не так умны, как им хотелось бы.

Ведь действительно чудесные письма он получал только от студентов.

Когда я не ответила, Майкл окликнул агента Стерлинг:

— Была облава на домик профессора?

Она не произнесла ни слова. Она лишь зашла в дом и захлопнула за собой дверь. И тогда я поняла, что я оказалась права.

— Никакой облавы не было, — сказала я Майклу. — Думаю, они нашли профессора, — сглотнула я. — Мы должны были догадаться.

— Догадаться о чем?

— Думаю, они нашли профессора, — повторила я. — Но наш Н.О. нашел его первым.

Ты

Профессор был проблемой. Но ты решил проблему. Всё было сделано быстро и чисто — одна единственная пуля в голову. И пусть в этом не было артистизма, не было методичности, ты проявил инициативу. Ты был готов, тебе удалось сделать то, что должно было быть сделано.

Теперь ты чувствуешь себя сильным, и ты гадаешь, всего какой-то миг, не лучше ли это. Пистолеты и небольшие аккуратные пулевые отверстия, счастье оказаться тем, кто спустит курок. Ты мог бы отправить следующую девушку в отключку, связать её, завести в какое-нибудь Богом забытое место. Ты мог бы позволить ей затеряться в лесу. А затем отследить её, поймать её на прицел.

Ты мог бы спустить курок.

Одна лишь мысль об этом заставляет твое сердце биться о ребра. Схвати их. Освободи их. Выследи их. Убей их.

Нет. Ты заставляешь себя не думать об этом, заставляешь вытряхнуть из головы звук босых ног прорывающихся сквозь кустарник — удирающих от тебя. Существует план. Приказ. Куда более важное дело.

И ты подчинишься ему. Пока что.

Глава 24

Стерлинг и словом не обмолвилась о профессоре. Дин не разговаривал ни с кем из нас. Жизнь в одном доме с этими двумя — и с уязвимой, закипающей от ярости Лией — походила на танцы на минном поле. Я чувствовала себя так, словно всё могло взорваться в один миг.

А затем появился директор Стерлинг.

В последний раз, директор ФБР появился в этом доме, сразу после похищения дочери сенатора.

Его появление не сулило ничего хорошего.

Директор, Стерлинг и Бриггс заперлись в офисе Бриггса. Сидя на кухне, я не могла разобрать их слов, но каждые несколько минут кто-то повышал голос.

Сначала Стерлинг.

Затем Директор.

Бриггс.

Наконец, повисла тишина. А потом они пришли за нами.

На протяжении последних суток Бриггсу и Стерлинг пришлось несладко. Бриггс выглядел так, словно он спал прямо в одежде. Стерлинг стиснула зубы. Её рубашка была застегнута под горло. Как и её пиджак. Учитывая то, что она использовала одежду, как доспехи, эти изменения подсказали мне, что она готовится к бою.

— Триста семь, — хмуро произнес директор, оглядывая каждого из нас. — Именно столько студентов в классе Фогла о серийных убийствах. Сто двадцать семь девушек и сто восемьдесят юношей, — директор Стерлинг сделал паузу. Когда мы впервые встретились, он напомнил мне чьего-то дедушку, но теперь в нём не осталось ничего подобного. — У нас очень много подозреваемых, а я привык использовать все свои ресурсы.

Директор Стерлинг привык делать всё, чтобы удержаться на своей должности. Натыкаясь на проблему, он анализировал каждое возможное решение: сравнивал цену с выгодой, риск с вознаграждением.

В этом деле, он взвешивал риск, вероятность разрушить расследование и разоблачить программу «Естественных» в сравнении с потенциальной выгодой использования всех его «ресурсов» для поимки убийцы.

Я подумала о Джадде и о его разговоре о скользкой дорожке.

— Нам под страхом смертной казни запретили приближаться к этому делу, — Лия улыбнулась, словно хищник, играющий с добычей. Ей не нравилось, что мы попались, не нравилось, что ей сказали держаться от дела подальше, и она была в ярости из-за того, что Дин даже не глядел на неё.

— Я так понимаю, вы переосмыслили некоторые решения?

Лия не сводила глаз с Бриггса, но, в отличие от неё, я наблюдала за агентом Стерлинг. Сегодня утром она неспроста оделась, словно на битву. О чем бы нас не собирався попросить директор, его дочь была против.

— Риск был сведен к минимуму, — четко произнес директор. — А учитывая недавние события, я считаю, что найдя вам занятие, мы сможем держать вас подальше от проблем.

Судя по всему, директор знал о нашей небольшой поездке в Колониальный Университет.

— Вы пятеро не будете опрашивать свидетелей, — руки Бриггса были расслаблены, он по очереди оглядел каждого из нас. — Вы не попадете на места преступлений, — Бриггс перевел взгляд на Лию. — И не будете анализировать допросы Дэниела Рэдинга.

Я не была уверена в том, что же нам оставалось.

— Ваша вовлеченность в это дело начинается и заканчивается на социальных сетях, — Бриггс обернулся к Стерлинг, выжидая. Всего на миг мне показалось, что сейчас она развернется на каблуках и выйдет из комнаты, но она этого не сделала.

— Наше предварительное профилирование показало, что Н.О. — мужчина, — голос Стерлинг был ровным и абсолютно спокойным, но я понимала, что она вот-вот сорвется. Чем сильнее она ближе она была к тому, чтобы слететь с катушек, тем более спокойной она казалась. — Рэдинг предположил, что мы можем иметь дело со студентом. Я бы сказала, что Н.О. от двадцати трех до двадцати восьми лет. Он исключительно умен, но не обязательно образован. Хотя откуда мне знать? — её голос надломился.

— Спасибо, агент Стерлинг, — вмешался директор. Он развернулся к нам. — Благодаря сотрудничеству университета мы получили копии расписаний и табелей всех учеников из этого класса. Но это не дает нам понять того, кто они и на что способны. Вот тут-то вы и вступаете в игру.

— Социальные сети, — перебила его Слоан, повторяя ранее сказанные Бриггсом слова. — Ежедневно на подобные сайты загружают более трех сотен миллионов фотографий. Обладатели смартфонов во внешней и возрастной категории нашего Н.О. около шестидесяти-восьмидесяти

процентов от всего времени используют телефоны не в социальных сетях, а для словесного общения.

— Именно так, — сказал ей директор Стерлинг.

— У нас не хватает человек, чтобы просмотреть каждый пост, а даже если бы и хватало, вы можете заметить что-то, что упустила команда Бриггса. Мы не просим вас сделать ничего такого, чем бы ежедневно не занимались подростки по всей стране, — произнося эти слова, директор не смотрел на нас. Он смотрел на свою дочь. — Вы — подростки. Эта интернет-ерунда — ваш родной язык.

— И вы не против этого? — приподнимая бровь, спросил Майкл у агента Стерлинг. Я не заметила в выражении её лица никаких перемен, но Майкл, видимо, разглядел что-то. — Вам это не нравится, — расшифровал Майкл, — но в то же время, вы не убеждены в том, что идея плохая, хоть вам и хотелось бы, — Майкл улыбнулся своей божественной улыбкой. — Мы интересуем вас всё больше и больше.

— Довольно, Майкл, — Бриггс перевел тему с агента Стерлинг на дело. — Профайлеры считают, что если наш Н.О. был зачислен в класс Фогла, он должен быть одним из старших студентов — может он и не третьекурсник или выпускник, но он должен быть где-то в этом возрастном диапазоне. Скорее всего, он родом из семьи среднего класса, живет дома и каждый день ездит в кампус.

Агент Стерлинг переплела свои пальцы между собой. Она считала нижней границей двадцать три года. Бриггс только что опустил её ещё на год или два.

— Вероника? — позвал директор.

— Мы ищем человека, которому нравится доминировать, хоть он и не полностью уверен в том, что способен на это, — после нескольких секунд ощутимой тишины произнесла агент Стерлинг. — Его отец был непостоянным и, вероятно, ушел из семьи, стоило нашему Н.О. повзрослеть. Его мать встречалась со множеством мужчин, но не вышла замуж, пока Н.О. не исполнилось как минимум восемнадцать. Н.О. умеет обращаться с огнестрельным оружием. У него не будет девушки или супруги. Вполне вероятно, что он водит темный грузовик или внедорожник, и ещё у него есть собака, крупной породы, вроде немецкой овчарки.

Я привыкла к профилированию. Идти от обратного — пытаться догадаться, какие именно улики заставили Стерлинг прийти к таким выводам — было куда сложнее. Темный внедорожник и большая собака намекали на нужду власти и доминирования. Я не была уверена в том, откуда он узнала об огнестрельном оружии — разве что профессора застрелили? — но в убийстве Эмерсон должно было быть нечто такое, что могло бы подтвердить нужду в контроле и недостаток уверенности убийцы. Демонстрация тела и методичность, с которой был убита Эмерсон указывали на то, что мы имеем дело с «организованным» убийцей. Так же подтолкнуло Стерлинг на мысль о недостатке уверенности в себе?

Копирование почерка другого убийцы? Выбор жертвы? Может Н.О. напал со спины? Или накачал девушку наркотиками?

Я старалась разгадать, как Стерлинг удалось прийти к таким заключениям, но работать с крошками информации было всё равно, что пытаться плыть с привязанными к коленям шлакоблоками и белкой в кармане. Я видела тело Эмерсон в новостях, но этого было мало.

— Как убили профессора? — спросила я.

Директор, Стерлинг и Бриггс одновременно обернулись ко мне. Как и Дин. Я с опозданием поняла, что никто не говорил нам о смерти профессора. Мы не должны были знать об этом. Это была всего лишь догадка.

Судя по их реакции, я попала в яблочко.

— Вам не нужно знать деталей, — коротко ответил Бриггс.

— Рассматривайте это как ещё одно упражнение. Найдите в интернете всё что только можно на каждого ученика в списке класса. Проверьте изменения в статусах, лайки или чем там в наше время занимаются детишки и дайте нам знать, если найдете что-то подозрительное.

Лия сузила глаза, глядя на Бриггса.

— Вы думаете, что мы ничего не найдем, — она подчеркнула слова, барабаня пальцами о быльце дивана. — Любопытно.

— Вы думаете, что Н.О. не студент, — подхватил Дин. — Но вы не можете исключить эту возможность, потому что именно этим и занимается мой отец: он выдает крошки правды, маскируя их под ложь.

Дин взглянул на Стерлинг, затем на Бриггса.

— Он хочет, чтобы вы на каждом шагу сомневались в своих инстинктах.

— Я ни в чем не сомневаюсь, — возразил Бриггс, в то время как мышцы на его подбородке напряглись. — Если его слова о студентах — не ложь, появятся хоть какие-то намеки на это. А если так, вы пятеро найдете их.

— А если это пустышка, — сказал Дин, договаривая недосказанное. — Вы не потратите своего времени.

Каждый час, что мы проведем в социальных сетях, команда Бриггса сможет потратить на отслеживание зацепок. Вот, почему ты согласился на это, — подумала я, концентрируясь на Бриггсе. — *Если Рэддинг солгал, вы ничего не потеряете. Так или иначе, приказы отдает не он, а ты.*

Я думала о словах Дина о жажде Бриггса к соперничеству и о том, что Джадд сказал о пересечении черты. *Вы все хотели, чтобы мы держались подальше от всего этого,* — подумала я. — *Но потом вы нашли тело профессора.*

— Дин, если не хочешь участвовать в этом деле, ничего страшного, — директор слегка улыбнулся, поправляя костюм.

— Вы хотите сказать, что вы бы хотели, чтобы я в нём не участвовал, — Дин всё ещё ссутулившись стоял у камина, но теперь он поднял глаза, чтобы встретиться с глазами директора. — Потому что оно «слишком близко касается меня», но на самом деле, потому что вы не доверяете мне, — Дин немного подождал, но директор не возразил. — Не с этим делом, — продолжил Дин. — Не с моим отцом, — он встал. — Не с вашей дочерью.

Глава 25

Ты убил Эмерсон Коул. Ты убил профессора. И тебе это понравилось.

Эти слова не покидали моей головы, на протяжении моей интернет-одиссеи. Вокруг меня Майкл, Лия и Слоан не отрывались от своих ноутбуков. Отсутствие Дина было почти физически ощутимо.

Я постаралась сосредоточиться на описании, составленном агентом Стерлинг. *Двадцать с небольшим,* — напомнила я себе. — *Каждый день ездит на учебу. Живет без отца. Возможно, за последние несколько лет у него появился отчим. Хорошо управляется с огнестрельным оружием.*

Чаще всего люди не писали о подобном в социальных сетях. Основываясь на том, что любил человек — любимые книги, любимые фильмы, любимые цитаты — я могла понять суть его характера. Но наиболее надежная информация затаилась в фотографиях и статусах. Как часто их меняли? Общались ли они с друзьями? Встречались ли они с кем-то?

Слоан изобрела своеобразную методику сканирования фотографий, на предмет наличия темных грузовиков или внедорожников, но меня куда больше интересовали истории, которые могли поведать снимки.

Загруженные другими людьми фотографии давали мне беспристрастно взглянуть на человека. Насколько он уверен в себе? Стоит в центре групповых фотографий или с краю? А может он делает на каждой фотографии одинаковое выражение лица, сознательно контролируя, что он показывает миру? Смотрит в камеру или в сторону? Какую одежду предпочитает? Где были сделаны снимки?

Шаг за шагом мне удавалось с самого начала создать своеобразную модель человеческой жизни — а это было бы куда более полезно, если бы я действительно профилировала Н.О., а не копалась в списке подозреваемых.

Ладно, — сказала я себе, когда от огромного количества аккаунтов, всего парочка из которых показалась мне интересными, мир начал расплываться у меня перед глазами. — *Стерлинг и Бриггс рассказали нам о нескольких ключевых деталях. Так делай то, что делаешь всегда. Возьми горстку деталей и найди общую картину.*

Стерлинг считала, что Н.О. был молод, но не был подростком. Почему? Его первой жертвой стала второкурсница. Человек, отчаянно желающий доминировать над другими начал бы с легкой добычи — смеющейся, улыбчивой девушки, которая не заподозрила бы подвоха. Он должен был быть хотя бы на пару лет старше девушки, а взглянув на профиль Эмерсон, я узнала, что ей было двадцать — вот вам и нижний придел возрастной группы убийцы, определенный Стерлинг. Но как она поняла, что убийца не был мужчиной постарше, вроде профессора?

Ты имитировал убийства другого человека.

Ты восхищаешься ним. Ты хочешь походить на него, — я позволила этой мысли осесть в моем мозгу. — Но, кроме этого, ты рисковал быть пойманным, демонстрируя убийство в общественном месте — Дэниел Рэддинг никогда не поступил бы так. Ты принес с собой черную веревку, чтобы повесить её, но удушил её тросом из её собственной машины.

Судя по тому учебнику, что читали мы с Дином, мы имели дело с «организованным» убийством, но было в нём и что-то неорганизованное. Нападение явно было спланировано, но некоторые факты указывали на импульсивность.

Ты заранее решил оставить её на газоне ректора? Или ты пришел к такому решению, когда в твоей крови начал бурлить адреналин? Оставляя тело жертвы в общественном месте, ты хотел, чтобы о тебе узнали. Но кто? Люди? Пресса?

Дэниел Рэддинг? Ты не мог отмахнуться от такой возможности, и, каким-то чудесным образом, остальные части рассказа Стерлинг начали приобретать смысл. Импульсивный подражатель, идеализирующий Рэддинга, должен был быть моложе него, на десять лет или около того.

Ты чувствовал себя бессильным и восхищался его властью. Ты чувствовал себя невидимкой и хотел, чтобы тебя заметили. Внедорожники и грузовики — большие машины. Они возвышаются над другими машинами на дороге. Не маленькими были и немецкие овчарки. А ещё они были умны и сильны — и чаще всего, они были полицейскими собаками.

Ты хотел не только власти. Ты хотел иметь авторитет, — подумала я. — Ты хотел всего этого, потому что у тебя никогда не было ничего подобного. Потому что авторитетные люди вокруг заставляли тебя чувствовать себя слабым. Но ты не был слаб, убивая Эмерсон.

Я подумала о профессоре и снова пожалела, что не знаю подробностей его убийства. *Если ты учился в классе Фогла, ты восхищался профессором — поначалу. Но со временем, ты понял, что он лишь болтает и ничего не делает. Не уделяет тебе внимания. И слишком уж много внимания уделяет Эмерсон.*

Жертвами «организованных» убийц зачастую становились незнакомцы, что значительно сокращало шансы их отследить. Но я чувствовала, что смерть двух любовников — Эмерсон и профессора — не могла оказаться совпадением.

Они стали жертвами не случайно.

Их выбрал не незнакомец.

— Эй, Слоан?

Слоан не оторвала взгляда от компьютера. Она подняла правый указательный палец, как бы прося меня подождать, и продолжила печатать левой рукой. Через несколько секунд, она прекратила печатать и взглянула на меня.

— Ты могла бы сравнить расписание других студентов с расписанием Эмерсон и посчитать совпадения? — спросила я. — Думаю, если наш Н.О. был заиклен на Эмерсон, они могли ходить вместе не только в один класс.

— Конечно, — Слоан даже не пошевелилась, чтобы взять какие-либо бумаги. Она просто сидела, прижав ладони к коленям и широко улыбаясь.

— Так ты могла бы сделать это? — повторила я.

Она снова поняла правый указательный палец.

— Я делаю это прямо сейчас.

У Слоан была невероятная память. Благодаря этим способностям она смогла отстроить сцену преступления, а теперь благодаря им же ей не понадобилось перечитывать информацию, чтобы проанализировать её.

— Эмерсон изучала английский, — выпалила она. — Курс профессора Фогла был её факультативным предметом. Все остальные предметы относились к её специальности, не считая геологии, которая, как мне кажется, восполняла её естественную нужду в науке. Остальные студенты в классе Фогла учились психологии, введению в право или социологии, так что у них было всего несколько общих уроков с Эмерсон. Не считая двух студентов.

Если мои инстинкты не подвели меня, если Эмерсон в действительности была убита не случайно, то мне было жутко интересно, кем были эти двое.

Слоан ловко перебрала стопку папок и передала мне две.

— Брайс Андерсон и Гэри Кларксон.

Услышав имя Брайс, Майкл оторвался от своих дел.

— Брайс не упоминала о том, что у них с Эмерсон были другие общие уроки.

Я вернулась к своему компьютеру и нашла аккаунт Гэри Кларксона. В отличие от страничек большинства его одноклассников, эта оказалась частной, так что я смогла увидеть только фото профиля.

— Гэри Кларксон, — произнесла я, разворачивая мой компьютер так, чтобы всем было видно. — Так же известен под именем Кларк.

Кларк знал Эмерсон. Он знал, что она спит с профессором. Он был зол. А теперь мы смотрели фотографию, на которой он, в оранжевой охотничьей жилетке, сжимал ружье.

Глава 26

Ты записался в большинство классов Эмерсон, — даже не задумываясь, я проскользнула в голову Кларка. — Тебе нравилось наблюдать за ней. Она была мила с тобой. Ты считал её идеальной. Но что, если ты узнал, что это было не так?

— Что-то нашла? — с другого конца комнаты спросил Майкл.

Я прикусила нижнюю губу.

— Возможно.

Я с легкостью могла представить Кларка, преследующим Эмерсон. Но мне казалось, что напади он на неё, всё будет сделано куда неряшливее. Только вчера я думала об этом: если бы Кларк был убийцей, он был бы «неорганизованным». Но Эмерсон была убита не в порыве эмоций. Н.О. никогда не терял контроля.

И всё же...

Мои размышления прервал телефонный звонок. Мне понадобилась пара секунд, чтобы узнать мой собственный рингтон. Я потянулась за телефоном, но меня опередила Лия. Она схватила его, держа его вне зоны досягаемости.

— Отдай, Лия.

Словно не услышав моих слов, она развернула телефон так, чтобы я увидела имя звонящего. На экране высветились слова «Аспирант Джефф». Что за... Он оставил мне свой номер. Я забила его в телефон, но ведь я не оставляла ему своего.

— Вы двое переписывались, — сообщила меня Лия. — И вы неплохо ладите.

Я мысленно напомнила себе сменить пароль на телефоне.

— Посмотрим, что он хочет сказать?

Не дожидаясь ответа, Лия ответила на звонок.

— Джеффри. Я как раз думала о тебе, — она улыбнулась в ответ на его какие-то его слова и включила громкую связь, а затем опустила телефон на журнальный столик, провоцируя меня повесить трубку.

Я не сделала этого.

— Ты слышала о профессоре? — серьезно спросил Джеффри. — Об этом говорят в новостях.

Так история о смерти профессора выплыла наружу.

— Должно быть, тебе очень тяжело, — произнесла Лия, забрасывая ноги на журнальный столик. Её голос был насквозь пропитан пониманием, но она подчеркнуто закатила глаза.

— Ты и представить себе не можешь, — ответил Джеффри. — Профессор не заслуживал этого.

А Эмерсон заслуживала? — я едва удержалась от вопроса.

— Сначала та девушка, теперь профессор, — сказала Лия, звуча точь-в-точь как поклонница трагедий, готовая выслушать каждое слово Джеффри. — Как думаешь, кто это сделал?

— Мы имеем дело с одним из тех, кого я называю «организованными» убийцами, — провозгласил Джеффри. — Такие, как он невероятно умны и их очень сложно поймать.

Даже не знаю, что смутило меня больше: тот факт, что Джеффри вел себя так, словно именно он изобрел термин «организованный убийца» — учитывая то, что он едва ли понимал его истинное значение — или то, что «невероятно умным» он, скорее всего, назвал бы самого себя.

— Думаю, теперь, когда Фогла больше нет, мне придется руководить классом, — добавил Джеффри. — Понятия не имею, что станет с его книгой «Свяжи их, заклейми их, режь их, повесь их: История Дэниела Рэдинга».

Джеффри не удержался от соблазна упомянуть название книги. Слушая его болтовню, я думала о том, как выглядел Дин, произнося эти же слова: невидящий взгляд, бледное лицо.

— Думаешь, это мог сделать кто-то из класса? — спросила Лия. — Вашего класса?

Ей так хорошо удавалось менять тему разговора, что Джеффри даже не заметил этого.

— Если бы в классе учился кто-то с потенциалом к вещам такого рода, — самодовольно произнес Джеффри, — думаю, я узнал бы об этом.

Выслушав эти слова, я первым делом подумала о том, что он наверняка был уверен в том, что узнал бы убийцу. Но от следующей мысли мне стало дурно. Он назвал это «потенциалом».

«Потенциал» в значении возможности или «потенциал» в значении таланта?

— Что насчет парня с лучшими оценками в классе? — Лия снова незаметно подтолкнула Джеффри.

— Быть такого не может, — усмехнулся Джеффри. — Гэри как-то там. Он и мухи не обидит.

Гэри Кларксон. Или Кларк. Я не думала, что он отличник, и это обеспокоило меня. Может он всё-таки был не против планирования, может он был куда более организованным, чем мне казалось.

Внезапно Лия подхватила телефон и повесила трубку. Это неожиданное движение вырвало меня из размышлений, и я проследила за её взглядом. В дверном проеме за моей спиной стоял Дин.

Он никак не прокомментировал услышанное. Он не стал угрожать рассказать Бриггсу о том, что мы нарушили правила. Снова. Он просто развернулся и тяжело зашагал вниз по лестнице.

Я выхватила у Лии телефон. Она даже не пыталась остановить меня. Он зазвонил. Я ожидала очередного звонка от Джеффри, но это был не он.

— Я должен кое-что с тобой обсудить, — не поздоровавшись, произнес Бриггс.

— А я — с вами, — ответила я. — Гэри Кларксон. Он умеет обращаться с оружием, ходил с Эмерсон на одни и те же занятия и был отличником в классе Фогла, — какой-то миг я колебалась, но затем добавила: — А ещё вам стоит проверить аспиранта профессора.

ФБР не дали нам файла Джеффри, и это явно было недочетом с их стороны. Пусть он не учился в этом классе, но он учился в этом университете — а ведь отец Дина так любил говорить нечто обманчивое, но в тоже время правдивое.

— Я проверю их, — пообещал Бриггс, — но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты нашла всё, что можешь на Конрада Мэйлера. Он — выпускник, два года назад учившийся в классе Фогла.

— И почему же я ищу информацию о нём?

На другом конце провода повисла тишина.

Всего на миг, мне показалось, что Бриггс не ответит на мой вопрос, но после недолгого молчания, он заговорил.

— Именно он слил в интернет видео с места преступления.

Бриггс произнес это предложение так, чтобы я поняла — никаких больше расспросов.

— Ладно, — сказала я. — Конрад Мэйлер. Ясно.

Двадцать минут спустя я нашла всё, что вообще можно было найти в интернете на Конрада Мэйлера. Он учился на выпускном курсе факультета журналистики. Он слушал только инди музыку. Его любимыми фильмами были документальные. Он вёл блог, в котором оставлял едкие отзывы о разнообразных реалити-шоу. Судя по его аккаунту, он ходил в частную старшую школу и на полставки работал на студенческой радиостанции.

Его семейным положением было «всё сложно».

Его девушкой была Брайс Андерсон.

Твоё имя всплывает снова и снова, — я представила знакомую мне блондинку. Однажды я уже ошиблась, решив, что Н.О. должен быть мужчиной. И не важно, что на этот раз подсказывали мне инстинкты — я не могла рисковать очередной ошибкой.

Пролистывая статусы и записи Конрада, было сложно не догадаться, что он считал себя журналистом. Скорее всего, он заявлял, что заснял тело Эмерсон на видео и слил его в сеть потому, что у людей было право знать. Я почти удивилась, что он не запостил его в своем собственном профиле.

Словно в ответ на мои размышления, страничка обновилась. Конрад отправил новое видео. Готовясь к худшему, я включила его, но вместо трупа, я увидела толпу студентов, рассеявшихся на деревянных стульях. Временная отметка на видео показывала 7:34 утра.

— Однажды профессор Джордж Фогл сказал, что назначая начало урока на 7:30 утра, он хотел отделить тех, кто учился у него шулки ради от тех, кто действительно хотел учиться криминологии, — камера показала комнату, и я узнала аудиторию.

Я бывала там раньше.

— Три дня назад триста семь студентов сдали первый экзамен по курсу «Чудовище или человек». Тем же утром триста восьмая студентка, Эмерсон Коул, была найдена мертвой.

— Нет белого шума, — сказала Слоан, подсаживаясь ко мне. — Кто бы ни записывал речь, у него явно есть приличное оборудование. А вот видео было снято на какой-то смартфон. Разрешение как минимум 1080, а может и выше.

Видео перешло от сцены в аудитории к уже знакомым нам кадрам — видео с телом Эмерсон. Рассказчик продолжил, но я выключила видео.

— Я бы спросил, серьезно ли этот парень занимается всем этим, — сказал Майкл, присоединяясь к нам, — но я и так знаю, что он серьезно. Он считает, что вот это — передовой журнализм. На его страничке в интернете.

— Он не убивал Эмерсон, — устало произнесла я. Конрад не подходил под описание. У нашего убийцы не было язвительного блога. И девушки вроде Брайс у него тоже не было — даже если у них «всё сложно». И человек, убивший Эмерсон, выставивший её тело напоказ, словно пёс, приносящий хозяинудохлую птичку, не начал бы этот «репортаж» с кадров из класса. Для нашего Н.О. класс не имел никакого значения.

— Включи снова, — приказала Слоан. — С самого начала.

Я послушалась. Слоан мягко подвинула меня в сторону и захватила мой ноутбук, используя клавиши быстрого доступа, чтобы ставить видео на паузу, включать его и снова ставить на паузу.

Её глаза исследовали экран.

— Голос за кадром прав, — наконец произнесла она. — В классе триста семь учеников, сдающих экзамен. Включая твоего подозреваемого, — сказала она мне, указывая на лицо, которое было сложно не узнать — круглое, с уставшими глазами — он сидел в третьем ряду. Кларк. Его место было в нескольких метрах от Брайс, за Дерекком.

— Кто снимал экзамен? — спросила я. — И зачем?

— Не знаю, — Слоан высунула язык от напряжения. — В новостях было сказано, что тело Эмерсон было найдено рано утром, — наконец сказала она. — Вопрос в том, насколько рано?

Я проследила за направлением её мыслей.

Судя по временной отметке, эти кадры были засняты в 7:34 утра.

— Время смерти, — я, наконец, вслух произнесла очевидное. — Нам нужно время смерти.

Слоан схватила мой телефон и по памяти набрала номер. Когда никто не ответил, она позвонила снова. И снова. И снова.

— Что? — от гнева голос Бриггса прозвучал так громко, что даже я расслышала его.

— Считается, что невозможно говорить громче семидесяти пяти децибел, — Слоан шмыгнула носом. — Думаю, это называют «криком».

Я не расслышала ответа Бриггса.

— Эмерсон Коул делали вскрытие? — прижимая телефон к уху плечом, Слоан распустила волосы и снова стянула их в хвостик. — Нам нужно время смерти. И причина смерти тоже пригодилась бы.

Я была абсолютно уверена в том, что Бриггс не захочет рассказывать этого. Между тем, чтобы профилировать студентов через социальные сети и узнавать подробности засекреченного вскрытия, была кое-какая разница.

— Семьдесят восемь децибел, — сказала Слоан, не замечая отрицаний Бриггса. — И нам всё ещё нужно время смерти, — она сделала паузу. — Потому что, — сказала Слоан, произнося каждое слово так, словно она разговаривала с маленьким, глупым ребенком, — мы сейчас сидим и смотрим видео, снятое в 7:34 тем самым утром. И если я правильно помню карту кампуса — а вы знаете, что это так — аудитория Дэвиса в двадцати пяти минутах ходьбы от дома ректора. А значит, если а) Н.О. присутствовал во время смерти Эмерсон Коул и б) она умерла между 7:25 утра и окончанием экзамена, у всех до единого студентов в этом классе есть алиби.

На этот раз Слоан молчала дольше. Она повесила трубку.

— Что он сказал? — спросил у неё Майкл.

Слоан закрыла свой ноутбук и оттолкнула его.

— Он сказал, что тело нашли в 8:15 утра. Время смерти — 7:55.

Глава 27

Временная метка на видео была подтверждена. Теперь нам было наверняка известно, что в то время как неизвестный душил Эмерсон Коул, ученики из класса профессора Фогла писали промежуточный экзамен в аудитории Дэвиса.

ФБР отследило отправителя видео, которым оказался наш добрый друг аспирант Джефф, объяснивший, что профессор Фогл всегда записывал экзамены на видео, чтобы никто не смог написать работу за другого. В полном варианте видео также имелись крупные планы с каждым сдающим работу студентом. Все до одного из 307 потенциальных подозреваемых — 308, если считать Джеффри — присутствовали на экзамене.

Их алиби оказалось непроверяемым.

— Я ведь сказала Бриггсу, что он должен позволить мне посмотреть запись допроса Дэниела Рэддинга, — Лия с силой хлопнула дверью морозилки, а затем принялась срывать злость на буфете, в котором хранилось столовые приборы. Она распахнула его так, что его содержимое забренчало. — Мы отслеживали несуществующую наводку, потому что никто не дал мне объяснить им, когда этот бездушный, лживый кусок...

Лия как никто умела в красках описывать отца Дина. И я была согласна с каждым её словом. Я скользнула к ней и вынула из ящика две ложки. Одну из них я протянула Лие. После долгого замешательства, она взяла её. Затем она подозрительно взглянула на ложку в моей руке.

— Ты поделишься мороженым, — сказала ей я. Она покрутила ложку, в то время как я гадала, не планирует ли она меня прикончить. — Дин не разговаривает и со мной, — продолжила я. — И я сержусь ничуть не меньше тебя. Вся наша работа — всё, что мы старались сделать — всё это было зря. Н.О. не учился в том классе. Плевать, что Джеффри не умеет сочувствовать и в восторге от «стороны зла», плевать, что Кларку нравилась Эмерсон и что он сдерживает ярость. Всё это неважно, потому что никто из них не убивал Эмерсон.

ФБР позволило нам гоняться за призраками, пойдя на поводу у психически больного отца Дина. И я чувствовала себя ужасно глупо, решив, что танцы в кампусе университета и исследование интернет-профилей помогут нам поймать убийцу. Дин всё ещё был в ярости, а мы так ничего и не нашли.

— Лия...

— Ладно, — перебила меня Лия. — Кончай с этим, Кэсси. Я поделюсь мороженым, но съедим его где-нибудь в другом месте. Потому что я не в настроении хорошо себя вести, и следующий, кто попросит меня чем-нибудь поделиться, умрет медленной, болезненной смертью.

— Логично, — я обвела взглядом кухню. — Есть место на примете?

Сначала мне показалось, что Лия ведет меня в свою комнату, но стоило ей закрыть за нами дверь, я поняла, что это далеко не конец. Она открыла окно и, всего разок оглянувшись через плечо, вылезла на крышу.

Отлично, — подумала я. Я высунула голову из окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лия скрывается за поворотом. Какую-то секунду я колебалась, а затем и сама осторожно вылезла из окна. За окном комнаты Лии крыша была почти пологой, но я всё равно цеплялась одной рукой за стену. Я добралась до поворота, за который свернула Лия. Последовав её примеру, я выдохнула. Крыша выравнивалась. Лия сидела, облокотившись спиной о черепицу и протянув свои ноги длинную в милю почти к самому краю водосточной трубы. Внимательно глядя под ноги, я подошла к ней и присела рядом.

Не произнося ни слова, Лия протянула мне упаковку шоколадного мороженого с орехами и зефиром. Я опустила свою ложку в коробку и наполнила её до краев.

— У кого-то от мороженого будет болеть голова.

Я надкусила мороженое.

— Нам стоило принести тарелки.

— Нам много чего стоило сделать, — Лия сидела абсолютно неподвижно, не отводя взгляда от горизонта. Солнце только садилось, но я чувствовала, что не будь здесь меня, Лия осталась бы здесь на всю ночь, в двух этажах от земли, свесив ноги через край.

Лия ненавидела ограничения. Она ненавидела находиться в ловушке. У неё всегда был план побега.

Просто он уже давно не был ей нужен.

— Дин придет в себя, — сказала я, не упоминая о мыслях, вертевшихся в моей голове — о планах побега и о том, как она, вероятно, научилась лгать. — Он не может вечно сердиться на нас, — продолжила я. — Мы ведь просто пытались помочь.

— Ты так и не поняла? — Лия наконец обернулась ко мне. Ей глаза блестели от слез, которым она бы никогда не позволила пролиться. — Дин никогда не сердится. Он не позволяет себе сердиться. Так что, если бы мы сейчас заговорили с ним, он не был бы зол. Он вообще никаким не был бы. Вот, как он поступает. Он закрывается в себе, отталкивает людей — и это нормально. Я понимаю. Из всех людей, я понимаю его, — Лия закрыла глаза и сжала губы. Несколько раз отрывисто вздохнув, она снова открыла глаза. — Но он никогда не отталкивал меня.

Дин знал Лию лучше любого из нас, а значит, он знал наверняка, что она чувствует, когда он отталкивает её. Он знал, что он был единственным, кому она доверяла, что только их отношения помогали ей не чувствовать себя запертой в ловушке.

Когда Майкл был ребенком, его защитным механизмом стали попытки распознать гнев и спровоцировать его, если не было другого выхода. Лия же научилась скрываться под столькими слоями обмана, что никто не мог причинить ей боль, ведь никто не мог добраться до неё настоящей.

Дин был исключением.

— Когда я только приехала сюда, были только мы с Дином и Джаддом, — Лия оставила ложку в коробке и облокотилась на локти. Я не была уверена в том, почему она рассказывает мне это, но впервые, я чувствовала, что каждое её слово было правдой. — Я была готова возненавидеть его. Я прекрасно умела ненавидеть людей, но Дин никогда не давил на меня. Он не задал мне ни единого вопроса, на который мне не хотелось бы отвечать. Однажды, пробыв здесь пару месяцев, я решила сбежать из дома. Я прекрасно умею убегать, — я добавила это к растущему списку всего, что я знала о прошлом Лии. — Дин поймал меня. Он сказал, что если я пойду, то и он пойдет со мной. Я решила, что он блефует, но оказалось, что это было не так. Я сбежала. Он пошел за мной. Нас не было три дня. Я и прежде жила на улице, но он — нет. Он не смыкал глаз, чтобы я могла поспать. Иногда я просыпалась и видела, как он стоит на вахте. Он

никогда не смотрел на меня так, как смотрят другие парни. Он приглядывал за мной, а не пялился на меня, — она ненадолго замолчала. — И он никогда и ни о чем не просил взамен.

— Он ни за что не стал бы просить чего-то.

На губах Лии мелькнула хрупкая улыбка.

— Конечно, — согласилась она. — Он не стал бы. За день до того, как мы вернулись, он рассказал мне о своём отце, о том, как он попал сюда, о Бриггсе. Дин — единственный, кто никогда не лгал мне.

А теперь он с ней не разговаривал.

— Агент Стерлинг была одной из жертв его отца, — мягко сказала я. Глаза Лии метнулись к моим. По последовавшему за этим прерывистому вздоху я поняла — она знала, что я сказала правду, но не знала, что с этим делать.

Рассказывая Лие, я не чувствовала, что предаю Дина. Она была его семьей. И она открылась мне, как Лия никогда не открывается людям, а это доказывало, как сильно ей хотелось знать, что Дин отталкивает её не только потому, что она облажалась. Жизнь Дина сейчас была минным полем.

— У Стерлинг есть клеймо, вот здесь, — я поднесла ладонь к груди. — Она каким-то образом сбежала. Думаю, Дин помог ей спастись.

Лия постаралась переварить эту информацию.

— А теперь она вернулась, — наконец сказала она, её взгляд замер на чем-то вдалеке. — И Дин, возможно, считает, что он сделал слишком мало.

Я кивнула.

— Эмерсон Коул умерла, и Дин оказался в комнате для допросов со своим отцом, — я откинулась назад, позволяя моей голове упереться в стену. — Пойти в ту комнату, слушать Дэниела Рэддинга — вот, что заставило Дина закрыться в себе. Словно кто-то выкрал его душу из тела. А затем агент Стерлинг позволила ему узнать, что мы пытались в одиночку вести расследование.

— В чём виновата ты, — уточнила Лия.

— Стерлинг и так знала, что я выбиралась из дома, — сказала я. — И, кроме того, я не говорила, чем мы занимались. Я даже не сказала, что вы были там. Я рассказала только о том, что нам удалось узнать.

— Но всё это не имеет значения, — вмешалась Лия, — потому что у каждого студента из этого класса, включая аспиранта, есть неоспоримое алиби. И, вместо того, чтобы использовать нас, как они должны были бы, ФБР со всей своей чудесной мудростью запирает нас здесь, где мы никак не можешь помочь делу или Дину, — Лия накрутила на палец толстую прядь своих темных волос. — А вот и наша любимица.

Я проследила за взглядом Лии. К дому свернула темная машина. Из неё вышла агент Стерлинг.

— Как думаешь, где она была? — спросила у меня Лия.

Чуть раньше Стерлинг заезжала сюда, ровно настолько, чтобы забрать файлы студентов, а затем она уехала. Я думала, что она вернулась, чтобы встретиться с Бриггсом, но сейчас его с ней не было.

Дверь машины Стерлинг открылась, и оттуда выбрался директор. Эти двое выглядели так, словно только что перенесли очень напряженную молчаливую поездку.

— Думаешь, он вернулся, чтобы увидеться с нами? — спросила я, понизив голос, хоть они были и достаточно далеко.

Лия прижала к моему рту ладонь и оттащила меня назад, так, что нас стало почти невозможно заметить. Её глаза сузились в щелочки. Я кивнула, показывая, что всё поняла, и всего через миг, я поняла, почему Лие так нравилась крыша.

Акустика была идеальна.

— Ты можешь взять машину, чтобы добраться до дома, — произнесла агент Стерлинг. Она говорила неумолимым и ровным голосом, предназначенным для допросов.

— Но я попросил тебя отвести меня сюда, — возразил директор. Он говорил баритоном, так же спокойно, как и она. — Я хочу поговорить с мальчиком.

— Тебе не стоит говорить с Дином.

— Кажется, ты забываешь, кто здесь директор, агент.

— А ты, кажется, забываешь, что после происшествия с Лок, вопросы задавала не только я, — она замолчала, выжидая, чтобы слова достигли цели. — У меня есть связи в Национальной Разведке. Люди в Вашингтоне говорят о произошедшем здесь. Как думаешь, что случится, если люди узнают, что с этим делом ФБР помогал сын-подросток Рэддинга?

— В этом деле нечего бояться разоблачения, — тон директора не изменился. — ФБР так или иначе говорили бы с мальчиком, даже если бы он не работал на нас. И если директор Национальной Разведки спросит — а он не станет — нам будет легко всё объяснить. Сын Рэддинга был рядом с самого начала. Он знает Рэддинга лучше, чем кто бы то ни было — включая тебя.

— Я согласилась приехать сюда и дать оценку этой программе, потому что ты сказал, что рассказать о «Естественных» в Вашингтоне было бы ошибкой, — в голос агента Стерлинг прокралась крохотная капля какой-то эмоции, но я не могла сказать, была ли это досада или что-то ещё. — Ты сказал, что я должна увидеть это собственными глазами, чтобы понять, что именно я собираюсь закрыть.

Раньше я гадала, почему директор прислал сюда собственную дочь, раз уж она считала, что программа была ошибкой. Теперь я знала ответ на этот вопрос.

— Слушай сюда, — спокойно парировал директор. — Ты могла бы сдать тот отчет, но ты не стала.

— Как будто ты оставил мне выбор!

— Я всего на всего сказал тебе правду, — директор взглянул на часы, словно стараясь понять, сколько времени он уже потратил на этот разговор. — Эта программа — единственное, что удерживает мальчика на грани. Думаешь, ему было бы лучше у приемных родителей? А может мне отправить Лию Чжан назад на улицу? Однажды она обязательно попадетсЯ, и на этот раз, я гарантирую, её будут судить, как взрослому.

Лия рядом со мной заледенела.

— Ты хотел, чтобы я приехала сюда, — произнесла Стерлинг, выдавливая слова. — И я приехала. Но когда я сделала это, ты обещал, что будешь прислушиваться к моим рекомендациям.

— Я бы и прислушался, говори ты что-то разумное. Но удерживать Дина Рэддинга подальше от этого дела — глупо.

Директор подождал, пока она ответит, а когда она промолчала, он продолжил.

— Можешь продолжать болтать о том, как неправильна эта программа, но в душе ты также сильно, как и я, хочешь найти убийцу. А чтобы сделать это, тебе понадобится использовать «Естественных». И рано или поздно, ты забудешь о принципах. Ты будешь уговаривать меня пересечь черту.

Я ждала, что Стерлинг возразит. Она не стала.

— Конечно, я хочу использовать их! — огрызнулась она. — Но дело не во мне. Не в тебе. И не в бюро. Дело в пяти подростках, живущих в этом доме. В пяти настоящих людях, единственной защитой которых стали правила, которые ты придумал, только чтобы самому же нарушать, снова и снова. Именно ты позволил Кэсси Хоббс работать над делом Лок. Ты настоял на том, чтобы мы привезли Дина поговорить с Рэддингом. Ты устанавливаешь правила и нарушаешь их, противореча самому себе.

— Дело не в этом, — вмешался директор. В отличие от голоса его дочери, он всё ещё звучал безразлично. — Ты расстроена не из-за моей противоречивости. Прошло пять лет, а ты всё ещё злишься, потому что с этой программой я встал не на твою сторону, а сторону твоего мужа.

— Бывшего мужа.

— Ты ушла от него. Ты ушла из ФБР.

— Ну же, папа, скажи это. Я ушла от тебя.

— Ты хоть понимаешь, в какое положение ты меня поставила, Вероника? Как я должен руководить преданностью всего Бюро, если моя собственная дочь не удосужилась остаться? После того несчастного случая с девочкой Хокинс в деле Найтшэйда, боевой дух упал. Мы должны были стать единым фронтом.

Агент Стерлинг отвернулась от отца, но когда она снова развернулась к нему, слова срывались с её языка, словно пули, вылетевшие из пистолета.

— Её звали Скарлетт, и это был не несчастный случай. Психопат прокрался в наши лаборатории и убил одного из наших. Нам с Таннером хотелось что-то доказать... — она замолчала, отрывисто дыша. — Я ушла из Бюро, потому что мне там не место.

— Но ты вернулась, — сказал директор. — И не ради меня. Ты вернулась ради мальчика. То, что сделал с тобой Рэддинг, то, что случилось со Скарлетт в деле Найтшэйда — ты считаешь, что всё это связано. Ты не смогла спасти её, так что ты решила спасти его.

Стерлинг сделала шаг навстречу отцу.

— Кто-то ведь должен. Ему всего семнадцать.

— Но уже в двенадцать он помогал старому доброму папочке!

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не слететь с крыши и не броситься на директора.

Рядом со мной, всё напряжение словно испарилось из тела Лии. Она выглядела расслабленной. Даже дружелюбной. Но мы говорим о Лие, так что это, скорее всего, значило, что она готова убивать.

Некоторые всегда будут смотреть на Дина и видеть его отца, — слова глухо отдались в моем мозгу.

Директор не только считал Дина ответственным за грехи его отца — он рассматривал Дина, как сообщника.

— С меня хватит обсуждений, Вероника, — терпение директора подошло к концу. — Мы должны знать, может ли один из посетителей Рэддинга оказаться подозреваемым в этом деле. Мне действительно нужно объяснить тебе, какие должности сейчас занимают некоторые выпускники Колониального Университета? С этим делом на нас давят сверху, агент, — его голос немного смягчился. — Я ведь знаю, что ты не хочешь увидеть горы трупов.

— Конечно, я хочу поймать этого парня, прежде чем пострадает кто-либо ещё, — агент Стерлинг предупреждала меня о том, что не стоит воспринимать дела, как нечто личное, но этому случаю явно удалось пробраться сквозь щели в её броне. — Поэтому я и решила сама увидеться с Рэддингом.

Директор замер.

— Повезло, что я помешал тебе, прежде чем ты воплотила в жизнь этот ужасно продуманный план.

Агент Стерлинг улыбнулась ему, обнажая зубы.

— Разве?

— Вероника...

— Прямо сейчас я предпочитаю «агент». Ты хотел, чтобы кто-то спровоцировал Дэниела Рэддинга. Для этого не нужен Дин. Это я спаслась от него, директор. И ты прекрасно знаешь, что это значит для кого-то вроде Рэддинга.

— Я знаю только, что не хочу, чтобы ты и близко подходила к нему, — впервые директор говорил, словно настоящий отец.

— Позволь мне поговорить с Дином, — она явно была не против воспользоваться своим преимуществом, каким бы крохотным оно не казалось. — Я могу показать Дину журнал посещений. Если он знает что-то важное, он скажет мне. Дин доверяет мне.

После добрых десяти или пятнадцати секунд тишины, директор коротко кивнул.

— Ладно. Но если у вас с Бриггсом ничего не получится, я найду кого-то, кто добьется результата.

Глава 28

Мы с Лией не произнесли ни слова, пока директор и агент Стерлинг не скрылись из виду.

— А я думала, моя семья странная, — Лия поднялась и потянулась, выгибая спину и крутясь в разные стороны. — Она не лгала, говоря, что её заботят наши интересы. Это не вся правда, но всё-таки правда. Задумано, да?

Я была слишком занята, разбираясь в том, что мы только что услышали. После того, что произошло прошлым летом, Стерлинг угрожала закрыть программу. Но директор не позволил ей сделать этого, указав именно на то, о чем я говорила Стерлинг: нормальная жизнь — больше не вариант, ни для одного из нас.

Мне хотя бы было куда возвращаться. Дину не было. Как и Лие. Отец Майкла бил его. И, вполне возможно, именно семья Слоан вбила ей в голову идею, что она говорила или делала что-то не то восемьдесят шесть целых пять сотых процентов времени.

Моя мать была мертва. Мой отец едва ли вспоминает обо мне. И это мне ещё повезло.

— Директор называет Дина мальчиком, — я замолчала, пытаюсь понять значение этих слов. — Он не хочет видеть в Дине человека. Мальчик всего лишь продолжение его отца. Мальчик — средство для достижения цели.

И этот человек называл свою собственную дочь «агент».

Она последовала по твоим стопам. Из всех твоих детей, она больше всех походила на тебя. Она была твоей наследницей, но потом она ушла.

— Директор правда верит в то, что Дин помогал отцу, — Лия позволила мне осмыслить это, а затем продолжила. — Он не знает, как именно Дин помог Рэддингу, но это была не просто догадка. Он считает, что Дин наверняка виновен.

— Дину было двенадцать, когда арестовали его отца! — возражение слетело с моего языка. Поняв, что я пытаюсь убедить ту, что и так была согласна со мной, я слегка сбавила повороты. — Я знаю, что Дин знал, — мягко сказала я. — Я знаю, что он считает, что он должен был положить этому конец. Он думает, что поступи он по-другому, он мог бы спасти тех женщин. Но, судя по лекции Фогла, Рэддинг начал убивать за пять лет до ареста. Дину было всего семь.

Однажды Дин рассказал мне, что сначала он не знал о том, чем занимался его отец. Но потом...

Он заставил меня наблюдать. Слова Дина въелись в мой мозг, словно застрявшая между зубами еда.

Я заставила себя вернуться к реальности, к Лие.

— Стерлинг — наша Стерлинг — говорила правду насчет того, что спросит Дина о журнале посещений? — спросила я.

— Ага, — ответила Лия. — Она не лгала.

— Может она начинает понимать, что не сможет защитить Дина от всего этого, — сказала я. — Она может только решать проблемы и убедиться в том, что он не одинок.

Мои слова зависли в воздухе. Всё это время я считала, что Стерлинг и Бриггс делают Дину только хуже, утаивая от него информацию, но ведь мы с Лией и Майклом сделали то же самое. Если бы я находилась в самом сердце расследования, — медленно подумала я, — и я узнала бы, что другие расследуют дело за моей спиной, я бы не почувствовала себя защищенной.

Я бы почувствовала, что меня предали.

— Как скажешь, Кассандра Хоббс, — Лия развернулась и зашагала обратно к окну своей спальни. Она шла на цыпочках, словно крыша была туго натянутым канатом, и она собиралась выполнить смертельно опасный номер.

— Ты забыла мороженое, — окликнула её я.

Она взглянула на меня через плечо.

— А ты забыла о самом интересном, что мы узнали из этой маленькой «лекции».

Я была слишком сконцентрирована на всех тех событиях, что привели сюда агента Стерлинг и на словах директора о Дине, так что я ещё не успела осмыслить остаток разговора.

— Дело Найтшэйда? — я взяла мороженое и встала, но ответ Лии заставил меня замереть на месте.

— Дело Найтшэйда — чем бы оно ни было — и человек, уплативший цену, когда всё пошло не так.

— Скарлетт, — произнесла я, мысленно возвращаясь к тому моменту, когда я поняла, что агент Стерлинг потеряла кого-то и винит себя в этом.

Лия свернула за поворот. Я больше не видела её, но я прекрасно расслышала её слова.

— Не просто Скарлетт, — возразила она. — Скарлетт Хокинс.

Глава 29

Девушка, которую агент Стерлинг потеряла, потому что слишком сильно заботилась о деле, потому что была готова пойти на всё, чтобы спасти жизни, была однофамилицей Джадда.

Его дочь, — предположила я. — Джадд был примерно того же возраста, что и директор, а с агентом Стерлинг он общался не просто как член семьи, но как отец. Теперь я прекрасно понимала, почему Джадд так относится к директору. Джадд потерял ребенка, а директор Стерлинг заботился об одних лишь правилах.

Я собрала воедино всё, что нам удалось узнать.

Скарлетт Хокинс и агент Стерлинг были подругами. Они обе работали в ФБР. Скарлетт убили. Бриггс начал просить Дина о помощи с делами. Агент Стерлинг ушла из ФБР... и от её мужа. Когда директор узнал о том, чем занимался Бриггс, он сделал всё это официальным. И Дин переехал в этот дом. Вместе с Джаддом.

Я была так сильно погружена в размышления, что почти не заметила крадущуюся по газону фигуру. Солнце уже село, так что я не сразу узнала походку этого человека, спрятанные в карманы руки и сгорбленные плечи. Толстовка с капюшоном почти полностью скрывала его лицо. А волосы — отчаянно нуждавшиеся в расческе — и вовсе делали его неузнаваемым.

Дин. Выскользнул из дома. Я даже не заметила, что иду, пока не оказалась на полпути к окну Лии. Я приказала себе не смотреть вниз и окончила своё путешествие. К счастью, Лия оставила окно открытым, так что я забралась в её комнату и бегом бросилась вниз по лестнице.

В кои-то веки, я никого не встретила на своём пути.

К тому времени, как я добралась до входной двери, Дин уже шагал вниз по кварталу. Чтобы догнать его, мне пришлось перейти на бег.

— Дин!

Он проигнорировал меня и продолжил шагать.

— Прости меня, — крикнула я ему вслед. Мои слова зависли в ночном воздухе, пусть не выражающие всего, но искренние. — Мы с Лией должны были рассказать тебе, что собираемся на ту вечеринку. Мы думали, что сможем обнаружить что-то, что упустило ФБР. Мы просто хотели, чтобы это дело кончилось.

— Ради меня, — Дин не обернулся, но остановился. — Вы хотели, чтобы всё кончилось ради меня.

— Разве это так плохо? — спросила я, останавливаясь рядом с ним. — Людям позволено заботиться о тебе, и даже не вздумай сказать, что когда кто-то заботится о тебе, они страдают. Это не твои слова. Так тебе говорили. Твой отец хочет, чтобы ты верил в это, потому что он не хочет, чтобы ты с кем-либо сближался. Он всегда хотел, чтобы ты принадлежал только ему, и с каждым разом, когда ты отталкиваешь нас, ты даешь ему именно то, чего он так жаждет.

Дин всё ещё не обернулся ко мне, так что я сделала три шага и оказалась перед ним. Край капюшона свисал над его лицом. Я стянула капюшон. Дин не пошевелился. Я положила руки по обе стороны его лица и притянула его к себе.

Точь-в-точь, как однажды сделал с моим лицом Майкл.

Что ты творишь, Кэсси?

Но я не могла отстраниться от Дина, не сейчас. Плевать, что всё это могло значить. Дину был нужен физический контакт. Он должен был знать, что я не боюсь его, что он не один.

Я смахнула волосы с его лица и его темные глаза встретились с моими.

— Тебе не говорили, что ты видишь слишком многое? — спросил он.

Я выдавила крохотную улыбку.

— Мне советовали держать кое-что из этого при себе.

— Но ты не можешь, — губы Дина едва заметно изогнулись в улыбке. — Ты ведь даже не собиралась произносить большинство из сказанного. Я даже не уверен, знала ли ты обо всём этом, пока слова не сорвались с твоего языка.

Он был прав. Сказав это, я осознала, что это было правдой — отец Дина не хотел им делиться. Я создал его, — сказал он, когда Бриггс допрашивал его. Он хотел, чтобы Дин винил

себя за каждую убитую им женщину, потому что, если Дин будет винить себя, если он решит, что не заслуживает быть любимым, он будет держать людей на расстоянии вытянутой руки. Он будет сыном своего отца — и никем более.

— Куда ты собрался? — спросила я у Дина. Мой голос оказался шепотом. Я убрала руки от его лица, но они замерли на его шее.

Это ошибка.

Это правильно.

Эти мысли появились одна за другой, повторяясь снова и снова. В любой миг Дин мог отстраниться.

Но он не стал.

И я не стала.

— Я не могу просто сидеть здесь и ждать, когда появится следующее тело. Директор считает, что может просто положить меня в ящик и доставать только тогда, когда я могу оказаться полезным. Агент Стерлинг пытается прикрывать отца, но я знаю, о чём он думает.

Он думает, что ты его должник, — подумала я, чувствуя, как пульс Дина бьется на его горле под моей ладонью. — Он считает, что делает миру одолжение, используя тебя, словно инструмент.

— Куда ты собрался? — я повторила вопрос.

— Агент Стерлинг показала мне список, — Дин опустил руки на мои запястья и убрал их с его шеи. Он не отпустил меня. Он просто стоял на тротуаре, в то время как его пальцы добрались к моим, переплетая наши руки. — Она хотела проверить, не узнаю ли я кого-нибудь из посетителей моего отца, не бросается ли что-то мне в глаза.

— И ты что-то нашёл?

Дин коротко кивнул, но не отпустил моих рук.

— Одной из посетительниц была женщина из моего родного города, — я ждала продолжения. — Дэниел убивал людей в том городе, Кэсси. Мою учительницу из четвертого класса. Путешественников, оказавшихся там проездом. Люди в том городе, наши друзья, наши соседи — они даже смотреть на меня не могли, когда узнали правду. Так почему кто-то оттуда решил посетить его?

Это был не риторический вопрос.

На этот вопрос Дин собирался найти ответ.

— Ты возвращаешься домой, — сказала я. Я знала, что это правда, задолго до того, как Дин подтвердил мою догадку.

— Броукен Спрингс не был мне домом уже очень давно, — Дин сделал шаг назад, отпуская мои руки. Он снова натянул на лицо капюшон. — Я знаю, какие женщины посещают моего отца в тюрьме. Они в восторге от него. Даже одержимы им.

— Достаточно одержимы, чтобы воссоздать его преступления?

— Достаточно одержимы, чтобы отказаться сотрудничать с ФБР, — сказал Дин. — И достаточно одержимы, чтобы хотеть пообщаться со мной.

Я не стала говорить Дину, что все, от Бриггса и до Джадда, убили бы его, узнай, что он собирается сделать. Однако я поспорила с его выбором времени.

— В котором часу ты доберешься туда? И, кстати, как ты собираешься туда добраться?

Дин не ответил.

— Подожди, — сказала ему я. — Подожди до утра. Стерлинг уедет вместе с Бриггсом. Я смогу поехать с тобой, а может Лия. Где-то там ходит убийца. Тебе не стоит идти одному.

— Нет, — произнес Дин, его лицо скривилось, словно он съел что-то кислое. — Не говори за Лию.

Я извинилась за то, что пыталась раскрыть это дело без него. Лия — нет. И, я достаточно хорошо знала Лию, чтобы понять, что она не станет.

Дин тоже это знал.

— Не дави на неё, — сказала я. — Чтобы ты не сказал ей, ей сложно с этим справиться.

В подбородке Дина мелькнуло упрямство.

— Она слушает только меня. И только я волнуюсь, когда она уходит куда-то с двумя незнакомцами посреди расследования убийства. Думаешь, кто-то другой сможет удержать её от чего-то подобного?

— В твоих словах есть смысл, — сказала я. — Но ты не только единственный, кого она слушает. Ты единственный, кому она доверяет. Ты не можешь потерять её. Как и она тебя.

— Ладно, — сказал Дин. — Я подожду до утра и поеду в Броукен Спрингс, а перед этим поговорю с Лией.

Я сомневалась, что стоит ему привлечь Лию, она останется в стороне и позволит ему уехать одному. Если он не мог взять меня или её, он мог бы взять хотя бы Майкла. Поездка такого рода могла закончиться дракой, но в случае чего у Дина была бы подмога.

Майкл не ненавидел Дина. Он ненавидел то, что Дин сдерживал гнев. Он ненавидел, что Дин знал о том, каким было его детство. Он ненавидел представлять Дина со мной.

Я развернулась и зашагала в сторону дома, в то время как в моей голове спутались мысли обо мне, Майкле и Дине. Я сделала шесть шагов, когда Дин догнал меня. Я старалась не думать о тепле его тела рядом со мной. Я не хотела желать прикоснуться к его руке. Так что я заставила себя остановиться на более безопасной теме.

— Ты когда-нибудь слышал о том, что у Джадда была дочь по имени Скарлетт?

Глава 30

Проснувшись на следующее утро, я снова увидела Майкла снаружи, работающим над машиной. Я стояла у окна спальни, наблюдая за тем, с какой силой он полирует станком бампер, словно удаление ржавчины — олимпийский спорт.

Он уничтожит эту машину, — подумала я. Реставрация — не была самой сильной стороной Майкла.

— Ты проснулась.

Я отвернулась от окна и увидела сидящую на постели Слоан.

— Проснулась.

— На что ты смотришь?

Я хотела было придумать отговорку, но ничего подходящего не пришло мне в голову.

— На Майкла, — сказала я.

Какой-то миг Слоан изучала моё лицо, словно археолог рассматривающий рисунки на стене пещеры. Учitando то, как работал её мозг, возможно, ей было бы куда проще разобраться в иероглифах.

— Вы с Майклом, — медленно произнесла Слоан.

— Между нами с Майклом ничего нет, — мгновенно выпалила я.

Слоан склонила голову набок.

— Вы с Дином?

— Между нами с Дином тоже ничего нет.

Слоан пялилась на меня ещё три секунды, а затем произнесла:

— Сдаюсь, — судя по всему, она истратила всю свою способность к девчачьим разговорам. И слава Богу. Она скрылась в шкафу, и я была уже на полпути к двери, когда вдруг вспомнила о своём обещании.

— Возможно, я сегодня пойду кое-куда, — сказала ей я. — С Дином.

Наполовину одетая Слоан выскочила из шкафа.

— Но ты ведь сказала...

— Не в том смысле, что ты подумала, — поспешно отрезала я. — Ради дела. Я не уверена в том, каков наш план, но я собираюсь это узнать, — я сделала паузу. — Я обещала рассказать тебе в следующий раз. Вот я и рассказываю.

Слоан натянула футболку. Несколько секунд она молчала. Но стоило ей заговорить, она просияла.

— Считай, что я в деле.

Мы обнаружили Дина на кухне в компании сидящей на кухонной поверхности Лии, облаченной в белую пижаму и красные туфли на высоком каблуке. Её волосы были не причёсаны. Эти двое говорили так тихо, что мне не удалось различить слов.

Лия мельком увидела меня за спиной Дина и соскользнула со стола с недобрым блеском в глазах. Её каблуки лишь слегка дрогнули, когда она приземлилась.

— Этот красавец-мужчина сказал, что вчера ночью ты не позволила ему сделать кое-что очень глупое, — Лия ухмыльнулась. — Если честно, я не хочу знать, как именно ты заставила его попридержаться коней. Главное, что ты не пустила его. Избавим мои уши от щекотливых подробностей, ладно?

— Лия, — прорычал Дин.

Слоан подняла руку.

— У меня есть пара вопросов насчет этих щекотливых подробностей.

— Позже, — сказала ей Лия. Она наклонилась и потрепала Дина по щеке. Он прищурился, и она чинно опустила руки.

— Я буду хорошо себя вести, — пообещала она. — Слово скаута.

Дин что-то пробормотал себе под нос.

— Румянец. Гримасничанье. Ухмылка, — Майкл зашел в комнату, попутно описывая каждого из нас. — А Слоан в замешательстве. Я пропустил всё веселье.

Я буквально чувствовала, как он старается не читать выражения лица Дина и не искать причин появления румянца на моих щеках. Майкл старался дать мне немного личного пространства. К сожалению, он не мог отключать свои способности, как и я не могла отключать свои.

— Таунсенд, — Дин прочистил горло.

Майкл тут же обратил на него внимание.

— Тебе что-то нужно, — произнес он, изучая подбородок Дина и линию его губ, — Но тебе жутко не хочется просить об услуге, — Майкл улыбнулся. — Это как лейкопластырь. Просто сорви его.

— Ему нужно, чтобы его подвезли, — сказала Лия, чтобы Дину не пришлось просить. — И ты это сделаешь.

— Разве? — Майклу неплохо удалось прозвучать удивленным.

— Я был бы очень благодарен, — Дин стрельнул в сторону Лии взглядом, означавшим что-то вроде «не вмешивайся в это».

— И куда, скажите на милость, мы собираемся? — спросил Майкл.

— Поговорить кое с кем, — Дин явно не хотел рассказывать большего. Я ждала, что Майкл попробует об этом разузнать или заставит Дина по-настоящему попросить, но Майкл просто глядел на него на протяжении нескольких секунд, а затем кивнул.

— Никаких комментариев по поводу моего вождения, — безразлично произнес Майкл. — И ты мой должник.

— Договорились.

— Чудесно, — Лия выглядела уж слишком довольной собой. — Значит, Майкл поедет с Дином и Кэсси, а мы со Слоан отвлечем внимание.

— Мне нравится этот план, — сияя, ответила Слоан. — Я умею очень хорошо отвлекать.

В отличие от неё, Майкл и Дин не были полны энтузиазма.

— Кэсси не едет, — одновременно произнесли они.

— Неловко вышло, — прокомментировала Лия, переводя взгляд с одного парня на другого. — Может вы и ещё и волосы друг другу начнете заплетать?

Я была уверена, что однажды Лия напишет книгу под названием «Как сделать неловкую ситуацию ещё более неловкой».

— Кэсси уже большая девочка, — продолжила Лия. — Она сама может принимать решения. Если она хочет поехать, она может это сделать.

Я понятия не имела, почему она так сильно хотела, чтобы я поехала с ними, или почему она была не против остаться дома.

— Мы с Дином — профайлеры, — заметила я. — Разве я не буду лишней? — в эту рискованную авантюру я могла внести лишь объективность. Способности Лии делали её более очевидным выбором.

— Без обид, — Лия начала следующее предложение так, что я не сомневалось — следующие её слова будут обидными, — но ты просто не умеешь лгать, Кэсси. Даже стыдно, что агент Стерлинг так быстро узнала от тебя правду о нашем последнем маленьком приключении. Серьезно. Если ты останешься здесь, мы все попадемся. Кроме того, — добавила она, в то время как ухмылка расплзлась по её лицу, — эти Твидлдум и Твидлди куда вероятнее останутся в живых — и не прикончат друг друга — если ты будешь рядом.

Я вспомнила о том, как Лия танцевала с Майклом, только чтобы вывести Дина из себя, и о том, что Майкл никак не мог удержаться от желания подразнить медведя палкой. Майкл, Лия и Дин, запертые в одной машине — это было бы полным ужасом.

— Готов поспорить, я Твидлди, — беззаботно произнес Майкл.

— Ладно, — сказала я Лие. — Я поеду с ними.

Всего на миг, мне показалось, что Дин запротестует, но он не стал.

— Я готов выезжать, когда вы двое будете готовы, — хрипло сказал он.

Майкл улыбнулся сначала Дину, а затем — мне.

— Я был рожден готовым.

Поездка в Брукэн Спрингс, штат Вирджиния проходила в напряженной и неловкой тишине.

— Ладно, — произнес Майкл, когда молчание стало невыносимым. — Я включу радио. Будут песни. И я не против танцев в машине. Но следующий, кто глубоко задумается, получит в нос. Если только это не Кэсси. Если это будет Кэсси, в нос получит Дин.

От Дина донесся какой-то сдавленный звук. Через миг я поняла, что это был смех. Эта угроза так походила на Майкла — жутко дерзкая, хоть я и не сомневалась, что в случае чего, он её осуществит.

— Чудно, — сказала я, — никаких размышлений, но и никакого радио. Нам нужно поговорить.

Оба парня на передних сидениях, казалось, были обеспокоены моим предложением.

— О деле, — уточнила я. — Нам нужно поговорить о деле. Что мы знаем о женщине, с которой мы собираемся увидеться?

— Трина Симмс, — сказал Дин. — Судя по журналу посетителей, который показала мне агент Стерлинг, она довольно часто навещала моего отца на протяжении последних трех лет, — он скрипнул зубами. — Есть некоторые основания верить, что здесь замешана романтика, по крайней мере, с её стороны.

Я не просила Дина рассказать, какими были эти основания. Как и Майкл.

— Сомневаюсь, что они были знакомы до того, как его посадили, — продолжил Дин, произнося каждое слово так, словно всё это было неважно — потому что, стоит ему позволить и всё это станет слишком важно. — Ей чуть больше сорока. Скорее всего, она либо убеждена в том, что он не виновен, либо считает, что убитые им женщины заслуживали умереть.

На самом деле, вопрос был не в том, как Трине Симмс удалось оправдать свой интерес в мужчине, которого все считали монстром. Вопрос был в том, могла ли она оказаться убийцей. И если так, то считала ли она убийства романтическим жестом? Думала ли, что отец Дина будет гордиться ею? Что это сделает их ближе друг к другу?

Я инстинктивно понимала, что Дэниелу Рэдингу нет дела до этой женщины. Люди его вообще не заботили. Он был бессердечным. Без эмоциональным. Ближайшим к любви чувством для него было то, что он испытывал к Дину, а это чувство было эгоистичным, как ничто другое. Дин был достоин заботы только потому, что Дин принадлежал ему.

— Каков план? — спросил Майкл. — Мы же не просто постучим в дверь?

Дин пожал плечами.

— Есть идея получше?

— Это твоё родео, — ответил Майкл. — Я всего лишь водитель.

— Будет лучше, если я пойду к ней один, — сказал Дин.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что он никуда не пойдет один, но Майкл опередил меня.

— Не выйдет, ковбой. Мы ведь твоя страховка. Кроме того, Кэсси попытается пойти за тобой, а я пойду за ней и тогда... — Майкл зловеще замолчал.

— Ладно, — сдался Дин. — Мы пойдем вместе. Я скажу ей, что вы мои друзья.

— Какая хитрость, — прокомментировал Майкл.

Внезапно я поняла, что Майкл согласился привести Дина сюда не ради меня или Лии. Не смотря на всё, что он рассказал мне об их отношениях в прошлом, Майкл сделал это ради Дина.

— Говорить буду я, — сказал Дин. — Если нам повезет, она будет так зациклена на мне, что не обратит на вас внимания. Если что-нибудь узнаете о ней, чудесно. Мы заходим. Мы сваливаем. Если повезет, мы вернемся домой до того, как кто-либо заметит, что мы уезжали.

На словах, план казался простым, но ни одного человека в этой машине нельзя было назвать удачливым.

Эта мысль крутилась в моем мозгу, когда Майкл проехал мимо таблички:

«Добро пожаловать в Броукен Спрингс, население 4140».

Глава 31

Трина Симмс жила в одноэтажном доме цвета авокадо.

Газон казался запущенным, но за клумбами явно ухаживали. На пороге лежал дверной коврик пастельного цвета с приветственной надписью. Дин позвонил в дверь. Ничего не произошло.

— Звонок сломан, — из-за дома вышел парень со стрижкой под «ёжик». Его волосы и кожа были светлыми, и шел он так, словно куда-то спешил.

На первый взгляд, мне показалось, что он примерно нашего возраста, но стоило ему приблизиться, я поняла, что он как минимум на несколько лет старше.

Его акцент походил на акцент Дина, но был куда сильнее.

Он сдержанно улыбнулся, скорее рефлекторно, чем из вежливости.

— Вы что-то продаете?

Он взглянул на Дина и Майкла, а затем задержал взгляд на мне.

— Нет, — ответил Дин, переводя внимание юноши на себя.

— Вы заблудились? — спросил тот.

— Мы ищем Трину Симмс.

Майкл не сводил взгляда с молодого человека. Я сделала крохотный шаг в сторону, чтобы лучше разглядеть лицо Майкла. Он первым поймет, не скрывается ли что-то за вежливой улыбкой.

— Кто вы? — спросил Блондин.

— Мы люди, которые ищут Трину Симмс, — ответил Дин. В его словах не было и намека на агрессию, но улыбка улетучилась с лица незнакомца.

— Что вам нужно от моей матери?

Значит у Трины Симмс был сын — сын, который оказался выше и больше, чем Майкл и Дин.

— Кристофер! — воздух прорезал пронзительный крик.

— Вам лучше уйти, — сказал сын Трины. Он говорил негромко, сипло и спокойно, хоть его слова и не подходили под подобное описание. — Моей матери не нравится, когда её беспокоят.

Я мельком взглянула на коврик со словами приветствия. Дверь распахнулась, и я едва не упала, отскочив с дороги.

— Кристофер, где мой... — женщина в дверном проеме замерла. С миг она украдкой рассматривала нас. Затем она просияла.

— Гости! — сказала она. — Что вы продаете?

— Мы ничего не продаем, — сказал Дин. — Мы здесь, чтобы поговорить с вами, мэм — вы ведь Трина Симмс?

Дин говорил с куда более заметным акцентом, чем я когда-либо слышала. Женщина улыбнулась ему, и я вспомнила слова Дэниела Рэддинга о том, что его сын нравился людям с первого взгляда.

— Я — Трина, — подтвердила женщина. — Ради всего святого, Кристофер, не сутулься. Ты что не видишь, что у нас гости?

Кристофер расправил плечи. Мне казалось, что он и прежде не слишком уж сутулился. Я перевела взгляд на его мать. Трина Симмс, кажется, всё утро завивала волосы. Не считая красной помады, она была не накрашена.

— Я так понимаю, мне не стоит надеяться на то, что вы друзья Кристофера? — спросила она. — У него столько друзей, но он никогда не приводит их сюда.

— Нет, мэм, — ответил Дин. — Мы с ним только что познакомились.

Если под словом «познакомились» Дин подразумевал «молчаливо оценивали друг друга».

— Ты просто красавица, — я не сразу поняла, что Трина обращается ко мне. — Только посмотрите на эти волосы.

Мои волосы были совсем немного длиннее и пышнее любых других — ничего примечательного.

— А эти туфли, — продолжила Трина, — какие изысканные.

На мне были тканевые теннисные туфли.

— Я всегда хотела дочку, — призналась Трина.

— Так мы приглашаем их зайти или нет, мама? — Кристофер явно был на грани.

— О, — сказала Трина, внезапно замирая. — Я не уверена, что нам стоит это делать.

Если бы твой сын ничего не сказал, ты бы пригласила нас, — подумала я. Что-то в отношениях между этими двумя заставляло меня чувствовать себя неуютно.

— Ты спросил у них, почему они здесь? — Трина прижала ладонь к губам. — Три незнакомца показываются на крыльце твоей матери, а ты даже не...

— Он спросил, но я ещё не успел представиться, — вмешался Дин. — Меня зовут Дин.

Искра любопытства мелькнула в глазах Трины.

— Дин? — повторила она. Она сделала шаг вперед, отесняя меня в сторону. — Какой Дин?

Дин не пошевелился, не моргнул и вообще никак не отреагировал на её пристальный взгляд.

— Рэддинг, — произнес он. Он взглянул на Кристофера, а затем на Трину. — Кажется, вы знаете моего отца.

Глава 32

Внутренняя обстановка дома Симмсов резко контрастировала с запущенным газоном снаружи. Полы были безукоризненно чистыми. На каждой поверхности красовались фарфоровые статуэтки. Дюжины фотографий в рамках висели на стенах в коридоре: одна школьная фотография Кристофера за другой, и с каждой из них он глядел на нас мрачным взглядом. Здесь была всего одна фотография мужчины. Я решила посмотреть поближе и замерла. Мужчина добродушно улыбался. В уголках его глаз виднелась пара морщинок. Я узнала его.

Дэниел Рэддинг. Что за женщина, любящая кружевные салфетки, станет вешать на стену фотографию серийного убийцы?

— У тебя его глаза, — Трина провела нас в гостиную. Она села напротив Дина. Женщина не отрывала взгляда от его лица, словно пытаюсь хорошенько запомнить его. Словно она голодала, а он был едой. — Но всё остальное... Ну, Дэниел всегда говорил, что в тебе много от матери, — Трина замолчала, скривив губы. — Не скажу, что знала её. Знаешь, она ведь выросла не здесь. Дэниел поехал в колледж — он ведь всегда был таким умным. А вернулся он с ней. А потом, конечно, появился ты.

— Вы знали моего отца в юности? — спросил Дин. Он говорил абсолютно вежливо. Он выглядел расслабленным.

Ему было больно.

— Нет, — ответила Трина. За этими словами последовало ещё одно искривление губ. — Он был на несколько лет младше меня — знаешь, леди ведь не пристало называть свой возраст.

— Что ты здесь делаешь?

Кристофер выпалил вопрос, стоя в дверном проеме, его руки были скрещены на груди. Его лицо скрывалось в тени, но его голос не оставлял сомнений в том, как он относился к такому вот повороту событий. Он не хотел, чтобы Дин находился в его доме. Он не хотел, чтобы фотография его отца висела на его стене.

И я не особо винила его.

— Дин — желанный гость в этом доме, — резко сказала Трина. — А если с апелляцией всё пройдет хорошо, это место могло бы стать и его домом.

— Апелляцией? — переспросил Дин.

— Апелляцией твоего отца, — терпеливо повторила Трина. — Насчет сфабрикованных ими доказательств.

— Ими — значит ФБР? — спросил Майкл. Трина махнула рукой в его сторону, словно отгоняя муху.

— Все те обыски были незаконными, — сказала Трина. — Все.

— Мой отец убил тех женщин, — Дин сделал паузу. — Но вы ведь знаете об этом, не так ли?

— Твой отец — гениальный человек, — ответила Трина. — А таким людям нужно давать выход эмоциям. Не стоит ожидать, что он сможет жить, как другие. Ты ведь знаешь.

От осведомленности в голосе Трины я почувствовала тошноту. Она считала, что знала Дина. Она считала, что он знает её. Но могла ли она убить Эмерсон Коул? Убить профессора? Ведь именно поэтому мы приехали сюда. Вот, что мы должны были узнать.

— Это наверняка сложно для такого человека, как Дэниел, — произнесла я. Дин предупреждающе сжал мою ладонь, но я уже успела привлечь внимание Трины. — Оказаться запертым в клетке, словно животное, словно он меньше, чем человек, но на самом деле...

— Он больше, — закончила за меня Трина.

— Довольно, — сказал Кристофер, пересекая комнату. — Вам нужно уйти, — он схватил меня за локоть и потащил прочь от дивана. Я оступилась, стараясь заглянуть Кристоферу в глаза в надежде понять, о чём он думал, и специально ли он так сильно сжал мою руку...

В один миг Дин оказался рядом со мной, и не успела я моргнуть, как он прижал Кристофера к стене, сдавливая сыну Трины горло. Контраст между их кожей оказался удивительным — загар Дина и бледность Кристофера.

— Кристофер! — сказала Трина. — Эта юная леди — наша гостья, — она явно волновалась. Нет, не волновалась, — поняла я. Глядя на глаза Дина, на его движения, она была радостно возбуждена.

Майкл подошел к Дину и оттащил его от его добычи. Сначала Дин сопротивлялся его хватке, но затем он успокоился. Майкл отпустил его и поправил одежду Кристофера, словно стряхивая пылинки с лацканов пиджака, хоть в действительности Кристофер был одет в поношенную, рваную футболку.

— Ещё раз прикоснешься к ней, — непринужденно произнес Майкл, — и Дину придется оттащить меня от тебя.

Когда-то Майкл рассказал мне, что если он выходил из себя, он действительно срывался. Я слышала это за его приятным тоном — если Кристофер ещё раз прикоснется ко мне, Дину может и не удастся оттащить от него Майкла.

Кристофер сжал руки в кулаки.

— Вам не стоило приходить сюда. Это странно. Вы все — больные, — так и не разжав кулаков, он направился прочь из гостиной, а затем и из дома. Входная дверь громко хлопнула.

— К сожалению, Кристофер не слишком хорошо понимает наши с твоим отцом отношения, — призналась Дину Трина. — Ему было всего девять, когда от нас ушел его родной отец и... — Трина вздохнула. — Мать-одиночка делает всё, что может.

Дин сел рядом со мной.

Майкл остался стоять, и я поняла, что он старается наблюдать за Триной так, чтобы она этого не заметила.

— Сколько вы с Дэниелом были вместе? — спросила я.

Вы не вместе, — подумала я. — *Он использует вас. Хоть я пока и не уверена, зачем.*

— Мы видимся вот уже три года, — ответила Трина. Кажется, она была только рада рассказать об этом — именно поэтому я и выбрала такой вопрос.

Окажись мы не против их отношений, маленькая счастливая картина, выдуманная Триной, станет только чудеснее. Дин заглянул в гости. И это не допрос. Это просто разговор.

— Думаете, новое дело как-то повлияет на его апелляцию? — спросила я.

Трина нахмурилась:

— Новое дело? — переспросила она.

Я не ответила. Трина перевела взгляд с меня на Дина.

— О чём она говорит, Дин? — спросила она. — Ты ведь знаешь, какое важное время настало для положения твоего отца.

Его положение заключалось в том, что он был осужден за серийные убийства, — подумала я. — *Судя по тому, что я узнала от Бриггса и Стерлинг — и от самого Дина — эта апелляция была такой же выдумкой, как и вера Трины в то, что после возвращения Рэддинга старшего, они с Дином поселятся здесь.*

— Именно поэтому я здесь, — произнес Дин, искоса взглянув на меня. — Та девушка, что умерла в Колониальном Университете? А потом профессор, писавший книгу?

— Агенты ФБР пытались поговорить со мной об этом, — фыркнула Трина. — Они знают, что я поддерживаю твоего отца. Они считают, что смогут настроить меня против него.

— Но они не могут, — ласково произнесла я. — Потому что между вами есть что-то настоящее, — я чувствовала вину, поддакивая бредовым иллюзиям этой женщины. Я заставила себя вспомнить о том, что она знала, кем был Дэниел Рэддинг: убийцей. Ей просто было плевать.

— Это дело никак не относится к Дэниелу. Никак. ФБР было бы не против повесить на него что-то ещё, — усмехнулась Трина. — Дэниел бы никогда не сделал ничего так поспешно, так грязно. Одна мысль о том, что там есть кто-то ещё... — Трина покачала головой. — Заявляет свои права, зарабатывает на репутации Дэниела. Преступление, вот это что.

Убийство — это преступление, — подумала я, но вслух не сказала. Мы узнали всё, что хотели. Трина Симмс была никак не связана с продолжением дела Дэниела Рэддинга — для неё подражатель был плагиатором, подделкой. Она была женщиной, помешанной на чистоте и контроле. Наш Н.О. не подходил ни под одно описание из вышперечисленных.

Наш Н.О. был мужчиной лет двадцати, которого угнетали другие люди.

— Нам пора, — сказал Дин.

Трина запротестовала, но нам всё же удалось добраться до двери.

— Если вы не против такого вопроса, — произнесла я, в то время как мы уходили, — какую машину водит Кристофер?

— Он водит грузовик, — если этот вопрос и показался Трине странным, она не подала виду.

— И какого цвета его машина? — спросила я.

— Сложно сказать, — ответила Трина, говоря тоном, которым она обращалась к Кристоферу. — Он никогда не моет её. Но в последний раз, когда я проверяла, она была черной.

Я вздрогнула, вспомнив о портрете, обрисованном агентом Стерлинг, и вспомнила хватку Кристофера на моей руке.

— Спасибо, что приняли нас, — удалось выговорить мне.

Трина протянула руку и коснулась моего лица.

— Такая милая девушка, — сказала она Дину. — Она бы понравилась твоему отцу.

Глава 33

— Лови, — Майкл бросил ключи от машины Дину. Дин поймал их. — Ты поведешь, — сказал Майкл, неспешно шагая к пассажирской двери. — Ты выглядишь так, будто тебе это нужно.

Дин крепче сжал ключи, в то время как я гадала, какую игру затеял Майкл. Он никогда не позволял никому водить свою машину — и Дин был последним, для кого он сделал бы исключение. Дин, скорее всего, думал о том же, о чём и я, но он с кивком принял предложение.

Майкл забрался ко мне на заднее сидение.

— Итак, — сказал он, когда Дин отъехал от дома. — Кристофер Симмс: он либо по понятным причинам не рад, что его мать тащится от серийных убийц, либо же он сам начинающий псих?

— Он схватил Кэсси, — Дин позволил своим словам зависнуть в воздухе. — Он мог наброситься на меня. Мог схватить тебя. Но он взялся за Кэсси.

— А когда ты стал угрожать ему, — добавила я, — он ушел.

Вам не стоило приходить сюда, — я вспомнила слова Кристофера.

Это странно. Вы все — больные.

— Чего тормозишь? — спросил Майкл. Сначала мне показалось, что он обращался ко мне, но затем я поняла, что он говорил с Дином. Машина не двигалась. Мы замерли у знака остановки.

— Ничего, — ответил Дин, но его взгляд замер на дороге, и я вдруг поняла, что Майкл не просто так позволил Дину повести. Дин вырос в этом городе. Это — его прошлое, место, куда он бы ни за что не вернулся, будь у него выбор.

— Что там дальше? — спросила я у Дина.

Майкл поймал мой взгляд и слегка покачал головой. Затем он откинулся на спинку сидения.

— Ну, Дин, мы возвращаемся домой или поедем кружным путем?

После долгой паузы Дин повел машину вниз по дороге. Я видела, как он сжал руки на руле. Я искоса взглянула на Майкла. Он пожал плечами, словно бы и не планировал всего этого. Словно по пути сюда он не заметил в лице Дина нечто такое, что заставило его захотеть дать Дину повести на обратном пути.

В конце концов, мы оказались у грунтовой дороги, которая, извиваясь, скрывалась среди деревьев. Дин заглушил двигатель и вышел из машины. Я заметила почтовый ящик. Где-то в этих зарослях был дом.

Старый дом Дина.

— Ты хотел, чтобы он пришел сюда, — сердито прошептала я Майклу, наблюдая за Дином. — Ты дал ему ключи...

— Я дал ему выбор, — поправил Майкл. — Я видел Дина в ярости. Я видел на его лице отвращение к самому себе, видел, как он захлебывался в чувстве вины, боялся самого себя и того, на что он способен, боялся тебя, — Майкл дал мне осознать свои слова. — Но до сегодняшнего дня, я никогда не видел его таким, — Майкл замолчал. — Плохие воспоминания не могут вот так разорвать человека на части, Кэсси. Только хорошие могут.

Несколько секунд мы молчали.

Снаружи, Дин зашагал по грунтовой дороге. Я понаблюдала за ним, а затем обернулась к Майклу.

— Ты дал ему ключи, потому что ему действительно нужно было побывать здесь или потому что когда-то он ранил тебя словами о твоём прошлом?

Возможно, от прибытия сюда Дину станет легче — но ещё ему будет очень больно.

— Ты у нас профайлер, — ответил Майкл. — Ты мне скажи.

— И то, и другое, — ответила я. Псевдо-вражда. Псевдо-братские чувства. Отношения между Майклом и Дином всегда были сложными, и я была здесь не причём. Майкл устроил это чтобы помочь Дину, но и чтобы сделать ему больно.

— Хочешь пойти за ним? — вопрос Майкла удивил меня.

— Ты у нас читаешь эмоции, — парировала я. — Ты мне скажи.

— В этом то и проблема, Колорадо, — ответил Майкл, наклоняясь ко мне. — Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты чувствуешь. Но я хочу, чтобы ты сама поняла это.

Я медленно потянулась к дверной ручке. Майкл склонился передо мной.

— Ты всегда будешь идти за ним, — сказал он мне, его губы были так близко к моим, и я думала лишь о том, что в любой миг он может сократить это расстояние. — Всё дело в том, что ты должна понять, почему.

Я всё ещё чувствовала дыхание Майкла на своём лице, когда он потянулся и открыл дверь.

— Иди, — сказал он. — Я буду ждать.

Но на этот раз я услышала в его голосе надрыв — и он подсказал мне, что Майкл не будет ждать слишком уж долго.

Я догнала Дина у невысокого забора. Когда-то он наверное был белым, но теперь он был покрыт грязью и явно пострадал от непогоды. Стены скрывающегося за ним дома были того же цвета. Посреди двора лежал на боку ярко-желтый трехколесный велосипед, резко контрастирующий со всем вокруг. Я проследила за взглядом Дина к голому участку травы у самого забора.

— Они разобрали сарай, — объяснил Дин, словно говоря о погоде, а не о здании, где его отец пытал и убивал всех тех женщин.

Я уставилась на трехколесный велосипед, гадая о том, кто именно купил этот дом. Они наверняка знали о произошедшем здесь. Они не могли не знать о тех, кто однажды был похоронен на этом дворе.

Дин снова пришел в движение. Он встал на колени у забора, ища что-то наощупь.

— Вот, — произнес он. Я опустилась на колени рядом с ним, а затем отодвинула его руку, чтобы разглядеть находку. Инициалы. Его и чьи-то ещё.

МР.

— Мэри, — сказал Дин. — Мою мать звали Мэри.

Входная дверь дома распахнулась. Ребенок зашагал к велосипеду. Мать малыша осталась стоять на пороге, но стоило ей заметить нас, её глаза сузились в щелочки.

Подростки. Незнакомцы. На её собственности.

— Нам лучше уйти, — негромко произнес Дин.

Мы были на полпути к машине, когда он снова заговорил.

— Мы играли в «вытяни карту из колоды», — произнося эти слова, он смотрел прямо перед собой и не прекращал равномерно шагать. — «Пиковая дама», «уно», «пьяница» — всё, что связано с картами.

Мы. Дин и его мать.

— Что с ней стало? — я никогда не спрашивала его об этом. Дэниел Рэддинг сказал Бриггсу, что жена ушла от него — но прежде я не задумывалась о том, что она бросила не только Дэниела Рэддинга, но и Дина.

— Ей всё наскучило, — Дин шел прямо, как солдат, глядя прямо перед собой и не спотыкаясь. — Он надоел ей. Как и я. Он привез её в этот крохотный городок, не давал общаться с семьей, — Дин сглотнул. — Однажды я пришел домой, а её просто не было.

— Ты никогда не думал...

— Что он убил её? — Дин остановился и развернулся ко мне лицом. — Думал. Когда агенты ФБР откапывали тела, я всё ждал, что они скажут, что она не просто ушла. Что она всё ещё была здесь, под землей, — он снова зашагал, на этот раз медленнее, словно ему было тяжело. — А потом мой социальный работник нашел её. Живой.

— Но... — слово вырвалось из моего рта, прежде чем я успела запретить себе задавать вопрос, вертевшийся на кончике моего языка. Я не хотела произносить вслух то, о чём я думала — если мать Дина была жива, и агенты ФБР знали, где она, как Дин оказался на государственном попечении несовершеннолетних? Почему директор заявлял, что не существует программы, ему было бы некуда пойти?

— Она встречалась кое с кем, — Дин волочил ноги по земле. — А я — сын Дэниела Рэддинга.

Сказав это, он замолчал — десятью словами он объяснил нечто такое, что я и представить себе не могла.

Но ты и её сын тоже, — подумала я.

Как мог человек посмотреть на своего собственного ребенка и сказать «Нет, спасибо»? «Вытяни карту», «пиковая дама» и инициалы на заборе. Дин пришел к своему дому из-за Мэри Рэддинг. *Плохие воспоминания не могут вот так разорвать человека на части. Только хорошие могут.*

— Какой она была? — я едва выдавила эти слова, но если Дин пришел сюда ради этого, я должна была выслушать его. Я заставлю себя слушать.

Дин не ответил на мой вопрос, пока мы не вернулись к машине. Майкл сидел на месте водителя. Дин обошел машину вокруг, чтобы сесть на пассажирское сидение. Он опустил руку на дверь, а затем поднял на меня взгляд.

— Какой она была? — мягко повторил он. Он покачал головой. — Совсем не такой, как Трина Симмс.

Глава 34

Вернувшись, мы увидели поджидающего нас на крыльце Джадда. Плохой знак. Где-то пять секунд я гадала, не удастся ли нам убедить его в том, что мы провели день в городе. Но Джадд поднял руку, останавливая меня, прежде чем я успела открыть рот.

— Я всегда считал, что детям стоит позволять делать свои собственные ошибки, чтобы они могли чему-то научиться, — несколько секунд Джадд молчал. — Но потом, когда моей дочери было лет десять, кое-что случилось. Они с её лучшей подругой вбили себе в головы, что они должны уехать куда-то с научной экспедицией.

— У вас есть дочь? — спросил Майкл.

Джадд продолжил, сделав вид, что не расслышал его.

— Скарлетт всегда выдумывала что-то подобное. А когда она решала, что сделает что-то, её было не отговорить. А её маленькая подружка — ну, если Скарлетт придумала всё это ради науки, то её подружку интересовала сама экспедиция. Они, чёрт возьми, чуть не расстались с жизнями, — Джадд снова замолчал. — Иногда, некоторым детям нужно помогать с их обучением на ошибках.

Джадд не повышал голоса. Он даже не выглядел сердитым. Но вдруг я ясно поняла, что могу не захотеть «помощи», о которой говорил Джадд.

— Это я виноват, — голос Дина очень походил на голос Джадда, и я поняла, что некоторыми манерами он тоже походил на человека постарше. — Майкл и Кэсси поехали со мной только потому, что не хотели пускать меня одного.

— Это правда? — спросил Джадд, оглядывая нас родительским взглядом — глядя на ребенка вот так, родители как бы напоминали, что когда-то они меняли ему подгузники, так что они с легкостью поймут, врет он или нет.

— Я должен был сделать это, — больше Дин ничего не сказал. Джадд скрестил руки на груди.

— Может и так, — предположил он. — Но я бы посоветовал тебе придумать отговорку получше за ближайшие пять секунд, потому что она тебе понадобится.

Я услышала стук каблуков, и через миг в дверном проеме за спиной Джадда появилась агент Стерлинг.

— Внутрь, — рявкнула она. — Прямо сейчас.

Мы зашли в дом. Отлично у нас получилось не попасться. Стерлинг повела нас в офис Бриггса и указала на диван.

— Сядьте.

Я села. Дин сел. Майкл закатил глаза, но всё же присел на быльце дивана.

— Это Дин виноват, — торжественно заявил Майкл. — Он должен был сделать это.

— Майкл! — сказала я.

— Знаете, где сейчас Бриггс? — я не ожидала от агента Стерлинг такого вопроса. Я начала гадать о том, как местоположение Бриггса могло быть связано с этим разговором, с тем, что мы сделали. Может он искал нас где-то там? Или встретался с директором?

— Бриггс, — напряженно сказала агент Стерлинг, — сейчас в полицейском участке округа Уоррен, встречается с человеком, который считает, что знает кое-что об убийстве Эмерсон Коул. Просто сегодня утром сын серийного убийцы навестил его мать, и мистер Симмс считает, что мальчик может быть вспыльчивым, — она сделала паузу. — А в подтверждение этого, у него есть синяк на шее.

Кристофер Симмс доложил о Дине в полицию? Такого я не ожидала.

— К счастью, — продолжила агент Стерлинг, вот только это слово прозвучало скорее как обвинение, — Бриггс попросил местную полицию сообщать ему обо всём, связанном с этим делом, так что заявление принял он сам. Он всё ещё там, собирает показания. А, как оказалось, Кристоферу есть о чём рассказать — о Дине, обо всех остальных, об отношениях его матери с Дэниелом Рэддингом. Он самый настоящий источник информации.

— Он водит черный грузовик, — я не отводила взгляда от своих рук, но не удержалась и заговорила. — И он связан с Дэниелом Рэддингом. Его мать постоянно его упрекает. Когда мы были там, он вышел из себя и схватил меня, а значит он импульсивен, но он всё-таки контролирует все свои движения и манеры.

— Ты прижал Кристофера к стене, когда он схватил Кэсси? — спросила у Дина агент Стерлинг. Из всего сказанного мной, она обратила внимание только на это. Дин бесцеремонно пожал плечами.

Агент Стерлинг посчитала такой ответ утвердительным. Стерлинг обернулась к Майклу. Я ждала, что она спросит его о чём-то, но вместо этого она просто протянула руку в его сторону.

— Ключи.

— Шпатель, — ответил Майкл. Она прищурилась. — Стоп, мы что не в слова играем? — коварно спросил он.

— Отдай мне свои ключи. Сейчас же.

Майкл достал ключи из кармана и беззаботно бросил ей. Она развернулась к Дину.

— Я сказала отцу, что доверяю тебе, — произнесла она. — Сказала, что могу разобраться с этим, — её слова явно задели Дина. Он возразил:

— Я не просил разбираться с моими проблемами.

Стерлинг вздрогнула.

— Дин... — она выглядела так, словно собиралась извиниться, но не стала этого делать. Её лицо ожесточилось. — С этого момента, ты сам по себе, — резко сказала она Дину. Она указала на Майкла. — Вы двое будете жить вместе. Если ты не с Майклом, значит ты с кем-то другим. Реши наш Н.О. снова напасть, тебе может понадобиться алиби, раз уже теперь, ты по своей же вине оказался на примете у местной полиции.

Агент Стерлинг не могла придумать более жестокого наказания для Дина. По натуре он был отшельником, а после всего произошедшего сегодня, явно хотел побыть один.

— Вы свободны, — резко произнесла агент Стерлинг. Мы трое тут же поднялись на ноги. — Все, кроме тебя, Кэсси, — Стерлинг взглядом приковала меня к месту. — Вы двое, — сказала она мальчикам, — вон!

Майкл с Дином переглянулись, а затем взглянули на меня.

— Я не буду повторять.

Агент Стерлинг подождала, пока за мальчиками закроется дверь, и только тогда заговорила.

— Что вы с Дином делали у старого дома Рэддинга?

Я открыла рот и тут же снова закрыла. Она что, знала всё на свете?

— Не только Кристофер Симмс связался с полицией, — объяснила мне Стерлинг. — В полицию доложили о «подозрительных подростках» у дома Рэддинга, всего через пару минут после того, как они получили жалобу о поведении Дина. Как считаешь, о чём они подумали?

Даже мне пришлось признать, что звучит всё это плохо.

— Ему нужно было туда вернуться, — спокойно, но в тоже время твердо сказала я. — Просто чтобы увидеть дом.

Стерлинг стиснула зубы, и я гадала, вспомнила ли она о том времени, что ей пришлось провести у того дома, связанной по рукам и ногам в сарае, которого больше не существовало.

— Дину нужно было вернуться туда и дело здесь вовсе не в его отце, — я сделала паузу, давая ей время, чтобы обдумать мои слова. — Это было никак не связано с Дэниелом Рэддингом.

Стерлинг обдумала услышанное.

— Его мать? — спросила она.

Я не ответила. Мне и не нужно было.

После очередной напряженной тишины, я не удержалась от вопроса:

— Кто-нибудь говорил с ней? — я не могла отделаться от мысли о том, что, не смотря на все недостатки моей матери, она бы никогда не отказалась от меня. А мать Дина не просто бросила его — у неё был шанс вернуть его, но она не сделала этого.

— Если наш Н.О. одержим Дэниелом Рэддингом, мать Дина может быть его мишенью, — продолжила я. С Мэри стоило поговорить не только чтобы попытаться разбудить в ней чувства — или хотя бы дать ей понять, что она сделала с Дином.

— Я говорила с ней, — коротко ответила Стерлинг. — И она не мишень.

— Откуда вы...

— Мать Дина живет в Мельбурне, — ответила Стерлинг. — В Австралии, а значит на другой стороне земного шара и явно вне досягаемости этого убийцы. Она не знала ничего, что могло бы помочь нам с этим делом, и попросила оставить её в покое.

Как она оставила Дина?

— Она хотя бы спрашивала о нём? — спросила я.

Стерлинг сжала губы.

— Нет.

Учитывая то, что я узнала об отношениях агента Стерлинг с Дином, я была уверена, что общаясь с матерью Дина, она делала тоже, что сделала бы на её месте я: ненавидела Мэри за её поступки, но надеялась сказать что-то такое, что смогло бы всё исправить.

Агент Стерлинг не хотела верить в то, что программа «Естественных» — лучший вариант для Дина, но сейчас она почти наверняка думала о том, что не существует программы, ему было бы некуда пойти.

— Вам стоит добавить Кристофера Симмса в список подозреваемых, — сказала я. Она не сказала мне замолчать, так что я продолжила. — Он довольно крупный, но ведет себя не как человек его размеров. Он двигается медленно и медленно говорит, но не потому, что он глупый или у него проблемы с координацией, а потому что он обдумывает каждый свой шаг. Он сдерживает себя. Не стесняется, не выглядит неуклюжим, а словно скрывает что-то внутри.

— Кэсси... — она собиралась сказать мне, чтобы я прекратила, но я не дала ей шанса договорить.

— Кристофер был на улице, когда мы добрались до дома. Кажется, он занимается всей работой по саду. Газон выглядит неухоженным — может так он пытается разозлить свою мать, пусть во всём остальном он и следует её указаниям. Ему там не нравится, но он достаточно взрослый, чтобы съехать, если захочет, — слова слетали с моего языка всё быстрее и быстрее. — Его мать упомянула о том, что у него много друзей, да я и сама не заметила никаких намеков на его антисоциальное поведение. Так почему же он не съезжает? — я сама ответила на свой вопрос. — Возможно, он считает, что нужен ей. Возможно, ждет её одобрения. А может она заставляет его чувствовать себя виноватым. Я не знаю. Я знаю только одно — когда он сорвался, то действовал инстинктивно, и схватил он не Дина, и не Майкла, а меня.

Я, наконец, замолчала и сделала вдох. Несколько секунд Стерлинг просто стояла.

— Вы сказали, что Н.О. умеет обращаться с огнестрельным оружием, но не так уверен в себе, когда он безоружен. В той комнате я была легкой добычей, вот он и набросился на меня.

Возможно, Кристофер напал на меня, потому что я говорила. Возможно, он не хотел начинать драку, а я была единственной, кто, скорее всего, не смогла бы ударить в ответ.

А может ему просто нравилось само утверждаться за счет женщин.

— В доме было какое-либо огнестрельное оружие? — просила Стерлинг. Мне показалось, что вопрос вырвался у неё непроизвольно. Она не собиралась задавать его.

— Я не видела ничего такого.

Телефон агента Стерлинг завибрировал, и она подняла руку, приказывая мне подождать.

— Стерлинг слушает, — произнесла она в трубку. Чтобы ей не сказали, новости явно не были хорошими. Каждый её мускул напрягся. — Ты должно быть шутишь. Когда? — Стерлинг молчала довольно долго, так что я поняла, что её собеседник ответил не только на этот её вопрос. — Я выезжаю через пять минут.

Она резко повесила трубку.

— Плохие новости? — спросила я.

— Труп.

Этими словами она наверняка хотела оборвать наш разговор, но я должна была спросить.

— Работа нашего Н.О.?

Стерлинг сильнее сжала телефон.

— Сейчас вы скажете мне не вмешиваться в это? — спросила я.

Стерлинг закрыла глаза и глубоко вдохнула, а затем снова открыла их.

— Жертва — Трина Симмс, а её соседи слышали крики и вызвали полицию когда её сын находился в участке с Бриггсом, — Стерлинг провела рукой по волосам. — Так что да, сейчас я скажу тебе не вмешиваться в это.

Хотела она того или нет, но она выслушала всё, что я смогла сказать о Кристофере. Звонок от Бриггса подействовал на неё так, словно кто-то плеснул ей в лицо холодной водой.

Я ошиблась, — подумала я. — Всё то, что я узнала после поездки в Броукен Спрингс, больше не имело значения. Трина мертва, а во время её убийства, Кристофер был с Бриггсом. Он самый обычный парень. Просто парень с черным грузовиком и странной матерью.

Я представила Трину, которая считала мои туфли прелестными, и верила в то, что Дэниела Рэддинга выпустят из тюрьмы после апелляции.

— Отец Дина когда-нибудь подавал на апелляцию? — спросила я.

Агент Стерлинг не обратила внимания на смену темы.

— Нет.

Она подошла к столу Бриггса и вытащила что-то из ящика. Она закрыла ящик и вернулась ко мне.

— Поставь ногу на диван, — приказала она.

И тогда я, наконец, вспомнила. *«Ещё раз ступишь за пределы Квантико без моего разрешения, и я одену на тебя датчик движения».*

— Вы ведь не серьёзно, — сказала я.

— Похоже на то, что я шучу? — спросила она. Она выглядела так же, как и ждавший нас на пороге Джадд. — Я пообещала тебе, — сказала она мне, — и я всегда держу своё слово, — я не пошевелилась, а она опустилась на колени и защелкнула датчик слежения на моей ноге. — Если выйдешь за пределы двора, я узнаю. Если попытаешься снять датчик, я узнаю. Попытаешься взломать браслет и будет запущен беззвучный сигнал тревоги, а мы с Бриггсом получим сообщения об этом. GPS в браслете позволит нам узнать твоё местоположение куда бы ты не пошла, и я притащу тебя сюда, с криками и пинками.

Она начала подниматься. У меня пересохло во рту. Я не могла выдать возражение.

— Тебе достались хорошие инстинкты, — сказала мне Стерлинг. — Однажды ты можешь стать очень хорошим агентом.

Датчик оказался легче, чем на вид, но его вес, каким бы крохотным он не был, заставил всё моё тело чувствовать тяжесть. Осознание того, что я не могла уйти, не могла ничего с этим поделать — я ненавидела это чувство. Я чувствовала себя бесполезной, слабой и очень, очень юной.

Стерлинг встала.

— Но не сегодня.

Ты

Ты можешь идеально воссоздать в мыслях последние мгновения Трины Симмс. На самом деле, сейчас, когда дело сделано, ты не можешь перестать представлять её, снова и снова.

Связанные руки. Пластик впивается в кожу запястий. Нож. Кровь.

Твои воспоминания яркие, цветные. Её кожа больше не чистая. Не гладкая. Клеймо всё глубже, глубже, глубже...

Не важно, мягкая она или молодая, горелая плоть всегда пахнет одинаково. От одной только мысли о клейме, ты чувствуешь этот запах. С каждым вздохом, ты представляешь...

Удавка на её шее. Потускневшие, безжизненные глаза.

Трина Симмс всегда была визгливой, глупой, требовательной. Больше она ничего у тебя не потребует.

Глава 35

Каждая наша зацепка кончалась неудачей. Мы узнали, что у Эмерсон был роман с профессором, но он оказался так же мертв, как и она сама. Мы просматривали интернет-профили и узнали, что у всех до единого студентов есть алиби. Мы с Майклом и Дином поговорили с Тринной Симмс. Мы вычеркнули её из списка подозреваемых, но так и не догадались, что она была одной из будущих жертв.

Если мои инстинкты так хороши, — гадала я, — тогда почему я не догадалась об этом? Почему я так заикнулась на Кристофере Симмсе?

Мне полагалось быть «естественной». Я должна была разбираться в этом. Ага. И разбиралась я в этом так хорошо, что понятия не имела о том, что Лок была убийцей. Так хорошо, что пока я профилировала и подозревала Кристофера, Н.О. притаился где-то неподалеку, в ожидании нашего ухода.

В этом деле всё шло наперекосяк, а теперь на меня ещё и надели электронный поводок. Как на преступницу.

— Что касается аксессуаров, тебе есть куда стремиться, — как и следовало ожидать, Лия смешливо отреагировала на датчик слежения на моей ноге. — Зато этот оттенок пластика оттеняет твои глаза.

— Заткнись.

— Капризничаешь, — Лия ткнула пальцем в мою сторону. — Ты должна признать, что это жутко иронично, — сказала она, убирая палец.

Ничего я не должна.

— Из всех нас, — продолжила Лия, — тебя с наименьшей вероятностью когда-нибудь арестуют. На самом деле, ты, наверное, единственная из нас, кого никогда не арестовывали. И всё же... — она указала на мою лодыжку.

— Хватит смеяться, — сказала ей я. — Ты можешь оказаться следующей. Агент Стерлинг наверняка заказывает эти штуковины оптом.

— Разве это не двойные стандарты? Мальчики сбегают и оказываются «приговорены» к компании друг друга. Ты сбегашь и...

— Хватит, — сказала я Лие. — Болтовня ничего не изменит. Кроме того, это не самая большая наша проблема.

Кто-то всё ещё должен был рассказать Дину о том, что стало с Триной Симмс.

— Мы поехали повидаться с ней, а теперь она мертва, — Дин описал ситуацию одним предложением.

— Совпадение во времени не значит, что именно это послужило причиной произошедшего, — сказала Слоан, глядя его по плечу — вот так выглядит утешение в исполнении Слоан.

— В этом весь вопрос, да? — вмешался Майкл. Мы пятеро собрались в — судя по всему, теперь ставшей общей — комнате мальчиков. Дин стоял в дверном проеме, скрестив ноги. — Была ли Трина мишенью убийцы и прежде или наш приезд как-то вывел Н.О. из себя?

Дин обдумал вопрос.

— Убийство Эмерсон было хорошо спланировано, — профилирование не давало ему провалиться в темноту, но, даже стараясь отстраниться от произошедшего, он не переставал называть Эмерсон по имени. — Он дотошно выставил её тело напоказ. Судя по общению со Стерлинг и Бриггсом в последние несколько дней, у них нет никаких улик. Мы ищем человека, сконцентрированного на деталях — а значит можно предположить, что наш убийца будет методичен в выборе жертв.

Я закрыла глаза, стараясь разобраться в спутавшихся в моей голове мыслях.

— Если Н.О. делает это, чтобы найти в себе сходства с Дэниелом Рэддингом, — сказала я, пытаюсь понять собственную логику, — он вполне мог выбрать своей второй жертвой кого-то, кто действительно знал Рэддинга.

— Третьей жертвой, — напомнила мне Слоан. — Ты забываешь о профессоре.

Она была права. Я не упомянула профессора, ведь, не смотря на то, что Бриггс и Стерлинг ничего не рассказывали нам о его смерти, я была уверена, что Н.О. не пытал его так, как делал это с женщинами. Все жертвы Дэниела Рэддинга были женщинами. Связывать женщин, клеймить их — всё дело было во власти. Н.О., которому пришлось по вкусу подобная методика и брутальность почерка, не стал бы так же наслаждаться смертью немолодого мужчины. На первом плане были женщины, Фогл же просто оказался на его пути.

Что-то ты делаешь, потому что хочешь этого, — подумала я, — а что-то, потому что ты должен.

Дин никак не прокомментировал моё исключение профессора из списка жертв. Он и сам сузил взгляды.

— Эмерсон было двадцать, она была блондинкой, дружелюбной, нравилась одноклассникам. Трине было за сорок, брюнетка, нервная и, судя по её реакции на появление гостей, она не общалась ни с кем, кроме двух людей: моего отца и своего сына.

У большинства убийц есть определенный тип жертв. Но что общего у Трины Симмс и Эмерсон Коул?

— Эмерсон молода. Красива, — Дин запнулся. — Она спит с человеком, возомнившим себя экспертом в Дэниеле Рэддинге. Может поэтому я и выбрал её.

Когда я профилировала Н.О., я использовала слово «ты». Когда этим занимался Дин, он говорил «я».

— А может, — произнес Дин, почти закрыв глаза, — я выбрал девушку, которая не стала спать со мной, а затем женщину, спавшую с тем, кому я подражаю, — голос Дина звучал пугающе задумчиво. Я почти чувствовала, как он всё больше и больше тонет в вероятностях. — Не будь Рэддинг в тюрьме, он бы и сам убил Трину Симмс. Он бы резал её, а затем повесил, он бы смеялся с каждым её криком.

Дин открыл глаза. Несколько секунд я не была уверена в том, видит ли он нас — любого из нас. Я понятия не имела, о чём он думал, но я знала, что что-то изменилось — воздух в комнате, выражение его лица.

— Дин? — позвала я.

Он потянулся за телефоном.

— Кому ты звонишь? — спросила Лия.

Дин не поднял взгляда.

— Бриггсу.

К тому времени, как Бриггс поднял трубку, Дин принялся измерять комнату шагами.

— Это я, — сказал он. Бриггс начал было что-то говорить, но Дин перебил его. — Я знаю, что вы на месте преступления. Поэтому я и звоню. Мне нужно, чтобы вы кое-что нашли. Я точно не знаю, что это, — Дин сел. Только так он смог перестать шагать туда-сюда по комнате. — Покричите на меня позже, Бриггс. Прямо сейчас я должен знать, есть ли на журнальных столиках или кофейном столике в доме Симмсов что-то, кроме салфеток и фарфоровых фигурок. — Дин опустил локти на колени и прижал ладони к лицу. — Просто посмотрите туда и расскажите мне, что вы видите.

На минуту, а может дольше, в комнате повисла тишина. Лия вопросительно взглянула на меня, но я покачала головой. Как и она, я понятия не имела о том, что происходило. Всего несколько минут назад он профилировал Н.О., как вдруг уже звонил по телефону, выкрикивая приказания.

— Ничего? — спросил Дин. Он выдохнул и сел прямо. — Никаких коллекционных бейсбольных карточек, игрушечных машинок или наживки для рыбалки, — кажется, Дин старался внушить это скорее себе, чем всем остальным. — Никаких книг. Никаких игр, — Дин кивнул в ответ на вопрос, которого мы не услышали, а затем понял, что Бриггс не может увидеть кивок. — Нет. Я в порядке. У меня просто появилась одна мысль. Но это ничего не значит. Я уверен, что это ничего не значит, — я видела, как Дин старается закончить на этом. Пытается заставить себя замолчать. У него ничего не вышло. — Можете поискать в её карманах?

Снова повисла долгая тишина. Но на этот раз я точно поняла, когда Бриггс ответил. Дин напрягся. Никакой больше нервозности. Никаких вопросов.

— Ладно, это нехорошо, — пробормотал Майкл.

— У нас проблема, — голос Дина окаменел. — Не думаю, что наш Н.О. подражатель, — он замолчал, но всё же выдал из себя объяснение. — Думаю, у моего отца был сообщник.

Глава 36

Бриггс и Стерлинг вернулись домой поздно ночью. Никто из нас не спал. Мы собрались на кухне, сначала — чтобы поесть, а затем принялись ждать.

Около полуночи пришел Джадд, чтобы разогнать нас по кроватям, но кончилось всё тем, что он принялся готовить нам кофе. К тому времени, как агенты Бриггс и Стерлинг зашли на кухню и обнаружили нас за столом, Слоан как раз начала отходить от кофеина. Все остальные молчали — как и большую часть ночи.

— Содержимое карманов Трины Симмс, — Бриггс бросил на стол прозрачный полиэтиленовый пакет. В пакете была одна единственная игральная карта — король пик.

— Хотел бы я ошибиться, — вот и всё, что поначалу сказал Дин. Он подвинул пакет для улики к краю стола, но в руки не взял. — Я должен был ошибиться.

— Откуда у тебя появилась эта идея? — голос Стерлинг прозвучал хрипло. Я гадала, было ли дело в том, что они с Бриггсом провели вечер, выкрикивая приказы на право и на лево, или же известие о том, что у мужчины, похитившего и пытавшего её, был сообщник на свободе, сделало своё дело.

— Я профилировал нашего Н.О., — голос Дина не был хриплым. Он говорил медленно и разборчиво, теребя край карты через пластик пакета. — Я подумал о том, что Трина Симмс стала жертвой, потому что не будь мой отец в тюрьме, он бы сам убил её. В этом был смысл — Н.О. верил, что убив Трину, окажется на шаг ближе к становлению моим отцом. Но потом... — Дин убрал руку от карты. — Я подумал о том, что мы поехали повидаться с ней — Кэсси, Майкл и я.

Я не была уверена в том, что это меняло, и в том, почему наша встреча с Триной разубедила Дина в том, что убийца был подражателем и заставила его думать, что его отец вовлечен во всё это, но Дин разъяснил нам это, жесткими, бескомпромиссными словами.

— Я встретился с ней. Она мне не понравилась. Она умерла.

Так было и с Глорией, женщиной, с которой Дэниел познакомил своего маленького сына. *Я сказал, что не хочу новую маму. Он взглянул на Глорию и сказал «Какая жалость».*

— Я хотел, чтобы это оказалось совпадением, — он сжал ладони в кулаки, впиваясь ногтями в кожу. — Но потом я вспомнил о том, что когда я был в комнате для допросов с моим отцом, он знал о том, где найти профессора, — Дин пожал плечами. — В этом не было ничего необычного. Профессор пару раз брал у него интервью. Он писал книгу. Конечно, он мог упомянуть, что часто пишет в том домике, — Дин развернулся, чтобы обратиться к агенту Бриггсу. — Мы должны были понять.

Лия перехватила мысли Дина.

— Он рассказал вам правду о местоположении профессора, но не всю правду. Ведь так он делал всегда. Формальности, полуправда и ложь во спасение.

Дин не обернулся, чтобы взглянуть на Лию, но под столом его рука нашла её руку. Она схватила его ладонь и сжала настолько сильно, словно никогда не собиралась отпустить.

— Я всегда знал, что он играет с нами, — сказал Дин. — Я знал, что он манипулирует нами, но я должен был хотя бы предположить, что кроме всего этого, он дергает за ниточки нашего Н.О. Для него люди — лишь марионетки, актеры на его сцене.

— Ты сказал Бриггсу заглянуть в карманы жертвы, — я попыталась заставить Дина сосредоточиться на подробностях. Чтобы не упустить из виду большую картину, стоило говорить о конкретных деталях. — Откуда ты знал, что там что-то будет?

— Я и не знал, — Дин поднял на меня взгляд. — Но я знал, что если мой отец был как-то связан с этим, если Трина умерла, потому что я познакомился с ней, он хотел бы, чтобы я знал об этом.

Он хотел бы отправить послание, говорящее, что Дин принадлежит ему. Что Дин всегда принадлежал ему. Не его матери. Не ФБР. Не самому себе. Вот какое послание Дэниел Рэддинг отправил своему сыну, одной лишь игровой картой.

— Послание не только для тебя, Дин, — всё это время агент Стерлинг была на удивление молчалива. — Оно для всех нас — для нас с Бриггсом. Он хочет, чтобы мы знали, что играем по его правилам, — её губы замерли между гримасой и жесткой улыбкой. — Он хочет, чтобы мы знали, что он побеждает.

Она сжала губы, а затем обнажила зубы.

— Мы должны были догадаться об этом, — слова, которые она держала в себе на протяжении всего этого разговора, наконец сорвались с её языка. — Я должна была. Первое убийство содержало все черты «организованного» убийцы — планирование, отсутствие улик, материалы, привезенные Н.О. на место преступления. Но было и то, что выбивалось из общей картины. Он использовал трос из машины, чтобы задушить девушку. Напал Н.О. со спины. Оставил тело в публичном месте. А это указывает на импульсивность, отступление от плана, на проблемы с уверенностью в себе, — Стерлинг выдохнула, стараясь успокоиться. — «Организованный». «Неорганизованный». Если место преступления указывает и на то, и на другое, значит, вы имеете дело либо с неопытным Н.О., который только отработывает свою технику, либо с двумя Н.О.

Дин тоже выдохнул.

— «Руководитель», разрабатывающий план, и «подчиненный», приводящий план в действие.

Агент Стерлинг установила, что возраст Н.О. находится в пределах двадцати трех — двадцати восьми лет, но она рассчитала это, думая, что Н.О. работает один. Стоит добавить в уравнение Рэддинга, и всё изменится. Было всё ещё известно, что Н.О. идеализировал Рэддинга, что он жаждал власти, авторитета и контроля. Отсутствие отца в ранние годы жизни Н.О. всё ещё играло важную роль. Но если для Н.О. место отца занял Рэддинг, что из всего этого получит сам отец Дина?

То же, что Лок хотела от меня.

Внезапно я снова очутилась в конспиративном доме. Дин без сознания лежал на полу. В Майкла стреляли. А Лок хотела — отчаянно, безумно — чтобы я взяла нож. Она хотела, чтобы я была такой же, как она. Она хотела, чтобы я принадлежала ей. Но она хотя бы видела во мне человека. Для Дэниела Рэддинга Дин был всего лишь вещью. Чудесным творением, принадлежащими лишь ему душой и телом.

Может Рэддинг хотел воссоздать всё это с нашим Н.О. А может он просто хотел напомнить блудному сыну, кто здесь главный, хотел, чтобы Дин пришел к нему, встретился с ним лицом к лицу.

— Мы должны изменить нижнюю черту вероятного возраста нашего Н.О., — я говорила спокойно, как делала всегда, когда мною руководила часть мозга, превращающая самые ужасные вещи в ожидающие решения головоломки. — Опустить её до семнадцати.

Я не объяснила причин, но я заметила, как осознание этих слов повлияло на Дина. Ему было семнадцать.

Бриггс уставился на меня.

— Что ты такое говоришь?

Он мог бы сказать, что такое описание не походило нашему Н.О. Он не стал. Я ждала протеста от Стерлинг. Его не последовало. Мы находились в сердце битвы. Мы имели дело не с подражателем. Мы имели дело с человеком, державшим агента Стерлинг взаперти, пытавшим её.

Даже из-за решетки, Рэддинг играл с ней в игры разума.

Он играл с Дином.

Я не закончила на этом, и не стала думать о том, как почувствует себя агент Стерлинг через день, неделю или месяц. Я развернулась к Бриггсу и ответила на его вопрос.

— Наш Н.О. и Рэддинг — не напарники, — сказала я. — У людей вроде Дэниела Рэддинга нет напарников. Они не видят в людей равных себе, — я постаралась подобрать правильное слово. — Мы ищем не напарника, — наконец произнесла я. — Мы ищем ученика.

Глава 37

На следующее утро агент Бриггс принес Лие DVD-диски.

— Здесь записи всех до единого допросов Рэддинга с начала этого дела, — сказал он ей. — Они в твоём распоряжении.

Прежде чем Бриггс успел передумать, Лия выхватила у него диски. Стоящая рядом с ним Стерлинг откашлялась.

— Ты не обязана это делать, — сказала она. — Директор одобрил ваше участие в расследовании, но вы можете отказаться.

— Вы не хотите, чтобы мы отказались, — Майкл обратил внимания на её осанку и выражение её лица. — Вы ненавидите себя за это, но надеетесь, что мы согласимся.

— Я в деле, — Лия перебила Майкла прежде, чем он успел прочитать в выражении лица агента что-то ещё. — Как и Кэсси со Слоан.

Мы со Слоан не стали возражать.

— Мне тоже больше нечем заняться, — вставил Майкл. Он говорил непринужденно, но я заметила в его глазах блеск тех же эмоций, что я видела в них, когда он оттаскивал Дина от Кристофера Симмса. Никому не позволено играть с жизнями тех немногих, о ком он заботится.

— Лия, Майкл и Кэсси, вы будете тщательно просматривать эти допросы, — Бриггс коротко и быстро раздавал приказы. — Рэддинг думает, что у него есть преимущество. Сегодня это изменится.

Агент Стерлинг сконцентрировалась на Дине.

— Если ты в деле, — сказала она тише, чем прежде, — вы с Бриггсом увидите с твоим отцом.

Дин ничего не ответил. Он просто надел легкое пальто поверх потрепанной белой футболки и развернулся к двери.

Стерлинг обернулась к Бриггсу.

— Думаю, это значит, что он в деле.

Ей было больно просить Дина о подобном, но ещё сильнее её ранило бездействие или мысль о том, что она делает не всё, что возможно, чтобы всё это кончилось.

Агент Стерлинг была не накрашена. Она не заправила рубашку. Эта энергия, эта решительность, подсказала мне, что я смотрю на ту Веронику Стерлинг, которой её когда-то знал Дин.

На ту, которую, по словам агента Стерлинг, я ей напоминала.

— Ты в порядке? — спросил у неё Бриггс.

— Ты ведь меня знаешь, — Стерлинг улыбнулась, не показывая зубов. — Я всегда приземляюсь на ноги.

Несколько секунд Бриггс глядел на неё, а затем последовал к двери вслед за Дином.

— Как насчет меня? — окликнула его Слоан.

Ответила ей агент Стерлинг.

— Как у тебя с географией?

Слоан скрылась в подвале с горой карт, чтобы разработать географический профиль напарника Рэддинга. Все остальные отправились в комнату с большим телевизионным экраном. Мы с Майклом сели на противоположных краях дивана. Лия вставила принесенные ей Бриггсом диски в плейер и села между нами, прижав одну ногу к груди, а вторую вытянув перед собой. Агент Стерлинг замерла в дверном проеме, глядя на то, как мы смотрим начало записи.

Дэниел Рэддинг сидел за длинным столом. Его руки в наручниках были прикованы к столешнице, но сам он выглядел так, будто пришел на собеседование по поводу работы. Дверь слева от него открылась, и зашел агент Бриггс с папкой в руках. Он сел напротив Рэддинга.

— Агент Бриггс, — в голосе этого монстра было что-то музыкальное, но именно его глаза приковывали к нему внимание: темные, задушевные глаза с едва заметными морщинками в их уголках.

— Чем я обязан этому бесценному удовольствию?

— Нам нужно поговорить, — Бриггс говорил по-деловому. Он не торопился. Не растягивал слова. — Насколько я знаю, в последнее время вы получали необычно много писем.

Рэддинг улыбнулся. Его лицо сделалось скромным, почти мальчишеским.

— Я необычный человек.

— Работники тюрьмы осматривают ваши письма и записывают имена отправителей, но они не хранят копий самих писем.

— Как неосторожно с их стороны, — высказался Рэддинг. Он согнул руки и самую малость наклонился вперед, всего на долю дюйма. — Никогда нельзя быть слишком осторожным с... записями.

Что-то в слове «записи» заставило меня подумать, что он говорил о чём-то другом — о чём-то таком, что поможет ему забраться в голову агента Бриггса.

Может Рэддинг вел записи обо всех убитых им женщинах?

Бриггс не поймался на уловку.

— Вы получали какие-либо письма, которые можно было бы назвать письмами от фанатов? — спросил он слегка насмешливо, словно Дэниел Рэддинг когда-то был участником давно забытого бойз-бенда, а не неприкаянным хищником в клетке.

— Ба! Агент Бриггс, кажется, вам что-то от меня нужно, — Рэддинг изобразил удивление, но удовлетворение в его голосе было неподдельным. — Но почему кого-то вроде вас могут заинтересовать письма, полученные кем-то вроде меня? С чего бы вам хотеть узнать о том, что каждый день мне пишут женщины, говорящие, что любят меня, что моё наследие процветает, что чудесные, павшие духом заблудшие овечки этого мира изливают свою душу чернилами на бумаге, умоляя меня, призывая меня к себе, так отчаянно они ищут пастуха.

Голос Рэддинга звучал приятно, его невозможно было игнорировать.

— Не важно, почему я спрашиваю об этом. Важно лишь то, что если вы не ответите, я сделаю вашу жизнь куда менее приятной. Что думаете насчет перевода? Говорят, некоторые учреждения ФБР в это время года просто чудесны.

— Ну, ну, агент Бриггс. Нет нужды переходить к угрозам. Думаю, мы оба и так знаем, что будь у вас шанс, вы бы забросили меня в самую глубокую, самую темную дыру, которую только нашли бы. А раз уж вы этого всё ещё не сделали, значит, вы не можете, — Рэддинг наклонился вперед, не сводя глаз с Бриггса. — Я вот думаю — вы никогда не устаете от всего, что вы не можете? Не можете поймать каждого убийцу, — теперь Рэддинг напоминал ястреба, остроглазого и безжалостного, думающего только об одном. — Не можете удержать жену. Не можете перестать возвращаться сюда. Не можете выбросить меня из головы.

— Я пришел не чтобы играть в ваши игры, Рэддинг. Если вам нечего мне сказать, мне незачем здесь оставаться, — Бриггс склонился вперед. — Может, вам будет лучше, если я уйду, — он говорил также тихо и мягко, как Рэддинг.

— Давайте, — ответил Рэддинг. — Уходите. Думаю, мы оба знаем, что вы не совсем мой тип. А вот прелестная агент Стерлинг...

Было заметно, как напряглись мышцы на шее Бриггса, но он не сорвался. Вместо этого, он вынул из папки фотографию и положил её на стол. Он подтолкнул снимок вперед, но так, чтобы Рэддинг не смог до неё дотянуться.

— Ладно, — очарованно произнес Рэддинг, — интересный поворот событий.

Он потянулся за фотографией, но Бриггс забрал её. Он вернул фотографию в папку и встал. Я не сразу поняла, что только что произошло. Допрос был записан почти сразу после смерти первой жертвы. И я была готова поспорить, что Бриггс только что показал Рэддингу тело Эмерсон.

Я видела в глазах убийцы желание увидеть его снова.

— Говорят, подражательство — сама настоящая форма лести, — Рэддинг больше не глядел на лицо Бриггса. Он не сводил глаз с папки.

— Где вы её нашли?

Бриггс не сразу ответил, но, в конце концов, сказал достаточно, чтобы лишь усилить любопытство Рэддинга.

— Колониальный Университет. Газон ректора.

Рэддинг фыркнул.

— Показуха, — сказал он. — Неряшливая работа.

Он всё ещё не отрывал взгляда от папки. Он хотел увидеть фотографию. Хотел изучить её.

— Ответьте на мои вопросы, — ровным голосом сказал Бриггс, — и я отвечу на ваши.

Бриггс полагался на нарциссизм Рэддинга. Он считал, что мужчина захочет узнать об имитаторе всё, что только можно. Но тогда Бриггс не знал того, что мы знаем сейчас — что Рэддинг не критиковал работу подражателя. Он искал в теле девушки отражение своей собственной гнусности. Он был учителем, оценивающим работу своего лучшего ученика.

— Мне плевать на всё, что вы можете сказать, — Рэддингу всё-таки удалось отвести взгляд от папки. Он откинулся на спинку своего металлического стула, насколько это ему удалось с прикованными к столу руками. — Но вполне возможно, что я знаю кое-что, имеющее отношение к этому делу.

— Докажите, — Бриггс бросил ему вызов — но пользы это не принесло.

— Я хочу поговорить с моим сыном, — решительно сказал убийца. — Вы не пускали его ко мне на протяжении пяти лет. С чего бы мне вам помогать?

— Из-за просто человеческой морали? — сухо предположил Бриггс. — Может, будь в вас что-то человеческое, ваш сын захотел бы увидеться с вами.

— «Не верь, что звёзды умеют пылать, — нараспев произнес Рэддинг. — Что движется солнце, понять не пытайся. Они далеко, они могут солгать...»

Бриггс закончил цитату за него.

— Но только в любви моей не сомневайся». Шекспир.

Он встал и принялся собирать свои вещи, ставя точку в разговоре.

— Вы не любите никого, кроме самого себя.

— А вы не можете выбросить это из головы, — Рэддинг снова улыбнулся, безмятежный и надменный. — Хотите, чтобы я заговорил. Я заговорю. Расскажу о тех, кто писал мне и о том, кто плохо себя вел. Я выложу всё, что вы хотите знать — но говорить я буду только с Дином.

Экран потемнел. Рэддинг и Бриггс исчезли, и сцена переменялась на похожую, вот только на этот раз напротив Рэддинга сидел Дин, а рядом с ним — Бриггс.

— Дин, — Рэддинг наслаждался этим словом. — Вы доставили мне подарок, агент Бриггс, — сказал он, не отрывая взгляда от Бриггса. — Однажды я верну вам долг.

Дин глядел в одну точку, чуть выше плеча своего отца.

— Ты хотел увидеть меня. Я здесь. Теперь говори.

Рэддинг подчинился.

— Ты так похож на мать, — сказал он, заглядывая каждую черту Дина, словно умирающий в пустыне. — Не считая глаз — глаза у тебя мои.

Когда Рэддинг произнес «мои», у меня сжался желудок.

— Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о матери.

— Будь она здесь, сказала бы тебе подстричься. И сесть прямо. И хоть иногда улыбаться.

Волосы Дина закрывали его лицо, его глаза сузились в щелочки.

— Не слишком много поводов для улыбок.

— Только не говори, что ты уже потерял вкус к жизни, Дин. В том мальчике, которого я знал, было столько потенциала.

Дин сжал зубы.

Они с Рэддингом глядели друг на друга. После минуты молчания, Дин прищурился и сказал:

— Расскажи мне о письмах.

Именно в этот момент подошли мы агентом Стерлинг. Смотреть на это во второй раз было сложнее: Дин пытается выпросить у отца крохи информации, Дэниел Рэддинг ранит его словами, снова и снова переводя тему на Дина.

— Я хочу узнать тебя, Дин. Чем занимались эти руки на протяжении пять последних лет? Что повидали эти глаза?

Ты знал, что Бриггс придет к тебе, стоит появиться первому телу. Ты знал, что Дин придет, если ты откажешься говорить с кем-либо кроме него. Ты спланировал всё это, шаг за шагом.

— Я не знаю, что мне сказать, — голос Дина стал громче, он напрягся. — Тут не о чем говорить. Это ты хотел услышать? Что эти руки, эти глаза — ничто?

— Они — всё, — на этот раз я разглядела в глазах Рэддинга маниакальный блеск. Он глядел на Дина, а видел только себя — бога, не подчиняющегося законам людей, стоящего выше сочувствия и чувства вины.

Я подумала о карте, которую Бриггс нашел в кармане Трины — король пик.

Рэддинг хотел бессмертия. Он хотел власти. Но больше всего, он хотел обрести наследника.

Почему именно сейчас? — подумала я. — Почему он делает всё это сейчас. Он сидел в тюрьме пять лет. Возможно, ему понадобилось так много времени, чтобы найти кого-то для продолжения своего дела, а может что-то подтолкнуло его к этому?

На экране отец Дина только что спросил, есть ли у него девушка. Дин ответил отрицательно. Рэддинг назвал его «сыном», а Дин произнес четыре слова, заставившие мужчину вспылить.

«Я не твой сын».

Хоть я и знала, что сейчас произойдет, внезапный всплеск ярости напугал меня. Рэддинг схватил Дина за футболку. Он притянул его к себе и сказал, что он всегда был и будет сыном своего отца.

— Ты это знаешь. Ты боишься этого.

На этот раз я четко различила миг, когда Дин сорвался, когда вся та ярость, которая, по словам Майкла, скрывалась под поверхностью, вскипела и вышла из берегов. Лицо Дина окаменело, но, когда он схватил отца и потянул его через стол, настолько, насколько позволяли цепи, в его глазах появилось нечто дикое. На этот раз, я заметила улыбку на лице Рэддинга, когда Бриггс прекратил драку. Он получил то, что хотел. Немного жестокости. Потенциал Дина.

Я не отрывала глаз от экрана. Когда я впервые наблюдала за этим, на этом моменте всё кончилось. Бриггс немного подождал, прежде чем отпустить Дина, убеждаясь, что он закончил — но я заметила, что на этот раз он не сел, а стал рядом с Дином.

— Где находится домик профессора? — спросил Бриггс.

Отец Дина улыбнулся.

— Гора Катоктин, — сказал он. — Больше я ничего не знаю.

Дин задал ещё два или три вопроса, но его отец не сказал больше ничего полезного.

— Мы здесь закончили, — сказал Бриггс.

Дин встал. Его отец остался сидеть, он был абсолютно расслаблен. Бриггс опустил руку на плечо Дина и повел было его прочь из комнаты.

— Ты когда-нибудь рассказывал Бриггсу о том, что именно ты сделал с его женой, Дин? — Дэниел Рэддинг не повышал голоса, но всё же его вопрос словно высосал из комнаты весь кислород. — Или он всё ещё думает, что это я медленно провел ножом по её плечам и бедрам, что это я впечатал клеймо в её плоть?

Бриггс сильнее сжал плечи Дина. Если прежде он подталкивал Дина к выходу, то теперь он буквально тащил его — всё что угодно, чтобы вывести Дина отсюда. Но ноги Дина внезапно словно прилипли к полу.

Иди, — мысленно сказала я Дину. — *Просто иди*.

Но он не сделал этого.

Рэддинг наслаждался этим моментом.

— Расскажи своему доброму другу-агенту о том, что ты сделал, Дин. Расскажи ему о том, как ты пришел в сарай, где я связал Веронику Стерлинг по рукам и ногам. Расскажи, как я собирался ранить её — но ты взял нож из моей руки, не для того, чтобы спасти её, а для того, чтобы самому резать её. Расскажи о том, как ты резал её до крови. Расскажи, как она кричала, когда ты выжег «Р» на её плоти. Расскажи о том, как ты попросил её у меня, — Рэддинг закрыл глаза и поднял голову к потолку, словно человек, благодарящий богов. — Расскажи ему, что она была у тебя первой.

Первой жертвой. Для Рэддинга только это первенство имело значение, не важно, какую двусмысленность он вложил в эти слова.

Бриггс распахнул дверь.

— Охрана!

Охранник — тот самый, кто достал нам с агентом Стерлинг билеты в первый ряд на это шоу — появился, едва сдерживая отвращение. Он подошел, чтобы успокоить Рэддинга.

— Даже если вы найдете профессора в том домике, — крикнул ему вслед отец Дина, его голос эхом отразился от металлических стен. — Вы не найдете того, что вы ищите. Самые интересные письма, которые я получал, те, в которых я нашел примечательную внимательность к деталям — эти письма были не от профессора. Их отправил один из его студентов.

Глава 38

В комнате повисла тишина. Лия поставила запись на паузу. Я встала и, развернувшись спиной к Майклу и Лие, зашагала к двери. Стоящая в дверном проеме агент Стерлинг спокойно посмотрела на меня. Она никак не прокомментировала содержание допроса.

Дин действительно заклеил вас? — мысленно спросила я. — *Дин — наш Дин — пытал вас?*

Она не ответила.

— Я только один раз поймала Рэддинга на лжи, — я обернулась к Лие, в надежде услышать, что его слова о Дине были неправдой.

— Когда он сказал, что ему плевать на то, что может сказать Бриггс — это была неправда. Он хотел знать всё об убийстве Эмерсон Коул. Он изголодался по подробностям, а значит, он ничего не знал. Кем бы ни был его протеже, он не стал докладывать своему старому доброму сенсею о деталях.

— И это всё? — спросила я у Лии. — Всё остальное было правдой?

Лия опустила глаза.

— Всё.

— Значит, он действительно получал удивительные письма от ученика из класса Фогла, — сказала я. — Для человека вроде Рэддинга «внимание к деталям» скорее всего значит подробное описание жестокости.

— И всё же, — вмешался Майкл, — у каждого студента из того класса есть алиби.

— Он мог ввести нас в заблуждение, — Лия произнесла это пренебрежительно, но я расслышала в её голосе горечь. — Есть способы обманывать безо лжи. Лжецы так похожи на фокусников: пока ты смотришь на красивую ассистентку, они вытаскивают кролика из рукава.

Смотреть эти допросы — особенно тот, где был Дин — было физически больно. Я отказывалась верить, что мы так ничего и не узнали о деле.

— Тогда предположим, что все слова о письмах и профессоре — красивая ассистентка, — сказала я. — Что остается? Что ещё мы узнали? — если не считать того, что Рэддинг верит в то, что Дин пытал агента Стерлинг.

— Эмоции Рэддинга однообразны, — Майкл свесил ноги с дивана, стараясь, как старалась и я, игнорировать слова Рэддинга о Дине. — Он никогда не чувствует страха. Он может почувствовать удовольствие, но не счастье. Никакого сожаления. Никаких угрызений совести. Чаще всего он доволен собой, забавляется, хочет, чтобы люди вокруг страдали. Он расчетливый, сдержанный и только Дину удалось выбить из него настоящие эмоции.

Майкл подтвердил все мои впечатления об отце Дина. Рэддинг был одержим. Он срывался каждый раз, когда Дин отрицал их родство. Он делал всё, что только мог, чтобы заставить Дина считать, что они — одно целое — чтобы отдалить его ото всех, начиная с агента Бриггса.

— Бриггс знал? — спросила я. — О том... что Рэддинг сказал в конце. О Дине?

Больше я ничего не смогла сказать.

— Он знал, — агент Стерлинг заговорила впервые с того времени, как мы начали смотреть записи. Не медля, она шагнула к Лие, выхватила у неё пульт и нажала на «плэй». Через миг на экране появилась запись третьего допроса.

Охранник — я никогда не видела его прежде — провёл в комнату Стерлинг. Вместо того чтобы сесть напротив Рэддинга, она осталась стоять.

— Вероника Стерлинг, — отец Дина произнес эти слова, словно заклинание. — Должен сказать, я удивлен, что ваш дражайший муж — прошу прощения — бывший муж — позволил вам подойти так близко к дьяволу воплотити.

Стерлинг пожала плечами.

— Ты всего лишь человек. Жалкий маленький человечешка, живущий в клетке.

— Бриггс не знает, что вы здесь, не так ли? — спросил Рэддинг. — А ваш отец? Нет, он тоже не знает, правда? Так скажите мне, мисс Стерлинг, почему вы здесь?

— Вы знаете, почему я здесь.

— Это ваше надоедливое расследование? — спросил Рэддинг. — Боюсь, я рассказал Дину и агенту Бриггсу всё, что знал.

— Лжец, — Стерлинг на экране произнесла слово в тоже время, когда его пробормотала сидящая рядом со мной Лия.

Рэддинг ответил:

— Вы раните меня — я-то думал, что у нас особые отношения.

— Потому что мне удалось спастись? — спросила Стерлинг. Мышца на щеке Рэддинга дернулась.

— Прямо в яблочко, — пробормотал Майкл.

Рэддинг быстро опомнился.

— Шрамы прошли? Раны были довольно неглубокими — мальчик впервые делал это, вы же знаете. Но клеймо — клеймо никогда не исчезнет, не так ли? Мой инициал будет выжжен в вашей плоти до конца вашей жизни. Вы ещё чувствуете запах обожжённой кожи? Чувствуете?

— Нет, — сказала агент Стерлинг, присаживаясь. К моему удивлению, она опустила воротник рубашки, показывая шрам.

Рэддинг полуоткрыл рот.

— Поправка, — прокомментировал Майкл, — есть две вещи, которые могут выбить из Дэниела Рэддинга настоящие эмоции.

Я не так хорошо разбиралась в эмоциях, как это делал Майкл, но я тоже видела это — убийца мысленно напевал «аллилуйя».

Агент Стерлинг коснулась буквы на своей груди. Впервые она полностью контролировала этот допрос. Он должен был заметить сталь в выражении её лица, но не заметил.

— Это не ваш инициал, — сказала она, чуть громче шепота. — Это инициал Дина. Мы знали, что вы слушаете. Мы знали, что вы придете, чтобы проверить, как он справился, и только так вы бы поверили в то, что у него нет скрытых мотивов, — её пальцы ещё раз скользнули к «Р». — Я сказала ему сделать это. Я умоляла его, я заставила его пообещать, и он сдержал обещание — не важно, как больно ему было и как это сейчас преследует его — он сделал это. И это сработало.

— Нет.

— Вы поверили в обман. Вы доверяли ему, потому что хотели верить, что в вашем сыне не было ничего от его матери. Что он был таким, как вы.

Стерлинг расправила рубашку.

— Я не сбежала, Дэниел. Дин отпустил меня. Он прикрывал меня.

— Вы лжете, — Рэддинг едва смог выдавить эти слова сквозь стиснутые зубы.

— Он говорил мне быть осторожной с вами. Но я не послушалась. И когда я пришла без подмоги, когда вы поймали меня — он видел это. У него был план, и он выполнил этот план любой ценой, — она улыбнулась. — Вы должны гордиться. Он так же гениален, как вы, достаточно умен даже для того, чтобы обхитрить старого доброго папочку.

Рэддинг бросился на агента Стерлинг, но она уклонилась, и цепи не дали ему дотянуться.

— Как собака на привязи, — сказала она.

— Я убью тебя, — голос Рэддинга потупился, но это были не пустые слова — совсем нет. — Ты понятия не имеешь о том, на что я способен. Даже не догадываешься.

Стерлинг не ответила. Она вышла из комнаты и экран погас.

— Вы попросили Дина заклеить вас? — Лия заговорила первой.

— Рэддинг должен был поверить в то, что Дин убьет меня, в то, что за ним не стоит приглядывать, — Стерлинг взглянула на Лию. — Иногда приходится делать то, что нужно, чтобы выжить.

Лия знала это — как знали это и Дин с Майлом. Я подумала о Слоан, считающей дырочки в душевом трапе, одержимо работающей по ночам, и о себе, говорящей Лок, что я убила свою мать — я отвлекла её, чтобы Майкл смог убить её.

Иногда приходится делать то, что нужно, чтобы выжить.

— Проехали, — сказала Лия. — Я пойду посмотрю, как там дела у Слоан, — она не хотела говорить о выживании, и я запомнила это, на будущее. Решив, что я тоже не против побега, я последовала в подвал вслед за Лией. Мы обнаружили Слоан сидящей посреди фальшивого фойе в окружении карт и географических атласов.

— Что-нибудь нашла? — спросила я.

Слоан подняла голову от карт, но её глаза не фокусировались на нас. Она застряла в размышлениях, рассчитывая что-то. Её мысли заглушали нас.

Лия легонько ткнула её ногой. Слоан вынырнула из своих размышлений и взглянула на Лию.

— Географическое профилирование на удивление неудовлетворяющее, — сказала она, звуча почти раздраженной. Она разложила бумаги перед собой и жестом приказала нам посмотреть поближе. Я опустилась на колени.

— Большинство убийц отслеживают жертв не дальше определенного расстояния от их дома, — Слоан указала на изображенных на карте круга с разными центрами.

— Эмерсон Коул. Профессор Фогл. Трина Симмс. Домик Фогла находится в трех часах езды от Колониального Университета, который, в свою очередь, в трех часах езды от Броукен Спрингс.

Вместе три точки на карте напоминали кусок пирога.

— Даже если задать радиус от двух до трех часов езды, наложение областей крохотное.

— Разве это не хорошо? — рискнула спросить я. — Чем оно меньше, тем меньше территория для поисков.

— Но дело не только в этом, — сказала Слоан. — На этом крохотном кусочке карты только одно место бросается в глаза.

Лия заметила его прежде, чем я.

— Тюрьма, где держат отца Дина.

— В этом есть смысл, — сказала я. — Рэддинг отдает приказы. Рэддинг — центральная фигура в этом деле.

— Но это мы и так знали! — Слоан почти кричала. Она прикусила нижнюю губу, и я вдруг поняла, какой беспомощной она себя чувствовала, сидя здесь, внизу: совсем одна, она не может ничего изменить, не важно, сколько раз она проведет расчеты.

— Эй, — я уцепилась за её руку, помогая ей встать. — Пойдем, доложим обстановку агенту Стерлинг.

Слоан, кажется, хотела поспорить, но Лия опередила её.

— Дело всегда в деталях, — ласково сказала она Слоан. — Десяток секунд, крохи информации — никогда не знаешь, что существенно поможет делу.

Стоило нам подняться на первый этаж, хлопнула входная дверь. Сначала мы с Лией и Слоан замерли, а затем зашагали ко входу. По дороге мы наткнулись на Стерлинг и Майкла. Все мы одновременно остановились.

Дин снимал пальто. Бриггс ждал, скрестив руки на груди. Судя по всему, он ожидал, что мы все бросимся к ним.

— Что-нибудь нашла? — спросил он у Лии.

— Ничего, кроме того, что мы и так знали: он долго, медленно вальсировал вокруг правды.

— Что у тебя? — спросила у Бриггса Стерлинг.

— Хочешь сначала услышать плохие или хорошие новости?

— Удиви меня, — сухо сказала Стерлинг.

— У нас есть образец ДНК, — Бриггс позволил себе краткую улыбку — видимо, так выглядел танец джиги в исполнении агента ФБР. — Трина Симмс оцарапала нашего Н.О. ногтями.

Разве не странно, что Н.О. не оставил никаких улик на двух первых местах преступлений, но на третьем позволил жертве поцарапать себя? После всего, что я узнала, я была уверена в том, что Дэниел Рэддинг ценит совершенство, планирование и внимание к деталям.

— От ДНК не много пользы без подозреваемого, — едва слышно произнес Дин.

Майкл поднял бровь.

— Я так понимаю, вы ничего не узнали у старосветского организатора преступления?

Впервые на моей памяти Майкл не назвал Дэниела Рэддинга «отцом Дина» или по имени. А со стороны парня, который зачастую обращался к Дину по фамилии, которую тот делил с монстром, чтобы сделать ему больно, прозвучало это довольно доброжелательно.

— Мой отец, — произнес Дин, сводя на нет попытку Майкла, — отказался увидеться с нами. Мы заставили его, но он так и не заговорил.

— Это не правда, — Лия извиняясь взглянула на Дина, заранее отмахиваясь от любых протестов. — Что-то он сказал.

— Ничего, что стоило бы повторять, — Дин взглянул на Лию, словно проверяя, хватит ли ей наглости снова назвать его лжецом.

— Ничего, что ты хотел бы повторить, — негромко поправила она.

Бриггс откашлялся.

— Рэддинг сказал, что сегодня не в настроении для разговоров. Сказал, что может быть не против поговорить завтра. Мы устроили ему полную изоляцию — никаких посетителей, никаких телефонных звонков, никакого общения с другими заключенными. Но мы понятия не имеем о том, какие приказания он уже успел передать своему напарнику.

Он может быть не против поговорить завтра, — слова Бриггса эхом отдались в моих мыслях, и я подняла голову, чтобы взглянуть на Дина.

— Ты думаешь, что завтра умрет кто-то ещё.

Это было в стиле Рэддинга — отказаться говорить, пока он не получит новую тему для злорадства. А вот отказ увидеться с Дином — это удивило бы меня, если бы я только что не увидела, как агент Стерлинг сообщила Дэниелу Рэддингу о том, что сын предал его.

Отец Дина хотел наказать его, почти так же сильно, как он хотел наказать агента Стерлинг, не только за то, что она осталась в живых, но и за то, что она посмела отобрать у него самую важную вещь в его жизни.

Его сына.

— Что вы ещё узнали? — спросила я. Я знала, что Дин с Бриггсом что-то недоговаривают. Рэддинг не позволил бы Дину выйти из комнаты, не восстановив свою власть — он хотел причинить Дину боль, хотел заставить его страдать, за предательство отца.

Бриггс громко выдохнул. Затем он обернулся ко мне.

— Было ещё кое-что...

— Нет, — беспрекословное отрицание Дина последовало мгновенно.

— Дин...

— Я сказал нет.

— Не тебе решать, — возразил Бриггс. — Желание поставить себя на кон — свою безопасность, свой рассудок, свою репутацию — не самое тяжелое в нашей работе. Сложнее всего позволить сделать всё это людям, которые тебе не безразличны.

Дин развернулся в сторону кухни. Я думала, что он уйдет, но он не стал. Он просто, стоял спиной ко всем нам, в то время как агент Бриггс рассказывал нам о прощальных словах Рэддинга.

— Он сказал, что если мы хотим поговорить с ним раньше, а не когда будет слишком поздно, в следующий раз Дин должен прийти не один.

— Но он был не один, — ответила я, гадая, хочет ли Рэддинг ещё раз увидеть Стерлинг.

— Если собираетесь рассказать им, скажите, что именно он сказал.

Дин развернулся к нам. Он старался смотреть на Майкла, на Стерлинг, на Бриггса — на всех, кроме меня.

Ничего у него не вышло.

— Он сказал: «В следующий раз, приведи девушку».

Ты

Ошибка.

Вот что это такое. Не убийство Трины Симмс — здесь всё прошло по плану. Но оставить на месте преступления улику?

Неряшливо. Глупо. Недостойно.

Больше это не повторится. Ты об этом позаботишься. Больше не будет ошибок.

Скрываясь в тени, ты проводишь пальцем по ножу. Ты отрезаешь веревку идеальной длины. Ты чувствуешь тяжесть клейма в руке. Ты взмахиваешь им, всего раз, словно бейсбольной битой. Ты представляешь чудесный звук удара метала о череп...

Нет.

Всё делается не так. Не это ты сделаешь через пять... четыре... три... две...

— Что ты здесь делаешь?

Ты взмахиваешь клеймом.

Твоя жертва падает, а ты ни о чём не сожалеешь.

Свяжи их. Заклейми их. Режь их. Повесь их.

Никто не говорил, что перед этим ты не можешь отправить их в отключку.

Ты бросаешь клеймо на землю и достаешь пластиковые хомуты. Эмерсон Коул была заданием, но это — это будет весело.

Глава 39

— Откуда Рэддинг вообще знает о девушке? — директор Стерлинг пересек кухню, минуя Бриггса, свою дочь и всех нас, прежде чем остановиться перед Дином.

— Он спросил, — ровным голосом ответил Дин. — Я сказал, что у меня никого нет.

Сидящий за кухонным столом Джадд не сводил взгляда с директора Стерлинга, в то время как тот сердито глядел на Дина.

— Значит, Рэддинг либо не поверил тебе, либо что-то знает, либо играет на удачу, — директор обдумал эти возможности. — Мне не нравится идея подключения к допросам кого-либо ещё. Если об этом узнают не те люди... — он замолчал.

Вы уже позволили Дину участвовать в допросе, — подумала я. — Но если бы кто-нибудь узнал, что вы используете Дина, чтобы получить информацию от его отца, вы могли бы всё объяснить.

— Не скажу, что мне нравится идея пустить кого-либо из вас в одну комнату с серийным убийцей, — прокомментировал Джадд, отпивая кофе. — Не то чтобы меня кто-то спрашивал.

— С другой стороны, — продолжил директор, не обратив никакого внимания на слова Джадда, — я мог бы ещё разок договориться с охраной. Если безопасностью займутся наши люди, и мы очистим тюремный корпус от охранников и заключенных, я буду не против отправить туда одну из девушек.

— Меня, — сказала я, заговорив впервые с того момента, как Бриггс рассказал нам о просьбе Рэддинга. — Это должна сделать я.

Именно я ездил с Дин в Броукен Спрингс. Если Н.О. удалось рассказать об этом Рэддингу, то увидеть он хотел именно меня.

— Я могла бы пойти, — прямо сказала Лия. — Дэниел сказал, что заговорит, если вы приведете девушку. Он не сказал, какую именно.

— Лия, — Дин негромко произнес её имя. Она обернулась к нему. — Я не хочу, чтобы Кэсси находилась с ним в одной комнате, но с чего ты взяла, что я готов подставить тебя под удар?

— Я могу о себе позаботиться, — Лия говорила совсем как Дин — просто и мягко, совсем не походя на её привычную манеру общения.

— А я, значит, не могу? — оскорбленно спросила я.

— Может пойти должна я, — задумчиво произнесла Слоан.

— Нет, — хором произнесли все в комнате, включая директора.

— Я знаю джиу-джитсу, — уговаривала нас Слоан. — Кроме того, из увиденного я поняла, что этот человек специализируется на играх разума и тонких намеках, а на мне это не сработает. Я слышу только числа, факты и буквальное значение слов. Подтекст теряется в переводе.

Никто не смог поспорить с логикой Слоан.

— Я наверняка могу вывести его из себя, даже не стараясь! — теперь Слоан звучала слишком уж оживленно. — Если обстановка окажется слишком напряженной, я расскажу ему статистические данные о домашних хорьках.

— Это... эмм... очень щедрое предложение, Слоан, но я бы хотел, чтобы ты держалась в стороне, — директор говорил слегка сдавленно. — В той комнате есть двухстороннее зеркало. Когда мы обезопасим территорию, не останется причин, по которым вы не смогли бы наблюдать за допросом.

— Я могу назвать несколько, — Джадд поставил чашку на стол.

— Со всем уважением, Джадд, — резко ответил директор, — это дела ФБР.

А Джадд не был частью ФБР. После нескольких секунд напряженного молчания, он встал и вышел из комнаты.

— Пойдут Кэсси, Дин и Бриггс, — объявил директор, нарушив повисшую тишину.

— Почему? — Дин сделал шаг к директору. — Почему кто-то должен идти? Мы ничего не узнали и не узнаем от него. Он будет играть с нами, а кто-то ещё умрет. Мы тратим время. Мы делаем именно то, чего он хочет.

— Он на грани, — сказала агент Стерлинг, прежде чем директор успел ответить. — Он нарцисс. Дай ему петлю, и он затянет её на собственной шее, Дин.

— Думаю, именно поэтому его было так легко поймать, — парировал Дин.

— Я виделась с ним. Теперь он в ярости и это станет нашим преимуществом, — агент Стерлинг сделала шаг навстречу Дину. — Он хочет не просто выиграть в этой игре. Он хочет победы, которая будет преследовать нас — а если он считает себя хозяином положения, он обязательно что-нибудь расскажет. Будут подсказки, потому что он хочет, чтобы через пять лет я гадала о том, как могла их не заметить.

— Вы и не должны их замечать, — вмешался Майкл. Он взглянул на Лию. — Если мы будем по другую сторону стекла, мы сделаем это.

— Что стало с идеей держать нас подальше от этого дела? — резко поинтересовался Дин у агента Стерлинг. — Разве вы не этого хотели — чтобы мы были нормальными, были в безопасности?

Это был удар ниже пояса.

— Если бы я могла дать вам нормальную жизнь, я бы это сделала, — колко ответила агент Стерлинг. — Но я не могу, Дин. Я не могу изменить того, что с вами случилось. Я не могу заставить тебя — любого из вас — хотеть нормальности. Я пыталась не подпускать вас к делу. Я пыталась обращаться с вами, как с детьми, но это не сработало. Так что, да, я жуткая лицемерка, но если вы пятеро можете помешать тому человеку убить ещё кого-то, то я не стану с вами спорить, — она взглянула на отца. — Я устала с вами спорить.

Комната для допросов была куда меньше, чем выглядела на экране, и куда более замкнутой, чем показалась в тот раз, когда я стояла по ту сторону зеркала. Мы с Дином и Бриггсом пришли первыми. Один из агентов из команды Бриггса, в котором я узнала агента Вэнса, отправился за отцом Дина. Стоило директору выяснить, что Рэддинг помогал убийце прямо под носом у тюремной охраны, и сотрудники тюрьмы стали куда более сговорчивыми — приятный контраст с тем, как они относились к нам со Стерлинг, когда мы впервые приехали сюда.

Я села за стол, ожидая, что Дин и Бриггс сядут рядом со мной.

Они остались стоять за моей спиной, словно личная охрана, прикрывающая президента.

Дверь в комнату отворилась со скрипом, и я собрала всю силу воли, чтобы не обернуться к Дэниелу Рэддингу. Агент Вэнс приковал его к столу, проверил цепи и удалился.

— Итак, — произнес Рэддинг, не сводя с меня глаз. — Ты и есть девушка.

В его голосе было нечто музыкальное, чего я не слышала в записи.

— Ты молчаливая, — прокомментировал Рэддинг. — И симпатичная, — он едва заметно улыбнулся мне.

— Не такая уж и симпатичная, — ответила я.

Он склонил голову набок.

— Знаешь, думаю, ты веришь в это, — он сделал паузу. — Скромность — такая редкость для вашего поколения. По моему опыту, молодые люди часто переоценивают свои возможности. Они слишком уж быстро становятся уверенности в себе.

ДНК под ногтями Трины Симмс, — подумала я. Рэддинг никак не мог узнать об этом — и всё же я чувствовала, что в этом разговоре было два смысла: очевидный и скрытый.

Агент Бриггс опустил руку на моё плечо, и я обратила внимание на список вопросов, лежащий на столе — список, написанный агентом Стерлинг.

— У меня есть кое-какие вопросы, — сказала я. — Если я задам их, вы ответите?

— Я сделаю даже лучше, — сказал мне Рэддинг. — Я скажу тебе правду.

А так ли это, мы узнаем. Или, если точнее, узнает Лия, сидящая за двухсторонним зеркалом.

— Давайте поговорим о вашем напарнике, — сказала я.

— Я бы не назвал его напарником.

Я знала это — и я не просто так выбрала именно это слово. Агент Стерлинг считала, что если Рэддинг посчитает, что он здесь главный, мы только выиграем. Пусть считает меня обыкновенной девушкой, а не соперницей.

— Тогда как бы вы его назвали?

— Думаю, подошло бы слово «ученик».

— Ваш ученик учится в колледже? — спросила я.

Рэддинг не колебался и секунды.

— Да.

— Ваш ученик никогда не учился в колледже?

Если Рэддинг и посчитал странным тот факт, что я задаю разные версии одного и того же вопроса дважды, он не подал виду.

— Да.

— Ваш ученик моложе двадцати одного?

— Да.

— Ваш ученик старше двадцати одного?

Он улыбнулся.

— Да.

— Вы познакомились по переписке?

— Да.

— Вы познакомились лично?

— Да.

В списке были ещё вопросы. Я задала все. Его ответ не менялся. Дойдя до конца списка Стерлинг, я надеялась лишь на то, что Лия сможет понять, какие ответы были правдой, а какие — ложью.

— Ещё вопросы? — спросил Рэддинг.

Я сглотнула. Я должна была сказать «нет». Я должна была встать и выйти из комнаты, но я не могла.

— Вы пытаетесь найти замену Дину? — спросила я. Было сложно смотреть на него и не думать о заикленной на мне Лок.

— Нет. Человек не может вот так просто заменить своё лучшее творение, — Рэддинг улыбнулся. — Моя очередь: ты заботаешься о моём сыне?

— Да, — коротко ответила я. — Почему вы хотели меня увидеть?

— Потому что, если ты — часть жизни Дина, то ты и часть моей жизни, — во взгляде Рэддинга было нечто такое, от чего мурашки бежали по коже. — Ты знаешь о том, что он делал? О том, кто он?

Я почувствовала, как стоящий рядом со мной Дин закаменел, но я не обернулась.

— Я знаю о Веронике Стерлинг. Я знаю о Глории и обо всех остальных.

Это было не совсем правдой — но я позволила Рэддингу считать, что Дин рассказал мне всё.

— И тебя это не заботит? — спросил Рэддинг, склоняя голову набок и глядя на меня, в меня. — Тебя притягивает тьма.

— Нет, — возразила я. — Меня притягивает Дин, и мне не всё равно, потому что он мне не безразличен. Моя очередь — и вы должны мне два вопроса.

— Спрашивай.

Мои инстинкты подсказывали мне, что Бриггс не позволит этому продолжаться слишком долго. Вопросы стоило выбирать осторожно.

— Как вы выбираете, кто должен умереть? — спросила я.

Рэддинг опустил руки на стол.

— Я не выбираю.

Он лгал. Он должен был. Единственной общей чертой между Триной Симмс и Эмерсон Коул была их связь с Рэддингом.

— Кажется, я задолжал тебе ещё один вопрос.

— Чудно, — сказала я. — Расскажите мне что-то, чего я не знаю.

Рэддинг усмехнулся.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Действительно нравишься.

Я ждала. *Дай ему петлю*, — подумала я, — *и он затянет её на собственной шее*.

— Что-то, чего ты не знаешь, — размышлял Рэддинг. — Ладно. Давай так: ты никогда не найдешь человека, убившего твою мать.

Я не могла ответить. Я не могла дышать.

У меня пересохло во рту. Мою мать? Откуда он знал о моей матери?

— Довольно, — резко сказал Дин.

— Да ладно вам, мы ведь так мило болтали, — сказал Рэддинг. — Мы, заключенные, только этим и занимаемся. Болтаем.

Он хотел, чтобы я поверила, что в тюрьме он услышал что-то о том, что случилось с моей матерью.

А значит, он знал, кто я такая — знал, что моя мать пропала и считалась убитой.

Не смотря на то, как моё сердце билось о ребра, я вдруг стала на удивление спокойна.

— Расскажите мне что-то, чего я не знаю об этом деле, — сказала я.

— Вот сейчас возьму и раскрою мой гениальный замысел, — с усмешкой на губах сказал он. Он говорил насмешливо, но глаза его были мертвы. — А теперь я вернусь в свою камеру и буду ждать, а пока я буду ждать, умрут ещё двое людей. Насчет одного из них агенту Бриггсу позвонят с минуты на минуту, а второй умрет завтра. А затем трупов станет ещё больше. Тело за телом, потому что Бриггс и Стерлинг недостаточно хороши, — Рэддинг перевел взгляд с меня на Бриггса. — Потому что вы недостаточно умны. — Он посмотрел на Дина. — Потому что ты слаб.

Я отодвинула стул от стола, врезаясь в Дина. Он не упал, а я встала.

Мы закончили, — подумала я, но не сказала вслух. Один за другим мы с Бриггсом и Дином покинули комнату, оставляя, прикованного к столу отца Дина в одиночестве.

Глава 40

Мы присоединились к команде в комнате для наблюдения.

Слоан удивительно прямо сидела на столе, скрестив ноги, её светлые волосы были собраны в неаккуратный хвостик. Рядом с ней, в нескольких шагах от Лии, стояла агент Стерлинг, всё ещё не отводящая взгляда от Рэддинга, сидящего по ту сторону двухстороннего зеркала. В комнату по другую сторону стекла зашел агент Вэнс, чтобы провести заключенного в его камеру.

Кто-то прикоснулся к моему плечу, и я обернулась. Майкл ничего не сказал — он просто изучал моё лицо.

Я не могла отвести от него взгляда. Я не сказала ему, что я в порядке, не сказала, что Рэддингу не удалось забраться мне в голову. Всё это Майкл уже знал. Не было смысла об этом говорить.

— Ты в порядке? — произнесла агент Стерлинг. Я не знала, говорила ли она со мной или с Дином.

Я уклонилась от ответа.

— Забудь о словах насчет моей матери, — сказала я Лие. — Сосредоточься на деле. Что из сказанного Рэддингом было правдой?

Лие наконец удалось отвести взгляд от стекла. Сначала мне показалось, что она проигнорирует мои слова. Я надеялась, что она не станет. Она сама говорила: лучшие лжецы — это фокусники. Я не хотела знать, правдой ли были слова о том, что я никогда не найду убийцу моей матери.

Он пытался запутать нас. Дело моей матери было пятилетней давности. Наш Н.О. убивал прямо сейчас.

— Ну? — спросила я. — О чём соврал наш любимых психопат?

Лия пересекла комнату и плюхнулась на офисный стул, разводя руками.

— Ни о чём.

— Ни о чём? — переспросила я.

Лия ударила ладонью о стул.

— Ни о чём. Не знаю, как ему удалось, — она снова вскочила на ноги, злость не позволяла ей долго оставаться на одном месте. — У нас было две версии каждого вопроса. Это должно было всё упростить, но, клянусь, всё, что он сказал, было правдой, — она выругалась — на удивление красочно.

— Что со мной не так?

— Эй, — Дин потянулся и схватил её за руку, когда она проходила мимо него. — Ты не виновата.

Она высвободилась из его хватки.

— Тогда кто виноват? Что-то я больше не вижу в этой комнате абсолютно бесполезных «детекторов лжи».

— Что, если это не так? — вмешалась Слоан. Кажется, мыслями она была где-то далеко. Я почти слышала, как завертелись шестеренки в её голове. — Я хотела сказать, что если ты не бесполезна? — сказала она, небрежно отбрасывая с глаз прядь светлых волос. — Что, если он не врал?

Лия покачала головой.

— Это невозможно.

— Возможно, — возразила Слоан, — если у него не один ученик.

Ваш ученик учится в колледже?

Ваш ученик никогда не учился в колледже?

Ваш ученик моложе двадцати одного?

Ваш ученик старше двадцати одного?

Боже.

Слоан была права. Рэддинг мог ответить на все вопросы честно только при условии, что снаружи на него работали двое — совершенно разные люди, но обоими Рэддингу удавалось манипулировать, оба любили насилие и контроль.

Бриггс обдумал вероятность чего-то подобного.

— Значит, Рэддинг специально ответил так, чтобы мы решили, что он просто издевается, но, на самом деле, он наконец объяснил нам, почему в этом деле ничего не вязалось с самого начала.

Почему Эмерсон Коул убил организованный, аккуратный человек, не оставляющий за собой улики, в то время как Трину Симмс убили в пределах слышимости соседей, да ещё и оставили ДНК на месте преступления.

Телефон Бриггса зазвонил. Все мы замолчали. Я вспомнила об обещании Рэддинга — тела начнут появляться одно за другим. Об одном из них Бриггсу сообщат с минуты на минуту.

Стоящий рядом со мной Майкл краем глаза наблюдал за Бриггсом, пока мужчина не повернулся к нам спиной. Майкл покачал головой. Что бы ни чувствовал Бриггс, это было что-то нехорошее.

Не повышая голоса, Бриггс вышел в коридор, позволив двери захлопнуться за собой. Повисла тишина, и никто из нас не решился произнести вслух то, что, скорее всего, произошло.

Ещё одно убийство.

Я не могла просто стоять и ждать, когда Бриггс вернется и скажет нам, что убили кого-то ещё. Я всё представляла лица жертв — безжизненные глаза Эмерсон, удивление Трины, когда она поняла, кем был Дин.

Двое убийц, — подумала я, стараясь сосредоточиться не на жертвах, а на Н.О. Я позволила этой мысли овладеть мной. — Один из убийц оставил улику. Второй — нет. Обоих контролирует Рэддинг.

Бриггс вернулся в комнату. Он повесил трубку, но всё ещё крепко сжимал телефон.

— У нас ещё одно тело.

— Где? — спросила агент Стерлинг.

Бриггс выглядел зловеще.

— Колониальный Университет.

Я сразу вспомнила о тех, кого мы там встретили, о других учениках из класса профессора Фогла.

— Кто-то из наших знакомых? — Майклу удалось сохранить спокойствие в голосе.

— Жертве было девятнадцать, — Бриггс находился в режиме ФБР — он с головой погрузился в дело. — Мужчина. Его сосед по комнате, обнаруживший тело, говорит, что его звали Гэри Кларксон.

Вздых застрял у меня в горле. Лия облокотилась на зеркало.

Кларк.

Бриггс и Стерлинг не взяли нас на место преступления. Они высадили нас у дома и уехали. Не важно, сколько границ они перешли, всё ещё существовали ограничения. Они не могли рисковать тем, чтобы кто угодно — включая убийцу — увидел нас на месте преступления. Не тогда, когда они могли просто принести нам фотографии.

Мы ждали. К моменту возвращения Бриггса и Стерлинг, над домом повисло беспокойство.

Они пришли не с фотографиями. Они пришли с новостями.

— Криминалисты всё ещё исследуют улики, но они не найдут никаких следов убийцы, — сказала агент Стерлинг. — Этот Н.О. ударил жертву металлическим клеймом, но в остальном до мельчайших деталей скопировал почерк Рэддинга. Он был уверен в себе, а не безрассуден. Он наслаждался происходящим.

Он учится, — подумала я.

— Больше походит на того Н.О., что убил Эмерсон Коул, чем на того, что убил Трину Симмс, — произнесла я вслух, соображая на полной скорости.

Два Н.О. Первый Н.О. — «организованный». Он убил Эмерсон и Кларка — и, вполне вероятно, он же убил и профессора. Н.О. №2 был «неорганизованным». Он убил Трину Симмс сразу после того, как мы навестили её.

— Какая здесь связь? — спросил Дин. — Как кто-то переходит от жертвы вроде Эмерсон к Кларку?

— Они были в одной группе в классе Фогла, — предположила Лия. — Кларк был до безумия влюблен в эту девушку.

— В его комнате в общежитии полно её фотографий, — подтвердил Бриггс. — Тысячи, под кроватью.

— Что насчет ещё двух людей из их группы? — спросила я. — Дерек и Брайс. Думаете, Н.О. №1 может охотиться за ними?

Сначала Эмерсон. Затем Кларк. В тоже время Н.О. №2 убивает Трину Симмс...

Мои размышления были прерваны сигналом входящих сообщений — один донесся от телефона Стерлинг, а второй — от телефона Бриггса.

— Криминалисты? — предположил Майкл.

Слоан ответила отрицательно.

— Слишком рано. Даже если они торопились, они не успели бы провести больше одного или двух тестов...

— Они торопились, — перебил её Бриггс. — Но пока что им удалось лишь взять образец ДНК у нашей жертвы.

— Но почему вам одновременно прислали сообщения? — подозрительно спросила Лия.

— Потому что ДНК совпала с одним из образцов в базе, — Бриггс снял пиджак и взял его в одну руку. Это действие указывало на скованность и совсем не походило на его взгляд.

— ДНК Кларка совпало с образцом, найденным под ногтями Трины Симмс.

Я не сразу поняла смысл этих слов. Слоан произнесла это вслух.

— Значит, вы хотите сказать, — ответила она, — что Гэри Кларксон не только четвертая жертва, он ещё и наш второй Н.О.

Ты

Перед твоими глазами всё ещё стоит взгляд этого толстого, жалкого прилипалы, в тот миг, когда ты вонзил нож в его грудь.

— Вот, как это делается, — сказал ему ты, всё глубже и глубже погружая нож в его плоть. — Идеальный контроль, всегда. Никаких улик. Никаких случайностей.

Когда ты узнал, что Трина Симмс мертва, ты представил, как всё должно было случиться. Ты представил каждую деталь — как бы ты сделал это. Удовольствие, которое ты получил бы от её криков. Но этот подражатель, этот притворщик — он сделал всё не так.

И ему пришлось заплатить за это.

Пот и слезы смешались на его лице. Он страдал, но ты не торопился. Ты был терпелив. Ты объяснил ему, что был знаком с Триной Симмс, и что она заслуживала лучшего.

Или худшего, смотря с какой стороны посмотреть.

Ты показал этой бледной копии, подражателю подражателя, что такое терпение. Плохо лишь то, что тебе пришлось заткнуть ему рот — ты не мог рисковать, чтобы какой-нибудь студент по соседству решил заглянуть сюда, чтобы узнать, от чего ноет эта свинья.

Ты улыбаешься этому воспоминанию, вычищая свои инструменты.

Рэддинг не говорил тебе убивать подражателя. Он и не должен был. Вы были разными, ты и тот парень, которого ты только что отправил в ад.

Он был слабаком.

Ты сильный.

Он раскрашивал по номерам, но всё равно выходил за границы.

Ты — развивающийся художник.

Импровизация. Новшества. Стоит тебе подумать об этом, и поток энергии бежит по твоим венам. Ты думал, что хочешь быть похожим на Рэддинга. Хочешь быть Рэддингом.

*Но теперь ты начинаешь понимать — ты можешь быть кем-то намного большим.
— Не сейчас, — шепчешь ты. Сначала ещё один человек должен уйти.
Ты напеваешь песню и закрываешь глаза.
Что будет, то будет — даже если тебе придется немного помочь этому произойти.*

Глава 41

Если верить уликам, то Кларк был убийцей — и его убил второй ученик Рэддинга.

*Братское соперничество, — мысль была не к месту, но я не могла отмахнуться от неё. —
Двое молодых людей, идеализировавших Рэддинга. Им каким-то образом удалось наладить с ним
отношения — но что они знали друг о друге?*

Видимо, они знали достаточно для нашего оставшегося Н.О., чтобы пожелать Кларку смерти.

— Кларк убил Трину? — Майклу не удалось скрыть неверие в голосе. — Я знал, что в нём есть злость — на Эмерсон, на профессора, но всё же...

Я попыталась представить это. Кларк силой ворвался в дом Трины? Или она впустила его? Может он упомянул Рэддинга?

— Кларк был одиночкой, — размышляя вслух, сказала я. — Он никогда и никуда не вписывался. Он не был агрессивным, но с такими людьми, как он, обычно не хотят общаться.

Дин искоса взглянул на агента Стерлинг.

— Насколько неорганизованным было убийство Трины Симмс?

Я сразу увидела логику в вопросе Дина: Кларк идеально подходил под описание «неорганизованного» убийцы.

— Он следовал почерку Рэддинга, — сказала агент Стерлинг. — Просто не очень хорошо.

*Поэтому ты убил его, — подумала я, обращаясь к нашему Н.О. — Вы оба играли в одну
игру, но он напортачил. Он мог бы попасться. Может, из-за него попался бы и ты.*

— Они знали друг друга? — спросила я. — Кларк и наш Н.О. — готова поспорить, они были знакомы, но как именно они встретились?

— Он бы хотел, чтобы они держались как можно дальше друг от друга, — Дин не уточнял, кем именно был «он». Ему и не нужно было. — Чем меньше они пересекались, тем лучше он мог их контролировать. Это ведь его игра, а не их.

Этого было мало для профилирования Кларка или нашего Н.О.. В конце концов, всё снова сводилось к Рэддингу. Я представила его, сидящим за столом напротив меня. Я слышала, как задаю вопросы, слышала его ответы. Я обдумала их, шаг за шагом, понимая, что я что-то упускаю.

Ты послал Кларка убить Трину, — подумала я. — Но кому ты приказал убить Эмерсон?

Назойливое ощущение, что я что-то упускаю, только усилилось. Я сидела неподвижно, и вдруг, все неуместные детали исчезли, оставляя лишь одно. Одну деталь.

Один вопрос.

— Лия, — тут же выпалила я, — ты уверена, что Рэддинг не соврал в ответ ни на один из моих вопросов?

Она слегка склонила голову — судя по всему, она не считала, что должна отвечать на этот вопрос словами.

— Я спросила его о том, как он выбирал жертв, — я оглядела комнату, проверяя, не думает ли кто о том же, о чём и я. — Я спросила: «Как вы выбираете, кто должен умереть?», и помните, что он ответил?

— Он сказал: «Я не выбираю», — ответил Дин. Сомневаюсь, что он забыл хоть одно слово, произнесенное его отцом за время нашей встречи — за время всех их встреч.

— Если он не выбирает жертв, — сказала я, переводя взгляд с Дина на Стерлинг и Бриггса, — то кто выбирает?

На миг повисла тишина.

— Они.

Я не ожидала, что ответит Майкл, хоть может мне и следовало.

Когда они с Лией встретились с Кларком, именно он увидел в парне злость.

«Она была не такой», — сказал Кларк, когда мы узнали, что Эмерсон спала с профессором — но он сам не верил в свои слова. А значит, он верил, что Эмерсон была именно такой.

Что она была достойна пренебрежения.

Она заслуживала смерти.

Он прятал её фотографии под кроватью.

Кларк был одержим Эмерсон. Он любил её и ненавидел, а затем она умерла. Единственная причина, по которой его не могли подозревать, было наличие у него алиби.

— Рэддинг заставил Н.О. выбирать жертв друг для друга, — Майкл продолжил говорить — и думал он о том же, о чём и я. — Кларк выбрал Эмерсон, но убил её кто-то другой. Как в «Незнакомцах в поезде».

— Альфред Хичкок, — вставила Слоан. — Фильм 1951 года. Длительностью в час и сорок одну минуту. В фильме показано, что наиболее верный способ избежать наказания за убийство заключается в том, чтобы два незнакомца убили жертв друг друга.

— Тогда, — мягко сказал Бриггс, — у каждого убийцы есть алиби на время смерти его жертвы.

Так Кларк сдавал экзамен в комнате с сотнями студентов, когда убили Эмерсон.

Пазл в моей голове наконец сложился.

Так Кристофер Симмс встречался с Бриггсом, когда кто-то убил его мать.

Глава 42

Я ждала, сидя на ступеньках. На протяжении четырнадцати последних часов агенты ФБР пытались найти Кристофера Симмса. Дэниел Рэддинг обещал, что сегодня умрет кто-то ещё, но я могла только ждать — чтобы увидеть, был ли он прав, чтобы узнать, поймают ли убийцу вовремя. Я не могла подняться на второй этаж. Я не могла спуститься вниз. Я могла лишь сидеть здесь, заиклившись на уликах и молясь о том, чтобы кто-то позвонил нам, для того, чтобы сказать, что подозреваемый арестован, а не для того, чтобы рассказать нам о пятой жертве. Неважно, сколько раз я обдумывала все детали дела, ничего не менялось. Кларк выбрал Эмерсон, и кто-то другой убил её в то время, когда его алиби было неоспоримым. Этот кто-то и сам выбрал жертву — Трину Симмс.

Я всё ещё помнила взгляд Кристофера, когда он схватил меня и стащил с дивана.

Ему надоело находиться под каблуком у матери. А что за месть была бы лучше, чем её смерть — да ещё и, в каком-то смысле — от руки человека, в которого она была влюблена.

Всё сводилось к Дэниелу Рэддингу. Может Кристофер и решил, что Трина должна умереть. Но именно Рэддинг сделал Кристофера своим учеником. Возможно, отец Дина использовал Трину, чтобы подобраться к её сыну. Он почти наверняка приказал Кларку подождать с убийством Трины, до тех пор, пока её не навестит Дин. Как долго он планировал всё это? Из скольких деталей создал свой план, прежде чем тело Эмерсон обнаружили на газоне? Я повернулась влево и взглянула на стену. На стенах у лестницы выстроились в ряд фотографии — снимки серийных убийц украшали наши стены, словно фото семьи.

Я уловила в происходящем иронию.

Я сжимала в руке помаду «Красная Роза». Я сняла колпачок и прокрутила тюбик, пока над его пластиковым краем не показался темно-красный цвет.

Ты никогда не найдешь человека, убившего твою мать. Насмешливые слова Рэддинга всё ещё звучали где-то на краю моего сознания.

— Ты не против, если пока мы ждем, я составлю тебе компанию?

Я взглянула через плечо и увидела стоящего на вершине лестницы Дина.

— Присаживайся, — сказала ему я.

Вместо того чтобы сесть на ступеньке выше меня, Дин спустился вниз и сел рядом со мной. Лестница была достаточно широкой, чтобы между нами осталось пространство, но так же достаточно узкой, так что этого пространства было не слишком много. Он опустил взгляд на тюбик помады в моей руке.

Он знает, — подумала я. — Он знает, что помада принадлежала Лок, и знает, почему я оставила её себе.

— Я всё не могу выбросить их из головы, — после нескольких секунд тишины произнес Дин. — Гэри Кларксон. Кристофер Симмс. Отец придумал всё это не ради них.

Я закрутила тюбик и закрыла его колпачком.

— Ради тебя, — произнесла я, зная, что это правда, зная, что всё это, так или иначе, было связано с Дином.

Дин закрыл глаза. Я чувствовала его, чувствовала каждый его вдох и выдох.

— Я не могу понять, сделал ли мой отец всё это, чтобы мне пришлось увидеться с ним или же он рассчитывал, что один из его учеников попытается доказать своё превосходство, убив меня.

Дин открыл глаза, а я задумалась о его словах. Убийца Эмерсон прикончил Кларка. Этот Н.О. хотел быть единственным учеником Рэддинга. Его единственным наследником. Его единственным сыном.

— Твой отец не желает тебе смерти, — сказала я Дину.

Для Рэддинга это было бы крайней мерой. Он убил бы Дина только поверь он, что действительно потерял его — а Дэниел Рэддинг не считал это возможным.

— Нет, — согласился Дин, — он не желает мне смерти, но если бы один из Н.О. взбунтовался, если бы пришел сюда, чтобы убить меня, мне пришлось бы защищаться.

Возможно, Рэддинг считал, что всё должно кончиться именно так — Дин убивает его учеников. Рэддинг считал Дина продолжением себя самого. И, конечно, он думал, что Дин победит — ну, а если это ему не удастся, может, он заслуживает смерти. За свою слабость.

За то, что не был сыном своего отца.

Зазвонил телефон. Мои мышцы напряглись. Я замерла, без возможности пошевелиться, без возможности дышать. Через две секунды телефон перестал звонить. Кто-то поднял трубку. *Пожалуйста, пусть им удалось вовремя найти его. Пожалуйста, пусть им удалось вовремя найти его.*

— Дин, — моё горло внезапно пересохло, но мне всё же удалось выдавить его имя. Он сидел так близко и абсолютно неподвижно. — Прошлым летом, после всего, что произошло, Майкл сказал мне разобраться в моих чувствах. В моих чувствах к тебе.

Я не знала, почему говорю это именно сейчас — но я должна была. С минуты на минуту появятся новости. В любой миг, всё может измениться. Я чувствовала себя словно поезд, проносющийся сквозь туннель.

Прошу, пусть больше не будет трупов.

— Таунсенд... он что-то для тебя значит, — так же хрипло, как и я, произнес Дин. — Он заставляет тебя улыбаться.

А ты заслуживаешь этого, — я буквально слышала, как он думает об этом, слышала, как он сражается с желанием произнести слова, которые ему всё же не удалось сдержать в себе.

— И что же ты поняла?

Он спрашивал. А раз уж он спрашивал, значит, он хотел знать, значит, ответ на этот вопрос был для него важен. Я сглотнула.

— Ты... Дин, я должна знать, что ты чувствуешь. Ко мне.

В любой миг всё могло измениться.

— Я чувствую... что-то, — запинаясь произнес Дин. Он развернулся ко мне, касаясь ногой моей ноги. — Но я не знаю, смогу ли я... Не знаю, достаточно ли этого, — он сжал мою руку на тюбике помады, накрывая мою ладонь своей. — Не знаю, смогу ли я...

Смогу что? Открыться? Отпустить прошлое? Рискнуть, позволив кому-то стать для тебя настолько значимым, что потеряй ты его, ты окажешься за гранью?

У подножья лестницы появился Майкл. Дин выпустил мою ладонь.

— Они нашли его, — произнес Майкл, замирая и глядя на нас. — Команда Бриггса нашла Кристофера Симмса.

Они схватили Кристофера Симмса у кофейни, где он поджидал девушку. В его грузовике нашли пластиковые хомуты, охотничий нож, тавро и черную нейлоновую удавку.

Тело за телом, — обещал Рэддинг. — Поэтому что вы недостаточно умны. Потому что вы слабы.

Но мы не были слабыми, и на этот раз, мы победили. Тот охотничий нож уже никогда не поранит кожу очередной девушки. Её руки не будут связаны за спиной. Она не почувствует, как раскаленный металл прожигает её плоть.

Мы спасли ту девушку из кофейни, как однажды мы спасли Маккензи Макбрайд. Ещё одна жертва была бы сейчас мертва, не сядь я за стол напротив Дэниела Рэддинга. Не рань его Стерлинг настолько, что он решился попытать нас правдой. Не будь Лия там, по ту сторону зеркала, в поисках лжи, которой не последовало. Не догадайся Слоан, что Лия не ошиблась.

Как бы всё кончилось, если бы мы с Майклом не встретились с Кларком, если бы Дин не навестил Трину?

Дин ушел, по-своему стараясь разобраться с этими новостями. Майкл решил поработать над своей машиной. Я стояла на заднем дворе, сжимая в ладони помаду «Красная Роза» и не сводя глаз с мусорного бака.

Я стала одной из «Естественных», надеясь, что смогу уберечь другую маленькую девочку от возвращения в залитую кровью комнату. Вот, чем мы занимались. Мы спасали людей. И всё же, я не могла выбросить помаду. Я не могла захлопнуть дверь, ведущую к моему прошлому.

Ты никогда не найдешь человека, убившего твою мать.

Как Рэддинг мог узнать об этом? Он и не мог. Но и я не могла отключить ту часть моего мозга, что думала о сплетнях между заключенными. Как отец Дина вообще узнал, что моя мать умерла?

— Не делай этого, — за моей спиной со мной появился Майкл. Я сжала пальцы на помаде и опустила её в передний карман джинсов.

— Не делай чего? — спросила я.

— Не думай о том, что заставляет тебя почувствовать себя маленькой и напуганной, словно ты застряла в туннеле без света в конце.

— Ты стоишь за моей спиной, — не оборачиваясь, произнесла я. — Как ты можешь прочитать мои эмоции, не видя моего лица?

Майкл сделал шаг и оказался передо мной.

— Я бы рассказал тебе, — произнес он, — но тогда мне пришлось бы тебя убить, — он замолчал. — Слишком рано?

— Шутить о моём убийстве? — сухо спросила я. — Никогда не рано.

Майкл протянул руку и отбросил прядь волос с моего лица. Я замерла.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю, что он тебе не безразличен. Я знаю, что тебя тянет к нему. Я знаю, что тебе больно, когда ему причиняют боль. Я знаю, что он никогда не посмотрит на тебя так, как смотрит на Лию, знаю, что ты для него не сестра. Знаю, что он хочет тебя. Он ничего не может с собой поделать. Но ещё я знаю, что иногда он ненавидит себя за то, что хочет тебя.

Я вспомнила о сидящем на лестнице Дине, о его словах — он что-то чувствовал, но не знал, достаточно ли этого.

— В этом разница между нами двумя, — сказал мне Майкл. — Я не просто хочу тебя, — теперь обе его руки покоились на моём лице. — Я хочу хотеть тебя.

Майкл был не из тех, кто позволяет себя чего-то хотеть. А уж если он чего-то хотел, то никогда не признавался в этом. Он никому не позволял забраться ему в голову. Он боялся разочароваться.

— Я здесь, Кэсси. Я знаю, чего хочу, и я знаю, что стоит тебе ослабить хватку, стоит тебе позволить себе, ты тоже почувствуешь это, — он едва ощутимо провел ладонью по моей шее. — Я знаю, что тебе страшно.

Моё сердце билось так сильно, что я чувствовала, как пульс эхом отдавался где-то в моём животе. Мою голову заполнил круговорот воспоминаний, словно вода хлынула из сломанного крана. Майкл заходит закусочную, где я работала в Колорадо. Майкл в бассейне посреди ночи, его губы на моих. Майкл опускается на диван рядом со мной. Майкл танцует со мной на газоне. Майкл работает над машиной.

Майкл не давит на меня, стараясь быть хорошим парнем. Ради меня. Но в моей голове был не только Майкл, был ещё и Дин.

Дин сидит рядом со мной на ступеньках, его колено касается моего. Моя рука окунает в воду его окровавленные костяшки. Секреты, которыми мы делились. Я опускаюсь на колени в пыли у забора рядом с его старым домом.

Майкл был прав. Мне страшно. Я боялась своих собственных чувств, боялась желать, жаждать, любить. Боялась сделать больно любому из них. Боялась потерять кого-то, кто был мне не безразличен, вслед за теми, кого я уже успела потерять.

Но Майкл был здесь, говорил о своих чувствах. Он менял правила игры. Он просил меня выбрать. Он говорил: «Выбери меня».

Майкл не притянул меня к себе. Он не склонился ко мне. Выбор был за мной, но он был так близко, и мои руки медленно скользнули к его плечам.

Его лицу.

И всё же, он ждал – ждал, чтобы я заговорила, а, может, чтобы я сократила расстояние между нами. Я закрыла глаза.

В следующий раз, когда мои губы коснутся твоих, — вспомнила я слова Майкла, — *единственным человеком, о котором ты будешь думать, буду я.*

Суматоха в моей голове затихла. Я открыла глаза и...

Вокруг заиграла мексиканская музыка. Я подпрыгнула на полтора фута в воздух, а Майкл чуть не потерял равновесие, опираясь на больную ногу. Мы одновременно обернулись и увидели Лию, с набором колонок в руках.

— Надеюсь, я ничему не помешала, — громко произнесла она, стараясь перекричать музыку.

— «Feliz Navidad»? – спросил Майкл. – Серьезно, Лия? Seriously?

— Ты прав, — произнесла она, так спокойно и сдержано, как только мог говорить человек, кричащий, чтобы его было слышно за звуками абсолютно несвоевременной рождественской песни. – Сейчас даже не октябрь. Я переключу песню.

Из задней двери выглянула Слоан.

— Эй, ребята, — сказала она, куда более жизнерадостно, чем на протяжении всех этих дней. – Вы знали, что бензопила производит звук громкостью в сто десять децибел?

Майкл выглядел болезненно, но даже он никогда не решился бы обидеть Слоан.

— Нет, — со вздохом сказал он. – Я не знал.

— Шум от мотоцикла ближе к сотне, — радостно прошептала Слоан. – Готова поспорить, эта музыка где-то на ста трех. С половиной. Сто три с половиной.

Лия, наконец, сменила песню на один из своих танцевальных треков.

— Ну же, — сказала она, рискнув подойти достаточно близко, чтобы ухватить одной рукой меня, а второй Слоан. – Мы поймали плохого парня.

Она потянула нас на газон, её бедра двигались в такт музыке, и она глядела на меня, гадая, хватит ли у меня смелости возразить.

— Думаю, это следует отпраздновать. А вы?

Глава 43

Я проснулась посреди ночи, в холодном поту. Мне стоило ожидать возвращения ночных кошмаров. Они то преследовали меня, то отпускали на протяжении пяти лет. Конечно, игры разума Рэддинга вернули их.

Но дело не только в этом, — подумала я, в миг резкой честности с самой собой. – Они возвращались, когда я волновалась. Когда что-то менялось. Дело было не только в Рэддинге. Дело было в Майкле и в Дине, но больше всего, дело было во мне. Однажды, во время игры в «правду или действие», Слоан спросила меня, скольких людей я любила. Не только в романтическом смысле – всеми видами любви. Тогда я гадала, не разучилась ли я любить – ведь всю жизнь я росла с моей матерью, а затем вот так потеряла её.

Тогда я ответила, что одного.

Но сейчас...

Ты хочешь знать, почему именно ты так заботишь меня, Кэсси? – слова агента Стерлинг звенели в моих ушах. — *Потому что ты на самом деле чувствуешь. Ты никогда не сможешь перестать заботиться о людях. Это всегда будет чем-то личным.*

Я волновалась о жертвах, за которых мы боролись – о Маккензи Макбрайд, о безымянной девушке из кофейни. Я волновалась о людях в этом доме – не только о Майкле и Дине, но и о Слоан с Лией. О Лие, которая бросилась бы в огонь, ради Дина.

О Лие, вклинившейся в момент нашего с Майклом откровения с той же целью.

Я пыталась убаюкать мои мысли и заснуть.

Маккензи Макбрайд. Девушка из кофейни. Мои мысли вертелись по кругу.

Почему? Я повернула голову на подушке набок. Моя грудь поднималась и опускалась от ровного дыхания.

Агенты ФБР неправильно поняли дело Маккензи Макбрайд. Они не заметили злодея, прячущегося у всех на виду. Но в этом деле мы ничего не упустили.

Кристофер Симмс был злодеем. Они поймали его на горячем. В его грузовике было всё необходимое – хомуты для запястий и лодыжек девушки, нож и тавро.

Девушка в кофейне. Мои мысли снова и снова возвращались к ней. Кем была предполагаемая жертва Кристофера? Рэддинг знал, что кто-то умрет. Он сказал нам ждать этого.

Как вы выбираете, кто должен умереть?

Я не выбираю.

Кларк выбрал Эмерсон.

Кристофер выбрал свою мать.

Фогл был не более чем затруднением, с которым нужно было разобраться.

Но кто выбрал эту девушку?

От этого вопроса мне было не сбежать. Может, это и не было важно, но я выскользнула сначала из постели, а затем из комнаты. В доме царила тишина, не считая негромкого звука моих шагов на лестнице. Дверь в кабинет – временное жилище агента Стерлинг – была слегка приоткрыта. Судя по слабому свечению лампы, она не спала. Я замерла у двери. Я не могла заставить себя постучать. Внезапно, дверь распахнулась. Агент Стерлинг стояла по другую сторону двери, её каштановые волосы были распущенны и растрепаны, на лице не было макияжа, а в руках она держала пистолет. Стоило ей увидеть меня, как она выдохнула и опустила оружие.

— Кэсси, — сказала она. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь живу, — автоматически ответила я.

— Ты живешь прямо за моей дверью?

— Вы тоже на грани, — сказала ей я, разгадав это в её поведении, и в том факте, что она открыла дверь с пистолетом в руках. — Вы не можете заснуть. Как и я.

Она огорченно покачала головой – но я не могла сказать, грустила ли она из-за меня или из-за себя самой – затем она сделала шаг назад, приглашая меня в комнату. Я переступила порог, и она закрыла за мной дверь, включая свет. Я и забыла, сколько в кабинет Бриггса было чудел – хищников, словно застывших за миг до броска.

— Не удивительно, что вы не можете заснуть, — сказала я ей.

Она сдержала улыбку.

— Ему всегда нравилась драматичность.

Она присела на разложенный диван. С распущенными волосами она выглядела моложе.

— Почему ты не можешь заснуть? – спросила она. – Тебе мешает датчик слежения?

Я озадачено взглянула на свои ноги, словно только заметила их существование. Вес датчика на моей правой лодыжке должен был быть куда заметнее, но в последние несколько дней происходило столько всего, что я почти не замечала его.

— Нет, — ответила я. — В смысле, я была бы рада, если бы вы его сняли, но я проснулась не поэтому. Дело в девушке, той, с которой Кристофер Симмс встречался в кофейне. Той, кого он хотел похитить.

Я не стала уточнять того, что ещё Кристофер собирался сделать с той девушкой, но я знала агента Стерлинг достаточно хорошо, чтобы понять, что она думала об этом, как думала и я.

— И что же не так с той девушкой? — Стерлинг говорила немного хрипло. Я гадала, сколько бессонных ночей она провела в этом кабинете.

— Кто она? — спросила я. — Почему встречалась с Кристофером?

— Она работала в той кофейне, — ответила Стерлинг. — Общалась с кем-то на сайте онлайн-знакомств. Он назвался чужим именем и заходил на сайт только с общественных компьютеров, но очевидно, что это был Кристофер, перешедший на новый уровень в выборе жертв. Его мать мертва. Он убил Эмерсон — может ему понравились девушки-студентки.

Незнакомцы в поезде, — подумала я.

— У Кристофера было алиби на время убийства его матери. У Кларка было алиби на время убийства Эмерсон, — я сглотнула. У меня пересохло во рту, так что мне с трудом удалось выдать следующие слова. — Может, на этом всё кончилось. Возможно, теперь, когда Кларк был мертв, Кристофер был сам по себе — но ведь Рэддинг знал, что скоро кто-то умрет, кто-то кроме Кларка. Это было спланировано. А если это часть плана...

Я села рядом с агентом Стерлинг, надеясь, что она поймет, о чём я говорю, пусть я и не была уверена в том, что в моих словах был какой-либо смысл.

— Что, если это не Кристофер общался с девушкой онлайн? Что, если не он выбрал её?

Кларк

выбрал

Эмерсон.

Кристофер выбрал свою мать.

У них обоих было неоспоримое алиби на время убийства выбранной ими женщины.

Что, если они были не единственными?

— Ты считаешь, что есть кто-то третий, — стоило Стерлинг произнести это вслух, как всё стало по-настоящему. Я оперлась руками о край дивана, стараясь успокоиться.

— Кристофер признался в убийстве Эмерсон? — спросила я. — Вы нашли какие-либо материальные доказательства, связывающие его с местом преступления? Косвенные улики? Что угодно, кроме того факта, что он собирался убить другую девушку?

Телефон агента Стерлинг зазвонил. Контрастируя с моими негромкими вопросами, звук показался кричащим. Телефонный звонок в два часа утра не предвещал ничего хорошего.

— Стерлинг, — её осанка изменилась, стоило ей ответить на звонок. Она больше не была женщиной с растрепанными волосами, сидящей на краю постели. Она была агентом.

— Что значит «он мертв»? — короткая пауза. — Я знаю, что значит это слово, папа. Что произошло? Когда тебе позвонили?

Кто-то умер. Осознание этого потянуло меня вниз, заставляя моё сердце биться о грудную клетку в яростном ритме. По тону Стерлинг понятно, что умер кто-то, кого мы знаем. Стоило мне подумать об этом, и в моей душе зародился крик, завладевший моими мыслями, заглушивший их все до единой.

Прошу, пусть это будет не Бриггс.

— Нет, это не благословение, — резко сказала агент Стерлинг. — Дело ещё не закрыто.

Это не Бриггс, — подумала я. — *Директор никогда не назвал бы смерть его бывшего зятя благословением.*

— Папа, ты меня вообще слушаешь? Директор, мы считаем, что возможно... — она замолчала на полуслове. — Кто такие «мы»? Какая разница, кто такие «мы»? Я пытаюсь сказать...

Она не могла сказать ничего, потому что он не слушал.

— Я понимаю, что закрытие дела пошло бы тебе на пользу — суда не было бы, потому что наш первый убийца вывел из игры второго, а сам повесился на простынях, когда его поймали. Аккуратно и чисто. Убедительно. Директор? — она сделала паузу. — Директор? Папа? — она сердито нажала пальцем на экран и бросила телефон.

— Он повесил трубку, — сказала она. — Он сказал мне, что ему позвонили из тюрьмы, что Кристофера Симмса нашли мертвым в его камере. Он повесился — ну, такова нынешняя версия произошедшего.

Я услышала в этих словах подтекст: агент Стерлинг считала, что была вероятность — и, возможно, довольно большая, что самоубийство Кристофера Симмса было подстроено. Может,

Рэддингу каким-то образом удалось убить его? Или же тот, кто убил Эмерсон Коул – а может, и Кларка – вернулся, чтобы закончить начатое?

Три Н.О.. Двое из них мертвы.

Если был третий. Если кто-то из них всё ещё на свободе...

Агент Стерлинг распахнула чемодан.

— Что вы делаете? – спросила я.

— Одеваюсь, — напряженно произнесла она. — Если существует хоть крохотная вероятность того, что это дело не окончено, я должна убедиться.

— Я поеду с вами.

Она даже не подняла головы в ответ на моё предложение.

— Спасибо, но нет. У меня ещё остались кое-какие принципы. Если где-то там на свободе бродит убийца, я не стану рисковать твоей жизнью.

Значит, вашей жизнью рисковать нормально? – хотела спросить я, но не стала. Вместо этого я поднялась наверх и переоделась. Я перехватила агента Стерлинг на подъездной дороге, шагающей к её машине.

— Хотя бы попросите Бриггса встретиться с вами там, — крикнула ей вслед я, срываясь на бег, чтобы догнать её. — Где это «там» не было.

Она нажала кнопку открытия на ключах. На миг фары блеснули светом, а затем вернулась темнота.

— Сейчас два часа утра, — коротко произнесла агент Стерлинг. — Просто вернись в кровать.

Неделю назад я бы поспорила с ней. Я бы негодовала, потому что она отправляет меня на скамейку для запасных. Но каким-то образом часть меня понимала – не смотря на всё, что она сделала, она хотела защитить меня. Она готова рискнуть своей собственной жизнью, но не моей.

Но кто защитит вас? – подумала я.

— Позвоните Бриггсу, и я пойду спать, — пообещала я.

Даже в темноте я заметила раздражение на её лице.

— Ладно, — наконец сказала она, доставая телефон и показывая его мне. — Я позвоню ему.

— Нет, — произнес кто-то, стоящий прямо за моей спиной. — Не позвонишь.

Я не успела обернуться, не успела подумать, осмыслить эти слова. На моём горле сомкнулась рука, перекрывая мне воздух и вздергивая меня на цыпочки. Моё тело было плотно прижато к телу нападающего. Я впиалась ногтями в руку на моей шее, но захват лишь усилился.

Я не могла дышать.

Что-то металлическое и холодное коснулось моей щеки и замерло у моего виска.

— Положи пистолет на землю. Сейчас же, — я не сразу поняла, что нападающий обращался к агенту Стерлинг. Через миг я поняла, что к моей голове приставили пистолет, а Стерлинг сделала именно то, что ей приказали.

Она готова рискнуть своей собственной жизнью, но не моей.

— Прекрати брыкаться, — кто-то мягко прошептал мне на ухо. Он сильнее прижал пистолет к моему виску. Мне было больно. Я не могла дышать. Я не могла перестать брыкаться.

— Я сделала, что ты сказал. Отпусти девочку, — Стерлинг говорила так спокойно. Её голос доносился словно из далека.

На улице было темно, но всё стало казаться мне ещё более темным, когда мир поплыл у меня перед глазами, и на меня навалилась темнота.

— Забери меня. Ты ведь пришел сюда ради этого. Это ведь мне удалось сбежать от Рэддинга. Тебе мало доказать, что ты лучше других его учеников, мало убить их. Ты хочешь доказать, что ты лучше него. Хочешь, чтобы он увидел это.

Хватка на моей шее ослабла, но пистолет не дрогнул. Я с трудом вдохнула, сначала раз, затем ещё один — мои легкие горели.

— Смотри на меня, Кэсси, — Стерлинг всего на миг перевела взгляд с Н.О. на меня, чтобы сказать мне это. Я не сразу поняла, зачем. Она не хотела, чтобы я увидела его.

— Выруби её. Оставь её здесь. Она ведь не была частью плана. Твоего плана.

Стерлинг говорила спокойно, но руки её дрожали. Она играла в опасную игру. Одно неверное слово и Н.О. с легкостью убьет меня.

— Она не сможет опознать тебя. К тому времени, как она очнется, ты будешь далеко, а я буду твоей. Ты не потеряешь меня, как потерял Рэддинг. Ты не будешь спешить. Ты сделаешь всё по-своему и никто не найдет тебя. Они не найдут меня, если ты будешь придерживаться плана.

Стерлинг подбиралась слова специально для Н.О., играла на его страхах, его желаниях, но я тоже слышала её слова, и, страшнее всего было то, что я верила ей. Если я не смогу опознать Н.О., если он заберет её, если меня оставят без сознания на подъездной дороге, к тому времени, как я очнусь, будет слишком поздно. Фора будет слишком велика.

Но был лишь один способ, чтобы Бриггс сразу же понял, что что-то не так. Один способ убедиться в том, что он сможет найти её.

Н.О. отпустил мою шею.

— Смотри сюда, Кэсси. Смотри прямо сюда, — я слышала отчаяние в голосе агента Стерлинг. Ей нужно было, чтобы я смотрела на неё.

Я обернулась. Даже несмотря на темноту, я была достаточно близко, чтобы различить черты лица Н.О. Он был молод, чуть старше двадцати. Высокий и сложен словно бегун. Я узнала его. Охранник из тюрьмы. Уэббер. Тот, что чувствовал отвращение от одного лишь существования Дина, тот, кому не нравились женщины — агенты ФБР. Тот, что не позволил нам остаться в машине.

В один ужасный миг кусочки пазла встали на свои места: то, почему этот мужчина не позволил нам остаться в машине, то, как Рэддинг узнал о моём существовании и то, как третьему Н.О. удалось убить Кристофера Симмса в тюрьме.

— Рэддинг бы взял и меня. Он убил бы и меня, — я говорила хрипло и едва слышно. — Ты работаешь в тюрьме. Ты знаешь, что он просил встречи со мной. Возможно, именно ты доставил его просьбу.

Он мог пристрелить меня. Прямо сейчас, он мог пристрелить меня. Или моя ставка могла сыграть.

Я увидела лишь быстрое движение, блеск метала. А затем была лишь темнота.

Ты

Пистолет врезается в её череп с тошнотворным звуком.

Но тебя от него не тошнит.

Тело девушки падает на землю. Ты направляешь пистолет на симпатичного агента ФБР. Когда она навещала Рэддинга, она смотрела на тебя свысока. Она посмела указывать тебе. Она наверняка смеется над парнями, не поступившими в академию ФБР, что уж говорить о местной полиции.

— Подними её, — говоришь ты.

Она медлит. Ты наводишь пистолет на девушку.

— Либо ты поднимаешь её, либо я стреляю в неё. Выбирать тебе.

Пульс эхом отдается в твоих ушах. Твоё дыхание учащается.

Ты чувствуешь вкус ночного воздуха — почти металлический. Сейчас ты мог бы пробежать марафон. Мог бы прыгнуть в Ниагарский водопад.

Агент ФБР поднимает девушку. Ты кладешь её пистолет в карман. Они твои. Ты забираешь их обеих. И в этот миг ты понимаешь.

Ты не станешь вешать их. Не станешь клеймить. Не станешь резать.

Ты поймал «Ту, которой удалось сбежать».

Ты поймал девушку его бесполезного маленького сына.

На этот раз, — думаешь ты, — мы сделаем это по-моему.

Ты заставляешь агента ФБР опустить девушку в багажник, а затем забраться туда самой. Ты отправляешь её в нокаут — и, ох, это прекрасно. Это правильно.

Ты захлопываешь багажник. Ты забираешься в машину. Ты едешь прочь.

Ученик превзошёл своего учителя.

Глава 44

Я медленно приходила в сознание. И мигом почувствовала боль. Вся правая сторона моего лица пылала раскаленной агонией: пульсировала и болела, словно кто-то вонзил мне в лицо иголки.

Моё левое веко подрагивало, а вот правый глаз опух и не открывался. Кусочки мира вокруг наконец перестали расплываться – гнилые половинки, тугая веревка, обвившая моё тело, столб, к которому меня привязали.

— Ты очнулась.

Здоровым глазом я поискала источник голоса и увидела агента Стерлинг. На её виске засохла кровь.

— Где мы? – спросила я. Мои руки были связаны за спиной. Я вывернула шею, стараясь взглянуть на них. Пластиковые хомуты, впивающиеся в мою кожу, выглядели до ужаса тугими, но я не чувствовала ничего, кроме ослепляющей боли в скуле.

— Он ударил тебя пистолетом, ты отключилась. Как твоя голова?

Я не оставила незамеченным тот факт, что она не ответила на мой вопрос. С моих губ слетел стон, но я, как могла, подавила его.

— Как ваша?

Её пересохшие губы изогнулись в крохотной, горькой улыбке.

— Я очнулась в его багажнике, — сказала она через несколько секунд. — Он ударил меня не так сильно. Я сделала вид, что была без сознания, когда он нес нас сюда. Насколько я могу сказать, мы в какой-то заброшенной хижине. Вокруг один лишь лес.

Я облизнула губы.

— Когда он ушел?

— Не слишком давно, — волосы Стерлинг спадали на её лицо. Она была связана точь-в-точь, как я: руки за спиной, привязаны к деревянному столбу, протянувшемуся от пола до потолка. — Его не было достаточно долго, чтобы я поняла, что не могу освободиться. И, чтобы я поняла, что ты тоже не сможешь. Почему, Кэсси? – её голос надломился, но она не замолчала. — Почему ты не могла просто сделать то, что я сказала? Почему ты заставила его взять себя с собой?

Злость иссякала с каждым произнесенным ею предложением, пока не осталась лишь ужасная, пустая безнадежность.

— Потому что, — сказала я, кивнув на свою правую ногу, вздрагивая, стоило мне почувствовать боль в голове. — На мне надет датчик слежения.

Стерлинг не подняла головы, но её глаза встретились с моими.

— И в тот миг, когда я покину дом, Бриггс получит сообщение, — сказала я. — А скоро он поймет, что и вы пропали. Он узнает показания моего датчика. И найдет нас. А если бы я отпустила вас одну... — я не закончила предложение. — Бриггс найдет нас.

Стерлинг подняла голову к потолку.

Сначала мне показалось, что она улыбается, но затем я поняла, что она плачет, плотно сжав губы, чтобы с них не сорвался ни один звук. Не похоже на слёзы счастья.

Стерлинг открыла рот и странно, сухо засмеялась.

— О боже. Кэсси.

Сколько мы пробыли здесь? Почему Бриггс ещё не ломится в ту дверь?

Я Я не активировала датчик. Я думала, что будет достаточно устрашающе надеть его на тебя.

Датчик должен был сработать.

Он должен был помочь Бриггсу найти нас.

Мне даже в голову не приходило, что она могла мне соврать. Я знала, что рискую, но я ведь думала, что рискую жизнью, чтобы спасти её.

Датчик должен был сработать.

Он должен был помочь Бриггсу найти нас.

— Вы были правы насчет убийцы Эмерсон, — вот и всё, что я могла сказать. Убийца вернется. Никто нас не спасет.

— Разве?

Я видела по глазам Стерлинг, что она продолжает говорить ради меня, не ради себя.

Мысленно, она наверняка бранила себя — за то, что не смогла найти убийцу, за то, что согласилась жить в нашем доме, работать над этим делом, за то, что впустила меня, когда я постучала в её дверь.

За то, что не активировала датчик слежения. За то, что позволила мне верить в обратное.

— Вы сказали, что убийце Эмерсон от двадцати трёх до двадцати восьми лет, он довольно умен, но не обязательно образован. — Я сделала паузу. — Но раз уж он засунул нас в багажник, он водит не грузовик или внедорожник.

Стерлинг криво усмехнулась.

— Ставлю десять баксов на то, что это не его машина.

Мои губы изогнулись в улыбке, и я вздрогнула от боли.

— Постарайся не двигаться, — сказала мне Стерлинг. — Тебе понадобятся все твои силы, потому что, когда он вернется, я отвлеку его, а ты побежишь.

— Мои руки связаны, я привязана к столбу. Никуда я не побегу.

— Я заставлю его развязать нас. Я отвлеку его, — я расслышала в её голосе нотку решительности — отчаянную нужду верить в то, что все будет именно так, как она говорит. — Как только он отвлечется, ты побежишь, — решительно произнесла она.

Я кивнула, хоть я и знала, что у него есть пистолет, знала, что не успею добраться даже до двери. Я соврала ей, а она проглотила мою ложь, пусть мы обе знали, что будет недостаточно просто отвлечь его.

Ничего не будет достаточно.

Остались лишь мы и он, и осознание того, что мы умрем в этой сырой, прогнившей насквозь хижине, где никто, кроме нас самих не услышит наших криков.

О Боже.

— Он отошел от примера Рэддинга, — теперь Стерлинг пыталась меня отвлечь. — Он абсолютно вырвался из его хватки.

А, значит, мы можем умереть не так, как умерла Эмерсон Коул и дюжина женщин, убитых Дэниелом Рэддингом прежде чем его поймали.

Это больше не причуда Рэддинга — теперь она принадлежит тебе. Тебе нравилось душить меня, наблюдая за тем, как жизнь покидает мои глаза. Понравилось ли тебе бить меня пистолетом? Ты забьешь нас до смерти? Я заставила себя продолжать дышать — быстрыми, короткими вздохами. Ты оставишь наши изломанные тела там, где их найдут, как оставил тело Эмерсон на капоте машины? Ты возьмешь что-то себе на память, чтобы доказать свою власть, свою силу?

— Кэсси.

Голос Стерлинг заставил меня вернуться к настоящему.

— Странно, что я хотела бы быть нормальной? — спросила я. — И не потому что тогда я не оказалась бы здесь — я не против обменять свою жизнь на все жизни, что я помогла спасти — но потому что будь я нормальной, я бы не смогла забраться ему в голову прямо сейчас, глядя на нас его глазами, зная, как всё кончится.

— Всё кончится твоим побегом, — напомнила мне Стерлинг. — Ты выберешься. Ты спасешься, потому что ты умеешь выживать. Потому что кто-то другой решил, что ты достойна спасения.

Я закрыла глаза. Теперь она просто рассказывала мне историю — сказку, кончающуюся словами «долго и счастливо».

В В детстве я знала девочку, которая всегда умела выйти сухой из воды. Она была живым, дышащим руководством по выживанию в самых худших ситуациях, которые только приходят в голову.

Я позволила голосу Стерлинг заполнить мои мысли. Я позволила её словам вытеснить всё то, о чём я не хотела думать.

— Тебя похоронили заживо в стеклянном гробу со спящей коброй на груди. Воздух кончается. Попытаешься сломать гроб и разбудишь кобру. Что бы ты сделала?

Я открыла здоровый глаз.

— Что бы вы сделали?

— Я даже не помню, но у неё всегда находился ответ. Она всегда находила выход из ситуации, и он всегда была этому так чертовски рада, — Стерлинг покачала головой. — Иногда Слоан напоминает мне о ней. Когда мы выросли, она стала работать в лаборатории ФБР. Она всегда лучше ладит с фактами, чем с людьми. Большинству второклассников не слишком нравятся девочки, вечно придумывающие себе теоретическую смертельную опасность.

— Но вам она понравилась, — сказала я. Стерлинг кивнула. — Её звали Скарлетт, не так ли? — спросила я. — Она была дочерью Джадда. Вашей лучшей подругой. Не знаю, кем она была для Бриггса.

Несколько секунд Стерлинг гладела на меня.

— Ты бываешь жутковатой, — сказала она. — Ты ведь это знаешь, да?

Я пожалала плечами, насколько мне это удалось в моём нынешнем положении.

— Она была и лучшей подругой Бриггса. Они познакомились в колледже. Я знала её с детского сада. Она нас и познакомила. Мы все вместе пошли работать в ФБР.

— Она умерла, — я произнесла это, чтобы Стерлинг не пришлось говорить этого вслух, но она всё равно повторила мои слова.

— Она умерла.

Звук открывающейся двери окончил наш разговор. Древние шарниры протестующе затрещали. Я поборола побуждение обернуться к двери. Это не стоило той боли в лице и шее, которую я испытала бы, попробуй пошевелиться.

Ты стоишь там. Ты смотришь на нас.

Тяжелые шаги дали мне понять, что он приближается. Вскоре мужчина, убивший Эмерсон, Кларка и, скорее всего, Кристофера, стоял между нами со Стерлинг.

А в руках он держал охотничью винтовку.

Ты

Пистолеты и небольшие аккуратные пулевые отверстия, счастье оказаться тем, кто спустит курок.

Они твои. И на этот раз ты всё сделаешь по-своему.

Та, что меньше и с рыжими волосами, буквально умолявшая тебя взять её с собой, выглядит не слишком хорошо. Она умрет первой. На её лице уже виднеется узор из кровоподтеков. Это твоих рук дело. Твоих. На лице агента ФБР явственно виднеются следы слёз. Ты опускаешь винтовку и протягиваешь руку, опуская большой палец на её лицо.

Она отдергивает голову, но она не может бороться с тобой. Ни одна из них не может.

— Я развяжу вас, — произносишь ты, лишь для того, чтобы увидеть проблеск удивления в их глазах. — Вы побежите. Я даже дам вам фору в пару минут.

Схвати их. Освободи их. Выследи их. Убей их.

— Ну... — ты растягиваешь слово и опираешь заднюю часть винтовки о землю. — Кто хочет быть первой?

Адреналин уже несется по твоим венам. Ты полно сил. Ты охотник. Они — добыча.

— Я, — произносит агент ФБР. Понимает ли она, что сейчас она — не более чем олень у тебя на прицеле?

Ты охотник.

Она — жертва.

Ты хватаешь младшую за локоть.

— Ты, — ты выдыхаешь слово буквально ей в лицо. Пусть она шарахнется от него, от тебя. — Ты первая.

В воздухе парит дразнящий запах страха. Ты улыбаешься.

— Надеюсь, ты сможешь бежать.

Глава 45

Он достал из своего ботинка нож. Я представила, как он приближается ко мне. Почувствовала, как он прорезает мою кожу, отделяя плоть от моих костей. Но вместо этого наш похититель опустился на колени. Он провел плоской стороной ножа по моей щеке. Нож замер на моей шее, затем медленно опустился к моим запястьям. Он провел кончиком по вене, но не стал давить достаточно сильно, чтобы порезать.

Один разрез и мои руки были свободны.

Он вернул нож в ботинок и вручную развязал веревки вокруг моего тела. Он наслаждался происходящим, упивался им, смаковал каждую секунду. Его руки коснулись моего живота, моего бока, моей спины.

Вскоре я была свободна. Я взглянула на агента Стерлинг. Она хотела пойти первой, хотела выиграть для меня время – но зачем? Выход был всего один. Если он действительно даст мне фору, если я побегу достаточно быстро...

Ты хочешь, чтобы я считала, что у меня есть шанс, не так ли?

Даже с этим пониманием, я цеплялась за надежду на то, что двух минут хватит, чтобы затеряться в лесах. Должен быть выход – я должна была верить в это. Должна была бороться.

Он опустил руку на мою спину и грубовато подтолкнул к двери.

— Кэсси, — голос агента Стерлинг словно надломился, стоило ей произнести моё имя. — Тебя похоронили заживо в стеклянном гробу со спящей коброй на груди. Выход есть. Выход есть всегда.

Наш похититель не дал мне обернуться. Не дал попрощаться. Через миг я оказалась на пороге.

Описание Стерлинг угодило прямиков в точку – мы были окружены лесом, но ближайшие деревья находилась где-то в пятнадцати ярдах от хижины. Чем дальше в лес, тем гуще становилась растительность. Мне нужно было укрытие.

Мне нужен был план.

— Две минуты. Начинаются сейчас.

Он столкнул меня с порога. Я споткнулась. Моё лицо пульсировало.

Я побежала.

Я бежала так быстро, как только могла в сторону самых густых деревьев. Я добралась до укрытия через несколько секунд – меньше десяти, но больше пяти. Я прорывалась сквозь кустарник, пока мои лёгкие не начали гореть. Я оглянулась. Я не могла видеть его, а значит, он не мог видеть меня.

Сколько прошло времени? Сколько времени у меня осталось?

Выход есть всегда.

Побег не был решением. Охотящийся на меня мужчина был быстрее меня. Он был сложен, словно бегун и ему даже не нужно было ловить меня – я должна была лишь оказаться в поле его зрения.

Две минуты – это ничто.

Моей единственной надеждой было сбить его со следа, отправить его в одну сторону, а самой рвануть в другую. Наперекор всем моим инстинктам, я дала задний ход. Затем я сошла со следов, оставленных мною в первый раз, легко ступая и пригнувшись, ныряя в густой кустарник и моля Бога о том, чтобы похититель пошел по моим первым следам.

Где-то рядом треснула веточка. Я замерла.

Прошу не заметь меня. Прошу не заметь меня. Прошу не заметь меня.

Ещё один треск. Ещё шаги. В другой стороне. Он идет в другую сторону.

Скоро он поймет, что ошибся. Мне было некуда пойти. Я больше не могла бежать. Может, я могла забраться на дерево? Или укрыться в кустарнике? Я пересекла небольшой ручеек, жалея, что он не был рекой. Я бы нырнула в неё.

Я услышала крик – почти нечеловеческий.

Наверное, он дошел до конца моего изначального пути, и разгадал мою маленькую уловку. Теперь он двигался быстрее, желая восстановить утраченные позиции.

Ты не злишься. Не по-настоящему. Для тебя это игра. Ты знаешь, что найдешь меня. Ты знаешь, что мне не сбежать. Бежать, скорее всего, некуда.

Я понятия не имела о том, где мы находились – я знала лишь, что должна что-то сделать. Я опустилась на колени и схватила камень. Он едва уместился в моей ладони. Другой рукой я потянулась к ветке над моей головой и сжала зубы – от чего боль только усилилась.

Нет времени. Нет времени на боль. Лезь. Лезь. Лезь.

Я могла хвататься за ветки только одной рукой, но другой я цеплялась за них, стараясь не замечать то, как кора царапала нежную кожу. Я забралась так высоко, как смогла, пока ветки не стали слишком тонкими, чтобы выдержать вес моего тела, а листья – слишком редкими, чтобы скрыть меня от чужих взглядов. Я переложила камень из левой руки в правую и постаралась обрести равновесие.

Прошу не заметь меня. Прошу не заметь меня. Прошу не заметь меня.

Я слышала его – в пятидесяти ярдах. В сорока. В тридцати. Я увидела, как он пересекает ручей, стоило ему появиться в поле моего зрения.

Прошу не заметь меня. Прошу не заметь меня. Прошу не заметь меня.

Он не отводит взгляда от земли.

Следы. Я оставила за собой следы – и они кончались прямо у подножья дерева. Я знала, что в любой миг он посмотрит вверх. Времени хватило лишь на одну мысль, одну немую мольбу.

Не промахнись.

Я с такой силой швырнула в него камень, что чуть не упала с дерева. Он посмотрел вверх.

Я не промахнулась.

Камень угодил ему чуть выше глаза. Он упал, но тут же поднялся, и, в то время как он поднимался с колен на ноги, окровавленный и ошеломленный, но вполне живой, я почувствовала, как адреналин, подтолкнувший меня к этому, испарился.

Никаких тебе сверхчеловеческих сил или скорости. Вот и всё: он направляет винтовку на дерево, и я прижимаюсь к ветке на высоте пятнадцати футов от земли, дрожащая и окровавленная, без чего-либо, что я могла бы в него бросить.

— Уловки кончились? – окликнул меня он, в то время как его палец играл с курком.

Я подумала об оставшейся в хижине агенте Стерлинг. Он пойдет за ней, сделает его частью своей сумасшедшей игры.

Нет.

Я сделала последнее, что мне оставалось. Я прыгнула.

Винтовка выстрелила. Он промазал, и я врезалась в него, сначала ногами.

Мы оба упали в переплетении конечностей. Он не выпускал винтовки из рук, но я была слишком близко для выстрела.

Три секунды.

Именно столько времени ему понадобилось, чтобы взять надо мной вверх и прижать меня к земле. Он придержал меня рукой, а затем поднялся и впечатал ногу мне в грудь, убирая руку. Он встал, из раны на его голове хлестала кровь. С моего положения на земле он казался мне невероятно высоким. Непобедимым.

Он поднял винтовку на плечо.

Дуло винтовки было меньше чем в трех футах от меня. На несколько секунд оно замерло над моей талией, а затем оказалось прямо над моим лбом.

Я закрыла глаза.

— Схвати их. Освободи их. Выследи их. Убей... — он замолчал, внезапно и без предупреждения. Только позже мой мозг уловил звуки выстрелов и быстрых шагов, приближающихся ко мне.

— Кэсси. Кэсси.

Я не хотела открывать глаза. Что, если открой я глаза, это окажется ненастоящим? Что если винтовка всё ещё будет там? Он всё ещё будет там?

— Кассандра, — всего один человек на свете произносил моё полное имя таким тоном.

Я открыла глаза.

— Бриггс.

— Уэббер мертв, — объяснил он, прежде чем спросил, в порядке ли я.

— Уэббер? — прохрипела я. Я знала это имя, но мой мозг отказывался улавливать его, отказывался признавать тот факт, что у человека, сделавшего со мной такое, вообще было имя.

— Энтони Уэббер, — подтвердил Бриггс, бегло осматривая мои раны, отмечая всё, до последней детали.

— Стерлинг? — удалось выдавить мне.

— Она в безопасности.

— Как вы...

Бриггс поднял руку, прося меня подождать, и другой рукой достал телефон. Звонок был коротким, он говорил по существу.

— Она у меня. Она в порядке, — затем он сосредоточился на мне и ответил на вопрос, который я так и не задала. — Как только мы поняли, что вы обе пропали без вести, директор отправил на ваши поиски всё агентство. Он всё повторял, что Вероника пыталась сказать ему, что что-то с делом было не так.

— Но как вы...

— Твой датчик слежения.

— Агент Стерлинг сказала, что не активировала его.

Бриггс усмехнулся.

— Она и не активировала, но из-за того, что она была помешана на всей этой «игре по правилам» когда она оформляла его получение, она заполнила все бумаги. Во всех подробностях. У нас был его серийный номер, так что мы смогли активировать его удаленно.

Иронично — я спасла жизнь агента Стерлинг, нарушив правила, а она спасла мою, следуя им.

Бриггс помог мне встать.

— Моя команда уже близко, — сказал он. — Мы поехали сразу из дома, так что добрались первыми.

Мы?

— Кэсси, — из кустарника появился Дин.

— Я сказал ему ждать в хижине, — сказал мне Бриггс. — Я сказал тебе ждать в хижине, — повторил он для Дина с нотками раздражения в голосе. Но он позволил мне сделать три шага на встречу Дину, позволил Дину пересечь разделявшее нас расстояние в один миг. Через секунду его руки оказались на моих плечах, прикасаясь ко мне, словно ища подтверждения тому, что я в порядке, что я здесь, что я настоящая.

— Что ты здесь делаешь? — спросила у него я.

Его руки скользнули от моих плеч к моему лицу. Его правая ладонь накрыла левую сторону моего лица. Левая же ладонь ласково миновала мои раны и зарылась в моих волосах, поднимая мою голову так, словно моя шея не справилась бы с этой работой.

— Активировать датчик было идеей Слоан. Все остальные забыли о нём. Бриггс был в доме, когда мы нашли координаты. Возможно, я устроил всё так, чтобы когда он уехал, я оказался в его машине.

Бриггс не стал бы тратить и секунды на то, чтобы заставить его остаться.

— Что произошло? — спросил у меня Дин, его голос был полон эмоций, которые я не могла распознать. Я знала, что он спрашивает о похищении, о моём лице, о том, как я была связана в той хижине, как боролась за жизнь, но я решила ответить немного по-другому.

— Я бросила ему в голову камень. А потом я спрыгнула на него с того дерева, — я неопределенно махнула в сторону дерева одной рукой.

Дин уставился на меня. Я не могла распознать его эмоции, пока кончики его губ не изогнулись вверх.

— Я ошибался, — произнес он, — когда сказал, что чувствую что-то, — он дышал тяжело. Я и вовсе не могла дышать. — Когда сказал, что не уверен, что этого достаточно.

Он был напуган, как и я. Но он чувствовал это, как чувствовала это и я, и он был рядом. Я так долго старалась на выбирать, старалась не чувствовать, но в один миг что-то во мне сломалось, словно вода хлынула через плотину.

Дин ласково притянул меня к себе.

Его губы легко коснулись моих. Движение было нерешительным, неуверенным. Мои руки опустились на его шею, и я притянула его ближе.

Может это ошибка. Может, стоит дыму развеяться, всё станет иначе. Но я не могла остановиться, не могла больше жить, думая о том, что может случиться, если я по-настоящему хотела жить.

Я встала на цыпочки, прижимаясь к нему всем телом, и ответила на поцелуй, забывая о боли в моём лице и о мире вокруг, пока не остался лишь этот миг – миг, до которого я уже и не думала дожить.

Глава 46

Я провела ночь в больнице. У меня было сотрясение, синяк на шее, от того, что меня чуть не задушили и бесчисленные порезы и ссадины на руках и ногах.

Им с трудом удалось увести от меня Дина.

Я была жива.

На следующее утро доктора отпустили меня на попечение агента Бриггса. Мы были на полпути к его машине, когда я вдруг осознала, что он слишком уж молчалив.

— Где агент Стерлинг? – спросила я.

— Уехала, — мы забрались в машину. Я робко пристегнула ремень безопасности. Бриггс выехал на дорогу. – Её ранения были незначительными, но ей пришлось уехать до тех пор, пока психолог Бюро не позволит ей заниматься оперативной работой.

— Она вернется? – я почувствовала жжение в глазах, стоило мне задать этот вопрос. Неделю назад я была бы рада избавиться от неё, но теперь...

— Я не знаю, — сказал Бриггс, мышцы его подбородка напряглись. Он был из тех, кто ненавидел признавать неуверенность в чем-либо. – После того, как Рэддинг поймал её – после того, как Дин помог ей спастись – она хотела вернуться к службе. С головой погружалась в работу.

Но так было тогда. Сейчас всё было по-другому. Я думала, что агент Стерлинг поменяла своё мнение о нашей программе, но я не могла выбросить из головы мыслей о выражении её лица, когда она спросила меня о том, почему. Почему я не послушала её? Почему заставила безумца забрать с собой и меня?

Всё чего она хотела в последние моменты своей жизни – убедиться в том, что я выберусь из этой дыры живой.

— Она винит себя? – спросила я, хоть это был и не совсем вопрос.

— Себя. Своего отца. Меня.

Что-то в голосе Бриггса подсказало мне, что не только агент Стерлинг считала себя виноватой.

— Вы не должны были заниматься оперативной работой, — сказал он мне. – Ваши жизни не должны были оказаться под ударом.

Если бы «естественные» не работали над этим делом, Кристофер Симмс убил бы ту девушку. Если бы я не поехала с агентом Стерлинг, она была бы мертва. Не важно, насколько сильно агента Бриггса будет преследовать всё, произошедшее со мной. Я знала наверняка, что, в конце концов, он мог смириться с рисками этой программы. Но я не была уверена в том, что агент Стерлинг могла.

— Куда мы едем? – спросила я, когда Бриггс проехал мимо съезда с шоссе, ведущего к нашему дому.

Несколько минут он ничего не говорил. Миля перетекала в милю. Мы остановились у квартирному комплексу через дорогу от тюрьмы.

— Я хочу, чтобы ты кое-что увидела.

В квартире Уэббера было две спальни. Его жизнь была четко разделена. В одной комнате он спал – аккуратно застеленная кровать, затемняющие занавески на окнах – а в другой он работал.

Когда мы зашли, команда Бриггса как раз составляла списки улик: тетради и фотографии, оружие и компьютер. Сотни – если не тысячи – полиэтиленовых пакетов для улик рассказывали историю жизни Уэббера.

Историю его отношений с Дэниелом Рэддингом.

— Не стесняйся, — сказал мне Бриггс, кивая в сторону осторожно сложенных пакетов. — Только надень перчатки.

Он не привез на место преступления Дина. Не привез Майкла, Лию или Слоан.

— Что я ищу? – спросила я, натягивая пару перчаток.

— Ничего, — просто ответил Бриггс.

Ты привез меня сюда, чтобы я взглянула на это, — подумала я, сама не заметив, как переключилась в режим профайлера. — Почему?

Дело было не в исследовании улик. Дело было во мне и в том, что я пережила в лесу. Я всегда буду задаваться вопросами насчет Лок, как Дин всегда будет задаваться вопросами о своём отце, но этот Н.О. – человек, пытавшийся убить меня — не должен был стать ещё одной запоминающейся личностью, очередным призраком, преследующим меня во снах.

Аккуратно заправленная постель и охотничья винтовка.

Бриггс привез меня сюда, чтобы я поняла его – и смогла двигаться дальше, насколько человек вообще мог двигаться дальше после подобного.

Мне понадобились часы, чтобы просмотреть все улики.

К одной из страниц дневника был приколот снимок Эмерсон Коул. Почерк Уэббера – только заглавные, наклоненные набок буквы – украшали страницы, рассказывая мне его историю – всю, до ужаснейших, тошнотворных деталей. Я читала её, анализируя эти детали, впитывая их и сооружая профиль.

Шесть месяцев назад тебя перевели в тюремный корпус Рэддинга. Ты был очарован им, загипнотизирован тем, как он играл с другими заключенными, с охранниками. Лишь в тюрьме у тебя была хоть какая-то власть, какое-то подобие контроля, но когда из полицейской академии пришел очередной отказ, этого стало мало.

Ты хотел другой власти. Нематериальной. Неоспоримой. Бесконечной.

Уэббер стал одержим Рэддингом. Он считал, что ему удавалось скрывать свою одержимость, пока однажды Рэддинг не предложил ему довольно специфическую работу.

Он разглядел твой потенциал. Ты должен был показать, на что ты способен – доказать, что ты умнее и лучше, чем все те, кто глядел на тебя свысока, кто отвергал и отталкивал тебя.

Рэддинг попросил Уэббер о двух вещах: следить за агентом Бриггсом и найти Дина. Уэббер справился с обоими заданиями. Он преследовал Бриггса. Он нашел дом, где жил Дин. Он доложил об этом.

То был переломный момент. В тот миг ты понял, что для того, чтобы снова увидеть в глазах Рэддинга хныкающего маленького ребенка, тебе придется сделать больше. Между страницами дневника покоилась сложенная газетная статья – статья, которую Уэббер дал прочитать Дэниелу Рэддингу, а затем спрятал в своей рабочей комнате.

Статья о специальном агенте ФБР Лейси Лок. Волк в овечьей шкуре. Убийца среди людей Бюро.

Вскоре после этого Рэддинг сказал, что ты готов. Ты был его учеником. Он был учителем. А если кто-то другой хотел оказаться на твоём месте – что же, со временем, ты бы разобрался с ними.

Я перелистывала страницу за страницей, а затем возвращалась назад, перечитывая, пытаюсь воссоздать временную линию. Рэддинг начал придумывать «проверки» для своих учеников – или, как писал Уэббер – претендентов – на следующий день после того, как он прочитал статью об убийствах Лок.

Вы не считаете это странным? – спросила я, кажется, целую вечность назад. — *Шесть недель назад, Лок сымитировала убийство моей матери, а теперь кто-то подражает отцу Дина?*

Сидя там, пытаюсь отстроить серию событий, которые привели к убийству Эмерсон Коул, я поняла, что это не странно. Всё это не было совпадением.

Дэниел Рэддинг начал всё это, после прочтения статьи об убийствах Лок. Дин понимал убийц из-за своего отца, но ведь и Дэниел Рэддинг понимал их. И если он понимал Лок – что руководило ею, что послужило мотивом, чего она хотела – если для него Уэббер следил за Дином, если он знал о том, кем я была и о том, что случилось с моей матерью...

Лок убила тех женщин ради меня, а Рэддинг подхватил её игру.

У меня было ещё так много вопросов: как Рэддинг узнал о том, кто я; как провел параллели, чтобы понять, что произошло с Лок; что он знал – если вообще знал – о моей матери?

Но в дневнике Уэббера не было ответов.

Стоило начаться проверкам, записи Уэббера стали менее сфокусированы на Рэддинге.

Ты поклонялся ему – но затем ты стал им. Нет, ты стал кем-то лучшим. Кем-то новым.

Пятеро людей расстались с жизнями. На страницах дневника Уэббер признался в убийствах четверых из них: Эмерсон, профессора и обоих его соперников. Первоначальный план, в который Рэддинг посвятил всех троих — ведь благодаря Уэбберу они могли общаться – заключался в том, что все они должны были выбрать по одной жертве для другого.

Но ты не считал, что есть место для других.

На нескольких страницах дневника Уэббер описывал, как он убил бы Трину Симмс. Он представлял, воображал это, и Кларк умер, потому что сделал всё неправильно.

Дни Кристофера были сочтены в миг, когда он попался. И тогда ты стал единственным.

— Кэсси? – позвал меня Бриггс, и я поняла голову, глядя на него с моего места на полу. — Ты в порядке?

Я провела здесь несколько часов. Бриггс достиг своей цели: теперь, закрыв глаза, я больше не возвращалась к ужасу, который чувствовала, когда на меня охотились, словно на животное. Я больше не чувствовала Уэббера, не ощущала, как его руки перекрывают поток воздуха, поступающего в мои легкие.

Эти воспоминания не исчезли. Они никогда не исчезнут. Но на несколько минут, часов, а однажды и дней, я смогу забывать об этом.

— Ага, — сказала я, закрывая дневник и срывая перчатки сначала с одной, а затем с другой руки. — Всё хорошо.

К тому времени, как мы вернулись домой, было почти темно. Лия, Дин и Слоан сидели на крыльце, ожидая моего приезда. Майкл разбивал кувалдой окна машины-развалюхи.

С каждым ударом, с каждым осколком стекла я чувствовала, как во мне что-то ломается.

Он знал.

В тот самый миг, как Дин вернулся в дом, в тот самый миг, как Майкл посмотрел на него, он всё понял. Я не хотела, чтобы так случилось. Я не планировала этого.

Майкл поднял взгляд и заметил меня, словно услышав мои мысли. Он изучающе осмотрел меня, как в тот день, когда мы встретились впервые, и я ещё не знала о его способностях.

— Значит, всё кончено? – спросил он.

Я не ответила. Я не могла. Мой взгляд метнулся к крыльцу. К Дину. Майкл беззаботно улыбнулся мне.

— Как пришло, так и ушло, — пожал плечами, сказал он. Словно я никогда не была для него больше, чем игрой. Словно я ничего для него не значила.

Потому что он больше не мог позволить мне быть значимой.

— Но, может, — продолжил он, каждое слово – прицельный выстрел в моё сердце, — если Рэддинг что-то получил, он, наконец, что-то потеряет.

Я знала наверняка, что он делает. *Если не можешь заставить их прекратить бить тебя, приходится напрашиваться на удары.* И всё же, его слова ранили меня. Синяки и ссадины, пульсация в моей голове – всё затмила внезапная жестокость Майкла, его безразличные тон.

Я знала, что сделав выбор, потеряю одного из них. Но я и не представляла, что вот так потеряю Майкла. Я развернулась к дому, стараясь не заплакать. Дин встал. Наши глаза встретились, и я позволила себе вспомнить о том миге в лесу – и обо всём том, что привело нас к нему. Ему рука в моей, кончики моих пальцев касаются его подбородка. Секреты, которыми мы делились. То, чего никто – не важно, «естественный» или нет, профайлер или нет – никогда не поймет.

Выбери я Майкла, Дин бы всё понял.

Я зашагала к крыльцу, к Дину, ускоряя шаг. Меня окликнул Майкл.

— Кэсси?

В его голосе послышалась нотка искренних эмоций – лишь намек на что-то, что я не смогла распознать. Я взглянула на него через плечо, но не обернулась.

— Да?

Майкл смотрел на меня, в его карих глазах затаилась смесь неясных мне эмоций.

— Если бы тогда в лесу был я, если бы я поехал с Бриггсом, если бы именно меня ты увидела в ту самую секунду...

Ты бы выбрала меня? Он не закончил вопроса, а я не стала на него отвечать. Я обернулась к дому, а он продолжил выбивать окна изломанной, разбитой машины.

— Ага, — ветер донёс до меня его слова. — Я так и думал.

Три недели спустя...

В день, когда сошел последний из моих синяков, мы сдавали экзамен. В тот же день в дом снова въехала агент Стерлинг.

Когда мы пятеро вернулись с экзамена, она руководила грузчиками, сжимая в руках большую коробку. Её волосы были собраны в свободный хвостик у основания шеи, растрепанные пряди взмокли от пота. На ней были джинсы.

Я сопоставила изменения в её внешнем виде и тот факт, что вещи Бриггса выносили из его кабинета. Что-то изменилось. Какой бы переоценкой ценностей она не занималась, какие бы воспоминания не воскресило в ней наше похищение, она явно приняла какое-то решение. Что-то, с чем она могла смириться.

Стоящий рядом со мной Дин глядел вслед Стерлинг, когда она исчезла в своей комнате. Я гадала о том, думал ли он о женщине, которую знал пять лет назад. Гадала, было ли что-то общее между ней и той женщиной, что сейчас стояла перед нами.

— Как думаете, она решила выставить все вещи своего бывшего мужа из этого дома в лечебно-профилактических целях? – спросил Майкл, когда пара грузчиков пронесли мимо нас стол Бриггса.

— Есть только один способ узнать, — Лия направилась в ту сторону, куда ушла Стерлинг. Через какой-то миг все мы последовали за ней.

Почти всё доказательства присутствия Бриггса исчезли из комнаты, в которой теперь появилась настоящая кровать, взамен раскладного дивана. Стоящая к нам спиной Стерлинг опустила коробку на кровать и начала распаковывать её.

— Как прошел экзамен? – не оборачиваясь, спросила она.

— Бесподобно, — ответила Лия. Она накрутила на палец прядь темных волос. — Как прошла психологическая оценка ФБР?

— Так себе, — Стерлинг обернулась к нам. — Как ты, Кэсси? – спросила она. Что-то в её голосе подсказало мне, что она знает ответ на свой вопрос.

Некоторые считают, что заживая после перелома, кости становятся крепче. В хорошие дни я говорила себе, что это правда, что каждый раз, когда мир пытается сломать меня, я становлюсь всё сильнее. В плохие дни я подозревала, что навсегда останусь сломленной, что кое-что во мне никогда не будет правильно – и именно благодаря этому я хороша в своей работе. Именно благодаря этому этот дом и эти люди стали моим домом.

— Я в порядке, — сказала я. Лия не стала комментировать мой ответ на вопрос агента Стерлинг. Слоан же наклонила голову на бок, в замешательстве глядя на Стерлинг.

— Вы вернулись, — сказала агенту Слоан, хмурясь. — Вероятность вашего возвращения была довольно мала.

Агент Стерлинг развернулась к коробкам на своей кровати.

— Если шансы невелики, — произнесла она, доставая что-то из одной из коробок, — стоит сменить правила.

Глядя на выражение лица Слоан, не приходилось сомневаться, что эта фраза показалась ей неясной. Я была слишком занята мыслями о том, что Стерлинг имела в виду, сказав об изменении правил, так что не обратила внимания на её слова о вероятностях и шансах.

Тебя похоронили заживо в стеклянном гробу со спящей коброй на груди. Я подумала об игре, в которую Стерлинг играла со Скарлетт Хокинс. В невероятных ситуациях требовались невероятные решения. Вероника Стерлинг хотела распустить нашу программу, но всё кончилось тем, что она переехала в наш дом.

Что-то здесь не так.

— Значит, ты больше не будешь убегать?

Я обернулась и увидела стоящего в дверном проеме Джадда. Я обдумала его вопрос, гадая, как долго он стоял там. Он наблюдал за агентом Стерлинг с самого детства. Когда она ушла из ФБР и повернулась спиной к этой программе, они отделились друг от друга.

— Я никуда не сбегу, — сказала ему Стерлинг. Она подошла к прикроватной тумбочке и развернула предмет, который она держала в руках, выбрасывая оберточную бумагу.

Фоторамка.

Прежде чем я успела подойти ближе, я знала, что я увижу в той рамке.

Две маленькие девочки, темноволосая и блондинка. Обе широко улыбаются в камеру. У той, что меньше – Скарлетт – не хватало двух передних зубов.

— Я никуда не сбегу, — повторила Стерлинг.

Я взглянула на Дина, инстинктивно чувствуя, даже прежде чем наши глаза встретились, что он думал о том же, о чём и я. Стерлинг слишком долго держала свои эмоции на замке. Она так долго пыталась ничего не чувствовать, старалась удержать под контролем ту женщину, которой она когда-то была.

— Не хотелось бы прерывать такой трогательный момент, — произнес Майкл достаточно едко, чтобы я поняла, что он говорил не только о моменте между Стерлинг и Джаддом – он намекал на синхронность между нами с Дином. – Но я заметил в вашей челюсти намек на напряжение, агент, — взгляд Майкла порхал слева направо, сверху вниз, примечая каждую деталь в осанке и выражении лица Стерлинг. — Но не от напряжения, а от... предчувствия.

В этот миг кто-то позвонил в дверь, и Стерлинг выпрямилась, выглядя немного более внушительно, чем миг назад.

— Гости, — коротко сказала она Джадду. – В множественном числе.

Первым появился Бриггс, следом за ним – директор Стерлинг. Я думала, что на этом всё и кончится, но затем стало ясно – мы ждем кого-то ещё.

Кого-то важного.

Через несколько минут к дому подъехал темный седан. Из машины вышел мужчина. Он был одет в дорогой костюм и красный галстук. Он шел целеустремленно, словно каждый его шаг был частью великого плана. Когда мы все расселись в гостиной, агент Стерлинг представила его нам как директора Национальной Разведки.

— Главный советник в Совете национальной безопасности США, — выпалила Слоан. – Докладывает напрямую президенту. Глава разведсообщества, включающего в себя семнадцать подразделений: ЦРУ, АНБ, Управление по борьбе с наркотиками...

— И ФБР? – сухо предположила Лия, прежде чем Слоан успела перечислить все семнадцать агентств, которыми руководил сидящий перед нами мужчина.

— До прошлой недели, — сказал мужчина в красном галстуке, — я понятия не имел о существовании этой программы.

Вскоре цель встречи прояснилась. *Если шансы невелики, стоит сменить правила.* Агент Стерлинг доложила о программе «Естественных».

— Я хорошенько обдумал ваш доклад, — сказал агенту Стерлинг директор Национальной Разведки. — Плюсы и минусы этой программы. О её сильных и слабых сторонах.

Он задержался на слове «слабых». Лицо директора Стерлинга не выражало никаких эмоций. Этот мужчина был его начальником. Он мог распустить эту программу. А может директор считал, он мог сделать и что-то похуже. Сколько законов нарушила агент Стерлинг, не докладывая об этой программе?

Агент Стерлинг переезжает сюда. Я уцепилась за этот факт. Наверняка это значило, что босс её отца приехал сюда не для того, чтобы распустить программу. Наверняка.

Почувствовав, что не только директора Стерлинга расстроили его слова, глава Национальной Разведки обратился к нам.

— Кажется, агент Стерлинг считает, что это программа спасает жизни — и что если бы вам позволили принимать участие в введущихся расследованиях, вы смогли бы спасти ещё многих людей, — директор Разведки сделал паузу. — А ещё она считает, что вы не можете соблюдать осторожность, и ни одному агенту, вовлеченному в введущееся расследование, не важно, насколько благи его намерения, нельзя доверять ваше физическое и психологическое самочувствие.

Я взглянула на агента Стерлинг. Он обвинял не только программу, но и то, что она позволила нам делать.

Что, если они позволят нам остаться, но не подпустят к настоящим делам? Прежде чем я пришла сюда, мне хватало тренировок в профилировании людей, но теперь этого было мало. То, через что я прошла, должно было что-то значить, мне нужна была цель. Я должна была помогать людям.

— Основываясь на оценке агентом Стерлинг рисков, присущих этой программе, — продолжил директор Национальной Разведки, — она рекомендует изменить структуру программы так, чтобы Джадд Хокинс был назначен вашим представителем, и все до единого отклонения от протокола были одобрены вышеупомянутым представителем, независимо от потенциальной выгоды для расследования.

Изменить структуру. Я обдумала эти слова.

Директор Стерлинг едва заметно сжал зубы, но в целом его лицо осталось безучастным. Если рекомендации его дочери будут одобрены, решать что мы можем, а чего не можем делать будет Джадд. Джадд, а не директор Стерлинг.

— Вам исполняется восемнадцать меньше чем через год? — спросил мужчина, пришедший сюда, чтобы принять решение, от которого зависело наше будущее. Из уст кого-то, кто напрямую докладывает президенту, слова прозвучали скорее как приказ, чем как вопрос.

— Осталось двести сорок три дня, — подтвердила Слоан. Остальные просто кивнули.

— Они остаются за кулисами, — он перевел свой тяжелый взгляд на директора. — Таковы правила.

— По рукам.

— Агенты Стерлинг и Бриггс будут наблюдать за их участием в каких-либо расследованиях, одобрять которые будет Майор Хокинс. Когда дело дойдет до того, что входит в сферу действия этой программы, а что нет, последнее слово за ним — даже для вас.

Директор окаменел, но не колебался с ответом.

— По рукам.

— И в следующий раз, когда решите проспонсировать неофициальную новаторскую программу — лучше передумайте.

Директор Национальной Разведки не дал директору Стерлингу шанса ответить. Он кивнул всего один раз и ушел.

— Думаю, я озвучу общую мысль, — сказал Майкл, — когда спрошу, что здесь только что произошло?

Правила только что изменились, — подумала я.

— Программа «Естественных» только что получила немного контроля, — ответила агент Стерлинг. — Появятся кое-какие новые правила. Новые инструкции. И они будут что-то значить. Никаких больше исключений — даже для меня, — она говорила строго, но Майкл видимо увидел

что-то, невидимое для меня, и усмехнулся. Агент Стерлинг тоже улыбнулась – глядя прямо на меня.

— Нам понадобятся эти правила, — добавила она, — потому что, начиная с завтрашнего дня, вы пятеро допущены к работе над ведущимися расследованиями.

Они не закрывали нашу программу. Они давали нам допуск к активным делам. Вместо того чтобы отобрать у меня цель, они подарили мне новую жизнь.

Целый новый мир.